

ИГОРЬ БУНИЧ

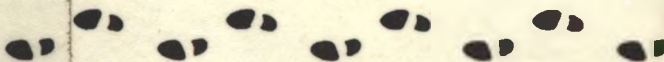
Х Р О Н И К А
ЧЕЧЕНСКОЙ БОЙНИ

ШЕСТЬ ДНЕЙ
В БУДЕННОВСКЕ

сезон

НОВИНОК

ИГОРЬ БУНИЧ

ХРОНИКА ЧЕЧЕНСКОЙ БОЙНИ

И

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ОБЛИК
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.Р1

Б91

Б91 И.Л.Бунич. Хроника чеченской бойни и шесть дней в Буденновске: — СПб. «ОБЛИК», 1995.— 320 с., илл.

ISBN 5-85976-015-9

Новая книга Игоря Бунича приоткрывает завесу над тайной возникновения и развития «чеченской проблемы». Автор в присущей ему захватывающей манере описывает и анализирует обостряющиеся противоречия в правящих кланах, которые выплеснулись морем крови и миллионами искалеченных душ на нашу страну.

Редакторы: Б.Сапегин, Е.Афанасьева
Компьютерный набор, корректура: Е.Афанасьева, Б.Сапегин
Оригинал-макет: Г.Мачинцев

© НПП «Облик», 1995.

Копирование, перепечатка, размножение как отдельных частей, так и всей книги возможны только с разрешения НПП «Облик».

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Меня часто упрекают в том, что в своих книгах я ни на кого не ссылаюсь. Видимо, критикующие не понимают, что я пишу для массового читателя, а не докторские диссертации.

Эту книгу я хочу начать прямо со ссылки... на самого себя. Заканчивая хронику «Меч Президента», я предостерегал о начале новой эпохи — эпохи политической клоунады. «Когда на политической авансцене, — предупреждал я своих читателей, — визжат, воют, ругаются и дерутся клоуны, отвлекая на себя внимание зрителей, в глубине затемненной сцены происходит перемена декораций, смена актеров и подготовка к следующему акту. Будьте внимательны! Не дайте следующему действию со смертельными трюками заставить вас врасплох».

Я написал эти слова в декабре 1993 года, когда в воздухе еще стояло гулкое эхо танковых залпов по помпезному зданию Белого Дома в центре Москвы. Эхо было настолько гулким, что возникало опасение — оно в любой момент может перерасти

в бесконечную оглушительную канонаду из тысяч артиллерийских и танковых стволов, усиленную ревом установок залпового огня и свистом авиабомб.

Так и произошло. Антракт между двумя действиями со смертельными трюками оказался очень коротким.

Как и положено по жанру, второе действие стало намного круче первого, и, что больше всего ценится зрителями, оказалось с весьма неожиданным концом. Захватывает дух: каково же будет третье действие, просто обязанное быть завлекательнее второго?

Глава 1

ПРОЛОГ ИЛИ ТИХОЕ ШИПЕНИЕ БИКФОРДОВА ШНУРА

*Пей чашу горькую измены
Из грязных рук своей страны...*

(Из песни, сложенной русскими
в Грозном в январе 1995 года)

Над свободной Россией хмуρο поднималось тяжелое утро 25 ноября 1994 года. Приветствуя новый день, утренние газеты писали о том, что «наша демократия напоминает светофор, у которого горят все три огня». На Московской валютной бирже курс американского доллара подскочил на 18 пунктов по сравнению со вчерашним днем и стал равен 3216 рублям.

В одном из храмов столицы отмечался 40-ой день с момента убийства журналиста Дмитрия Холодова, разорванного на куски взрывом мины, подложенной ему в портфель. Сам президент Ельцин взял расследование этого убийства под личный

контроль. Впрочем, как уверяли столичные циники, «личный контроль президента» дает гарантию, что убийц не найдут никогда. Тем более, что покойный Холодов в качестве корреспондента скандальной газеты «Московский комсомолец» шнырял по Чечне и сопредельным территориям, стараясь выяснить, откуда в свободную Ичкеррию идут эшелоны с оружием и боеприпасами с таким напряженным графиком движения, как накануне битвы на Курской дуге.

«Нам наплевать на этого журналиста, порожденного жалкой газетенкой!» — объявил кандидат в будущие президенты Свободной России депутат Государственной Думы Владимир Вольфович Жириновский, как всегда, в несколько огрубленном виде доводя до сведения народа мнение президентского окружения. Жириновский выступал в Краснодаре перед своими сторонниками. Но и те были некоторым образом шокированы. Соборные и богобоязненные люди не любят таких резких высказываний о мертвых, даже если они им при жизни и не симпатизировали. Потому на этом месте речь вождя не была прервана оглушительными аплодисментами...

В итоге сорокадневного следствия по делу об убийстве Холодова ФСК, еще раз подтвердив свою высокую репутацию, пришло к сенсационному выводу о том, что «убийство Холодова связано с его профессиональной деятельностью», о чем поведал населению руководитель Центра общественных связей ФСК генерал Александр Михайлов. Лицо

генерала светилось важностью и значимостью сделанного сообщения, как-будто он и его коллеги открыли новый физический закон.

То, что в ФСК через сорок дней еще помнили об убийстве Холодова, вызывало некоторое удивление, поскольку у Федеральной Службы контрразведки была пропасть своих дел, по сравнению с которыми убийство какого-то малоизвестного журналиста выглядело просто смешным.

Во-первых, именным указом президента ФСК возвращались следственные функции, восстанавливались следственные управления и отделы, что, в свою очередь, вело к возобновлению огромного числа уголовных дел, оставшихся от якобы распущенного КГБ.

В родное лоно возвращался и старый «чекистский» изолятор в Лефортово. Понимая, что подобные подарки надо как-то отрабатывать, ФСК начала раскручивать новую волну шпиономании, обвинив, для начала, в шпионаже «Фонд Сореса», на деньги которого жили, как в сиротском интернате, русская наука, литература и искусство.

Видимо, было принято решение «чтобы они сдохли», а потому «Фонд Сореса» стали чекистской палкой отгонять от «сирот», брошенных Россией-мамой. Точно таким же методом умирающих от голода в Поволжье в свое время отгоняли от «Организации Американской Помощи»...

Но были дела и поважнее. Сотрудники ФСК с кейсами, набитыми пачками 50-тысячных купюр, ездили по подмосковным гарнизонам, включая

элитные Кантемировскую и Таманскую дивизии, ведя там частные разговоры с некоторыми офицерами, предварительно отобранными по рекомендации Особых отделов. Пачки банкнот исчезали в офицерских карманах, а сами офицеры таинственным образом исчезали из своих воинских частей...

А жизнь шла своим чередом.

На экранах телевизоров вновь возникла реклама «МММ».

Неожиданно было объявлено о кончине президента банка «Чара» Владимира Ильича Рачука, «награвшего» своих интеллигентных клиентов на миллиарды рублей.

В Москве продолжался суд над генералом Сильвестровым, куда-то сплавившим примерно 40 тысяч тонн боеприпасов, принадлежавших некогда Западной Группе Войск — ныне уже не существующей.

Московская милиция арестовала некоего умельца, делающего бомбы, замаскированные под банки с пивом, а священник отец Баранов освятил помещение газеты «Московский комсомолец», где произошёл взрыв, убивший Дмитрия Холодова. Близкая к ФСК газета «Пульс Тушино» сравнила это действие с «освящением (?) публичного дома».

Демократия сверкала многогранностью, как дорогой алмаз.

Откуда-то с государственных окраин глухо доносилась стрельба, к которой все давно привыкли, не обращая на нее ровным счетом никакого внимания...

Почти никто не обратил внимания на то, что вновь пришли в движение «президентские заточки», предвещающая пролитие крови.

Одна из этих «заточек» — Руслан Хасбулатов — засунутая на какое-то время в сапог Лефортовской тюрьмы и вынутая оттуда по «думской амнистии», снова объявилась, сверкая своими неровными гранями в бутрах и заусеницах. Объявилась в Чечне, бросив в Москве свою шикарную квартиру, о которой некогда взалхлеб писали все столичные газеты. Бросив, конечно, не навсегда, поскольку трудно было поверить, что Хасбулатов готов был обменять эту квартиру на скромный коттеджик в чеченском селении Толстой-Юрт, где он обосновался.

Руслан Имранович никогда не страдал от ложной скромности. «Пора понять, — объяснял корреспондентам свергнутый «спикер», — что в Чечне я общепризнанный лидер». И в голосе его звучали зловещие нотки времен октябрьского путча 1993 года. Одет был Хасбулатов в офицерскую тужурку старого образца, но без погон и выглядел очень воинственно, хотя сам считал себя «миротворцем». «Заточка» может выполнять миротворческие функции только будучи приставленной к чьему-то горлу.

Хасбулатов, со свойственным ему полным непониманием реальной обстановки, столь ярко продемонстрированным во времена октябрьских собы-

тий, почему-то считал, что он уже вцепился в горло президента Чечни генерала Дудаева.

Сам же генерал, обосновавшись в помпезном здании бывшего рескома КПСС, переименованном в президентский дворец, наблюдал за Хасбулатовым с некоторой смесью презрения и непонимания, с какой обычно генералы наблюдают за слишком крикливыми и активными «шпаками».

Некоторое непонимание, которое вызывала у генерала Дудаева деятельность своего старого приятеля Руслана Хасбулатова, говорило о том, что президент Чечни, как и всякий генерал, а особенно, генерал-нацмен, плохо знал историю той страны, которая вручила ему в свое время офицерские погоны. А страна, вручившая ему погоны генерала и сделавшая его президентом с напутствием «съесть столько суверенитета, сколько он в состоянии проглотить», еще, в сущности, собственной истории не имела и пользовалась богатым опытом почивших в бозе Советского Союза и Российской Империи.

Можно, конечно, стереотипно сказать, что с момента объявления Чечни независимым и суверенным государством летом 1991 года, Дудаев костю в горле сидел у всех руководящих лиц в Кремле. Но сказать так — значит сильно погрешить против истины. «Костю в горле» Дудаев ни для кого в Москве не был. Если его и можно с чем-либо сравнить, то, скорее, с наркотической таблеткой, засунутой под язык для возбуждения и повышения работоспособности в среде навязчивых галлюцинаций.

Наркотический галлюцинат — вот кем постоянно был Дудаев для нового руководства в Москве. Отозванный по рекомендации Хасбулатова из Прибалтики, где он служил командиром бомбардировочной дивизии, и срочно произведенный в генерал-майоры Джохар Дудаев был послан в Чечню для свержения коммунистического режима Завгаева-Семенова и утверждения на Северном Кавказе новых «общечеловеческих ценностей». На случай непредвиденных обстоятельств на Кавказе и ожидавшихся там прокоммунистических мятежей, новоиспеченный генерал имел от Москвы самые широкие полномочия, которые либо вообще не поддаются никакой трактовке, либо могут трактоваться, как угодно.

Руслан Хасбулатов, катапультированный с обшарпанного профессорского стула на роль второго лица в государстве, страдал от кессонной болезни в такой острой форме, что ничего не видел вокруг себя, кроме сладчайших галлюцинаций. Одной из них в воспаленном воображении «спикера» был тугодумный и обремененный всевозможными пороками первый российский президент, устранение которого от власти казалось делом простым и чисто техническим. И Хасбулатов уже сладострастно примерял на себя «шапку Мономаха», рассматривая при этом генерала Дудаева в качестве одного из своих естественных союзников, направленного в Чечню с единственным заданием — выполнять его, Хасбулатова, распоряжения. А в том, что все его распоряжения будут одобрены прези-

дентом, живущий в галлюцинациях спикер нисколько не сомневался.

Таким образом, генерал Дудаев, невзирая на всю свою националистическую псевдориторiku, долгое время являлся наконецником московского копья, приставленным к горлу Северного Кавказа.

После провала так называемого «августовского путча» в Москве в 1991 году по прямому приказу из Москвы вооруженные «гвардейцы Дудаева» захватили здание Совмина, радио и телецентра, а 6-го сентября — здание Верховного Совета Чечено-Ингушской республики. Дудаев еще не был президентом, а имел довольно длинную и не совсем понятную должность председателя Исполнительного комитета Общенационального конгресса чеченского народа. Чтобы не вступать в конфронтацию со своим старым другом по войне в Афганистане генералом Русланом Аушевым, претендующим (в качестве старшего по званию) на роль беспрекословного лидера (президента) Ингушетии, первым актом Дудаева было отделение Чечни от Ингушетии.

15 сентября 1991 года, почти в одно время с аналогичными событиями в Москве, бывшему Верховному Совету Чечено-Ингушской республики, собранному в Грозном, Дудаев предложил самораспуститься. Поскольку такой была установка из Москвы, где в то же время и почти теми же методами «самораспускали» Верховный Совет СССР, все депутаты чечено-ингушетии покорно

самораспустились. Новые выборы были назначены на 18 ноября 1991 года.

5 октября того же года, как и по всей стране, в Чечне приостанавливается деятельность старых структур КГБ, парализуется деятельность советов всех уровней, а 27 октября проводятся свободные выборы президента республики, на которых уверенно побеждает генерал Дудаев. Свое дело он сделал и с интересом смотрит на деятельность Хасбулатова. Вот будет потеха, когда и тот станет диктатором России.

Но, в отличие от своего друга и соплеменника, генерал Дудаев, если и страдает кессонной болезнью из-за прыжка с полковничьей должности в кресло президента, то в гораздо меньшей степени. Сам служа для многих наркотическим галлюцинозом, генерал значительно меньше страдает галлюцинациями. Он все же бывший летчик и умеет выходить из кессонной болезни в жестокую реальность окружающего мира. Удержаться в кресле президента в такой республике, как Чечня, не будучи имамом, может только умный и решительный политик, хорошо понимающий чаяния народа.

Генерал Дудаев имамом не был. Более того, он был и остался коммунистом, хотя искренне не понимал этого, а если и был генералом, то, разумеется, советским. И решительным. В свое время его бомбардировщики были готовы обрушить атомную бомбу на взбунтовавшийся эминец «Сторожевой», пытавшийся уйти в Швецию. И обрушили бы, ибо генерал (тогда полковник)

Дудаев умел делать так, чтобы его приказы выполнялись.

Генералы, покинувшие вооруженные силы, становясь политиками, всегда испытывают некоторую растерянность, сталкиваясь с обществом, не скованным властью и силой четырех Уставов (Дисциплинарного, Строевого, Корабельного и Внутренней службы). А потому начинают лихорадочно искать какую-то объединяющую идею, способную сплотить большие массы людей, не умеющих и не желающих ходить строем. Так, генерал Стерлигов пытался (и пытается) стать общенациональным лидером на идеях антисемитизма, генерал Руцкой — на близкой к предыдущей идеи православной державности, генерал Варенников — на идеях коммунизма, замешанных на крови нескольких внешних войн.

Поскольку все перечисленные генералы, выбранные наугад, сами не очень верят и, что самое главное, весьма плохо разбираются в сути собственных объединительных идей, дела у них идут совсем не так блестяще, как им хотелось бы.

Другое дело Дудаев! Ему не приходилось искать или мучительно выдумывать подобную идею. Эта идея витала в воздухе, делая его плотным и напряженным, ибо ее генерировала чеченская земля в течение, по меньшей мере, двух столетий. Это была идея национальной независимости. А, если говорить точнее и понятнее, — независимости от России. Присоединенные к России в результате

войны, продолжавшейся (официально) более 50 лет, чеченцы делали все, чтобы каким-то образом от России отделиться.

В России, а позднее в СССР, подобные настроения пресекались чуть ли не на уровне «невыходящих мыслей» и, разумеется, исключительно путем грубого насилия и принуждения самыми варварскими методами, имеющими обобщенное название «геноцид».

По масштабам гонений, по методам геноцида (от массовых истреблений и депортаций до презрительной дискриминации и шельмования всего народа, как нации преступников, охваченных комплексом суицида) судьбу чеченцев можно сравнить разве что с судьбой евреев. Но если евреям в их тысячелетней борьбе за выживание удалось все-таки поставить дело так, что весь мир болезненно и резко реагирует на любое проявление антисемитизма, откуда бы оно ни исходило, то чеченцам этого пока не удалось.

Мир ничего не знал о них, и, что хуже всего, совершенно ими не интересовался. Кафры, зулусы, австралийские аборигены и даже, извините, канадские тюлени, когда им грозило истребление или ущемлялись их гражданские (!) права, вызывали в западном мире больше эмоций, чем трагедия чеченского народа, продолжавшаяся 200 лет.

Прикованный к России крепкой цепью двухвекового геноцида чеченский народ вынужден вместе со своей непутевой метрополией переживать бесконечные политические катаклизмы, военные ка-

тастрофы и экономические крахи, которые обрушивались на Россию с роковой неизбежностью морского прибоя. Никто в Чечне никогда серьезно не размышлял, как они будут жить, обретя независимость, не имея ни сопредельных независимых государств, ни выхода к морю, ни даже судоходной реки. Лишь бы отделиться от России!

Эту идею Дудаев и оседлал. В конце концов, он был чеченцем и часть трагической истории своего народа познал на собственной шкуре. Когда он объявил о создании независимой республики Ичкерия, это не вызвало никаких особых эмоций не только во всем мире, что вполне понятно, но и в Москве, где это решение, судя по всему, было негласно согласовано. Острая реакция на это событие со стороны генерала Руцкого, ходившего тогда в вице-президентах, была быстро подавлена и, в конечном счете, стоила Руцкому его политического влияния, что в итоге и привело его на тюремные нары в Лефортово. В Москве многим даже нравилось иметь в составе России как бы независимое государство — нечто вроде Лесото в ЮАР, что создавало массу приятных и полезных возможностей от отмывания «грязных» денег до использования вооруженных сил «независимого государства» в качестве инструмента своей непредсказуемой внутренней политики, а при известном раскладе — и внешней.

Особенно привлекательными, на взгляд из Москвы, выглядели именно вооруженные силы «независимой республики Ичкерия», которыми надея-

лись манипулировать по собственному усмотрению, на что из Грозного никаких принципиальных возражений не было. Существовало даже мнение превратить новую «независимую республику» в подобие «кавказского жандарма», управляемого из Москвы, что давало последней прекрасную возможность в случае необходимости укрываться за тусклым занавесом чеченской независимости.

В самом деле, обстановка на Кавказе от Терека до границы с Ираном и Турцией была дестабилизирована поборниками российско-советской империи до такой степени, что все уже воевали друг с другом с нарастающим ожесточением. Грузия воевала с Южной Осетией и Абхазией, Северная Осетия сражалась с Ингушетией, Армения и Азербайджан развернули друг против друга полномасштабную войну за Нагорный Карабах.

Во всех войнах в регионе активно применялись танки, системы залпового огня и авиация. Причем, никто как-бы не знал, чья это авиация, поскольку ее принадлежность застенчиво скрывалась за стереотипной формулировкой времен корейской войны: «без опознавательных знаков». Но война есть война, и сбитые русские летчики в армянских тюрьмах, ожидая смертных приговоров (за наемничество), рассказывали сказки о каких-то азербайджанских посредниках, нанявших их вместе с самолетами по прейскуранту 2000 долларов за боевой вылет. Примерно то же самое и при тех же обстоятельствах рассказывали русские спецназовцы

в бакинской тюрьме, попав в плен целым подразделением.

Волосатые уши Москвы слишком явно торчали на кровавом фоне разгорающихся межнациональных конфликтов, что нервировало многих в Кремле, пробивающемся на «международную арену» с чарующей улыбкой гаранта либерализма, свободы и демократии. А потому по кремлевским коридорам стало распространяться мнение о приведении армии свободной республики Ичкерия из полупартизанского в более современный вид.

Чеченцы — прирожденные воины, сохранившие чисто средневековые черты благородства и доблести в воинской профессии, наряду, увы, и со средневековой жестокостью. Где-где, а уж в Москве об этом знали прекрасно. Те чеченцы, что сражались в родных горах с частями русской, а потом и Красной армии, равно как и те, что в составе Красной армии сражались с немцами во второй мировой войне — все оставили о себе самое лучшее воспоминание как доблестные солдаты, готовые на любое самопожертвование. И хотя особого хода чеченцам в Советской армии никогда не было, советский Генштаб, вляпавшись в афганскую авантюру, вынужден был сформировать из чеченцев и ингушей специальные части, которые условно можно назвать горно-стрелковыми спецназами.

Результаты превзошли все ожидания, и даже возникли планы развертывания на их основе крупных формирований — что-то вроде «диких диви-

зий» времен первой мировой. Однако, эти планы осуществлены не были, главным образом, из-за унижительного поражения (больше, конечно, морального, чем военного), понесенного Советской армией в Афганистане. Кроме того, Советская Россия, будучи почти откровенно расистским государством, вспоминала о нацменьшинствах только в случаях, когда тем предоставлялась возможность пролить кровь за империю, во всех других случаях относясь к ним с глухим, но явным пренебрежением. Чечмеки!

В начале 1992 года в Чечне побывали все три героя августовского путча: маршал Шапошников, генерал армии Кобец и тогда еще генерал-полковник Грачев. Все они не только остались довольны тем, что на официальном языке называется «строительством вооруженных сил» молодой независимой республики, но и подписали ряд соглашений и протоколов о намерениях относительно дальнейшего прогресса в этой области. Интересно проследить, как на всех этих соглашениях и протоколах постепенно сходит на нет подпись маршала Шапошникова, и все более утверждается подпись уже генерала армии Грачева, сменившего Шапошникова на посту министра обороны. Сам же Шапошников галантно ушел в тень громадного монстра, именуемого «Росвооружение», готового в любую минуту направить в любую точку земного шара какое-угодно оружие и в любом количестве, со всеми видами оплаты: в кредит, в рассрочку и по бартеру.

От греха подальше, из Чечни были выведены все войска бывшей советской армии. Все почему-то думают, что это был чисто стихийный процесс: армия, убоявшись дудаевских угроз и устав от его ультиматумов, просто снялась и ушла восвояси, бросив при этом вооружение, боеприпасы и военные городки, включая и парочку стратегических ракетных баз, в полное распоряжение правительства нового независимого государства. На кого рассчитана эта версия — не понятно.

Вывод войск осуществлялся, как и положено в цивилизованном мире, в рамках межгосударственного соглашения, достигнутого и подписанного на самом высоком уровне. Однако, вопреки всеобщему мнению, запасов, которые были оставлены Дудаеву уходящими из Чечни бывшими советскими, а ныне российскими частями, было до смешного мало. Недели на две интенсивных боевых действий. Поэтому было подписано новое соглашение о дополнительных поставках в республику Ичкерия оружия и боеприпасов; уж чего-чего, а оружия в России было достаточно не только вооружить такую маленькую республику, но и заново перевооружить все остальные армии нашей планеты, включая и американскую.

Однако, в отличие от советских времен, когда горы оружия поставлялись кому-угодно фактически бесплатно в ответ на туманные обещания признать и полюбить немеркнущие идеи Ленина, генералу Дудаеву подобная услуга оказана не была. Напротив, за московскую щедрость он должен был ока-

зять Кремлю некоторые услуги, которые можно назвать весьма деликатными. Дружба Москвы и Грозного предполагалась быть в равной степени искренней и тайной. В рамках этой дружбы генерал Дудаев, в частности (и прежде всего) должен был «отмыть» деньги, вырученные от продажи «налево» огромного количества оружия, некогда принадлежавшего Западной Группе Войск. А часть его получить натурой.

Просто удивительно, что кто-то умудрился сделать тайной бесследную пропажу с гигантских складов ЗГВ семидесяти тысяч тонн боеприпасов, каковыми предполагалось отвоевать третью мировую войну. Кое-что получили боснийские сербы и мусульмане, но большая часть была направлена в распоряжение набирающей силу армии республики Ичкерия.

Когда возникла необходимость в назидательных целях отобрать у возомнившей о себе Грузии ее исконную провинцию Абхазия, то чеченская армия прекрасно продемонстрировала свои боевые возможности. Через декоративную «Конфедерацию горских народов Кавказа» в Абхазию было послано подразделение вооруженных сил Чечни под командованием тогда еще майора Шамиля Басаева. Это подразделение, получившее позднее условное наименование «Абхазского батальона», разгромило отборные части старого друга президента Ельцина по политбюро Эдуарда Шеварнадзе, взяло штурмом Сухуми и водрузило над сожженным зданием бывшего горкома КПСС рядом с незаметным знаменем

Абхазии (которого никто не знал) гордый зеленый флаг республики Ичкерия, на который тоже тогда никто почему-то не обратил внимания.

Российская армия обеспечила Басаеву поддержку с воздуха, а Черноморский флот, полоща по ветру военно-морские флаги несуществующей страны — Советского Союза — оказал поддержку с моря. Первое боевое крещение «союзников» на территории Абхазии закончилось полным триумфом и созданием на Кавказе еще одного независимого государства.*

Однако, профессионалы из ГРУ, наблюдавшие за действиями чеченских бойцов в ходе боевых действий, хотя и отметили их несомненную воинственность и беззаветную доблесть, обратили внимание на недостаточный профессионализм, особенно на всех уровнях контроля и управления. К мнению профессионалов прислушались, и было принято решение, которое легло в основу еще одного «межгосударственного» соглашения о подготовке чеченских бойцов в учебных центрах, где обучаются своему мудреному мастерству спецназы ГРУ.

Если кто-то думает, что спецназ ГРУ это все равно, что ОМОН или какой-нибудь СОБР, то он жестоко ошибается. Это даже не ВДВ или морская

* Сейчас, когда в Кремле ломают голову, как обратно присоединить Абхазию к Грузии в качестве подарка «исправившемуся» Шеварнадзе, а Шумейко публично обзывает своего друга Ардзинбу «таким же преступником, что и Дудаев», — сколачивается уже фактически оформившийся чечено-абхазский военный союз, чтобы всем на Кавказе стало совсем хорошо.

пехота. Это гораздо серьезнее. Перед кончиной Советского Союза общая численность спецназов ГРУ была, примерно, эквивалентна трем бригадам. Если миллионы телезрителей с умилением наблюдали, как воздушные десантники разбивают лбами кирпичную кладку, а морские пехотинцы по горло в холодной воде несут на руках средний танк, то учений спецназа ГРУ не видел никто, кроме разве Дмитрия Холодова. Но и тот почти никому не успел об этом рассказать.

Когда-то тремя бригадами этого спецназа планировали завоевать старуху-Европу и, несомненно, так бы и поступили, не страшась «кремлевские старцы» ядерного возмездия. Уж очень им не хотелось коротать остаток своих дней в подземных бункерах.

Впрочем, существовали планы захвата всех западных КП управления ядерным оружием ещё до начала конфликта силами того же самого спецназа ГРУ, что сделало бы Европу и вовсе безоружной, когда бы на неё хлынула, «гремя бронёй, сверкая блеском стали», всесокрушающая лавина из нескольких десятков тысяч советских танков.

Так бы оно, наверное, и произошло, если бы большая часть сил так называемого «ядерного возмездия» не была развернута в океане на борту практически неуловимых американских подводных лодок, куда спецназам ГРУ, при всём их мастерстве, было, увы, не дотянуться. На западе это отлично понимали и в многочисленных сценариях

хода (и исхода) Третьей мировой войны, на которых оттачивали свои стратегические мысли натовские генералы, всегда предусматривался почти полный захват Европы советской армией и мощный удар ядерными ракетами из глубин океана сразу по 60-ти крупным городам Советского Союза. А потому в Европе царили мир и благодать.

Но тем не менее спецназ ГРУ продолжал оттачивать свою боевую подготовку. Если не вдаваться в подробности, она (боевая подготовка) заключалась в следующем: ещё до начала официальных боевых действий отряды спецназа численностью от 30 до 200 человек (в зависимости от поставленной задачи) начинают поход по территории намеченного противника, таща на себе всё необходимое для двухнедельного боя так называемой «высокой эффективности» — т.е. практически непрерывной пальбы в течение указанного срока.

Даже, если при этом вся служба безопасности противника поднята по тревоге и, как говорится, поставлена на уши, она ничего не должна была заметить. Отряд, выйдя из условной точки А, как бы дематериализовывался с тем, чтобы материализоваться только в указанной точке Б и то условно. Признаком его материализации должно было стать уничтожение или захват намеченного объекта, конкретного лица или группы лиц (скажем, какого-нибудь крупного штаба, узла связи или даже кабинета министров вместе с президентом).

Существовали и различные элегантные методы убеждения захваченного президента объявить о ка-

питуляции своей страны. И тому подобное. Боя при этом предполагалось избегать всеми средствами, но уж коли этот бой был необходим, спецназовцы умели его вести так, что у противника складывалось впечатление, что к ним в гости пожаловала целая общевойсковая армия со всеми своими тылами и средствами обеспечения. Со стороны же сверхбдительный взгляд какого-нибудь многоопытного полицейского из отдела по борьбе с терроризмом не должен был увидеть ничего более, кроме группы молодых людей и девушек, «хипшующих» в каких-нибудь подержанных микроавтобусах, где даже после тщательного обыска не удавалось обнаружить ничего более криминального, чем порнографические открытки.

Спецназ ГРУ ежеквартально, т.е. по-сезонно, проводил свои учения, как на территории СССР, так и в странах, где ему предстояло действовать в случае начала военных действий. Учения за пределами СССР, в силу некоторой специфики западных стран, всегда проходили гораздо легче, нежели на собственной территории, где их условия были намного жестче.

Сценарии и вводные были самые разнообразные, но усреднённое задание отряда ГРУ выглядело следующим образом.

Отряд выходил откуда-нибудь из-под Минска, где было развернуто несколько центров подготовки, и должен был проследовать в Крым или на Кавказ, где также была развернута сеть учебных лагерей и баз. По дороге, скажем, в Киеве или в

Ростове, отряд должен был похитить какого-нибудь генерала в ранге командующего округом или его заместителя, условно (а иногда и нет) взорвать и сжечь несколько заранее определённых объектов и раствориться на одной из своих секретных баз. Незадолго до прибытия на эту базу похищенный генерал отпускался, поскольку на базу его доставлять запрещалось в интересах обеспечения секретности. (Подобные базы, разумеется, существовали не только на территории СССР). Однако, подобный «учебный» поход считался у спецназовцев лёгким и осуществлялся в описанных условиях исключительно для первой обкатки «молодняка». Да и то не всегда. Обычно учения на собственной территории проходили в невероятно сложных условиях. Ещё до выхода отряда в учебный рейд все гор- и райотделы МВД и КГБ заранее оповещались о том, что группа опасных преступников, совершив коллективный побег из мест лишения свободы, пробирается в южные районы страны, собираясь по пути совершить целую серию разбойных нападений. При этом, как правило, предполагаемый маршрут отряда указывался в ориентировке довольно точно, а сами спецназовцы предупреждались, что, попади они в руки «правоохранительных органов», ни на какую помощь извне им рассчитывать не придётся. В условиях советских законов это всегда означало почти верную смерть, а на языке спецназа означало не более, чем учения с условным приближением к реальной обстановке...

Увы, как всегда случалось в истории нашего

несчастливого Отечества, армии, нацеленной на Европу и Америку и соответственно обученной, пришлось действовать в условиях дикой, горной, азиатской страны, где все отработанные до мелочей методики, наставления (и даже обувь) оказались совершенно неэффективными, принуждая к импровизации на ходу. Но для импровизации было очень мало простора. Один европейский вид спецназовцев уже выдавал их с головой, ведя к ненужным и обидным потерям и даже к крупным провалам. Но даже и в этих кошмарных условиях спецназ ГРУ совершил несколько очень смелых операций в Карачи и Исламабаде, а в Пешевере вообще чувствовал себя как дома. Но для этого в его ряды пришлось влить большое количество чеченцев, ингушей и дагестанцев.

Поражение в Афганистане и вскоре последовавшее за тем крушение коммунистического режима и развал Советского Союза, хотя и больно ударили по спецназу ГРУ, как и по всем остальным силовым структурам рухнувшей империи, тем не менее, позволил им сохранить костяк своих уникальных подразделений и основные базы их подготовки. Вот на этих-то базах и решено было немного поднатаскать вооруженные силы республики Ичкерия.

В результате генерал Дудаев получил в своё распоряжение целых две бригады спецназа ГРУ, в то время как в России к тому времени их оставалось полторы.

Со своего стратегического поста в Грозном ге-

нерал Дудаев, контролируя традиционные пути России на юг — Закавказье и далее (и, разумеется, в обратном направлении), опираясь уже на мощнейшую армию, значительно уже превосходящую недоукомплектованные и рассредоточенные по большой территории войска Северо-Кавказского военного округа, мог чувствовать себя вполне прочно, пропуская мимо ушей многие из московских нравоучений.

К сожалению, генерал Дудаев, хотя и считал себя «свободно избранным президентом» независимой республики, так им и не стал, превратившись из командира дивизии в командующего армией и рассматривая всю Чечню как один большой гарнизон, в котором служба тыла и материально-технического обеспечения занималась перепродажей нефти, алюминия и оружия, потоком идущего из российских «леваков». При этом местному населению, как коренному чеченскому, официально ставшему независимым, так и русскому, попавшему в двусмысленное, если не сказать — в идиотское положение, новая власть не оказывала ни малейшего внимания. Зарботная плата работникам нефтехимической промышленности — уникального и единственного в своём роде комплекса, построенного в годы советской власти приходила из России, а доходы от него, хотя и сокращающиеся с каждым месяцем, шли в казну Дудаева. Из России же шло энергоснабжение, все виды социального обеспечения и, если в этом отношении существо-

вали какие-либо сбои, то не в большей степени, чем по всей стране.

Таким образом, молодая республика Ичкерия не умирала с голода только благодаря тому, что обеспечивалась Россией — не Бог весть как, конечно, но никто там особо не бедствовал. Собственные же деньги, вырученные от продажи нефти, оружия, реализации фальшивых банковских авизо и наркотиков правительство Дудаева тратило на укрепление собственных вооруженных сил и на активную политическую деятельность.

Первое недовольство Москвы выразили робкие попытки Грозного добиться признания независимости Чечни со стороны мирового сообщества. Этот вопрос никогда не обсуждался на секретных переговорах и был своего рода дудаевской самодеятельностью.

Начали, как и водится в современном мире, с Соединённых Штатов. Хотя чиновники госдепартамента, куда прибыли дудаевские эмиссары, так и не поняли, чего от них хотят и о какой, собственно, стране идёт речь — Чечню — Ичкерию не нашли ни в одном справочнике бывшего СССР, а на американских географических картах сразу за Терреком начиналась Грузия или Джорджия, как было написано на карте — Москва отреагировала резко и даже с некоторым оттенком истерики, снова громогласно заявив о Чечне, как о неотъемлемой части России. А это уже было нарушением ранее достигнутых соглашений. Никто и не думал запрещать Дудаеву какие-либо импровизации на между-

народной арене, поскольку новые руководители России в глубине души рассматривали все соглашения с Дудаевым как игру в царей-королей, которую часто ведут воспитательницы со старшими группами детского сада. И искренне удивляются, узнавая, что дети воспринимают свои «игрушечные» титулы серьёзно. Первые раздоры между «стратегическими союзниками» были незначительны и, возможно, завись обстановка только от договаривающихся сторон, её вполне можно было урегулировать. Но это было не так.

И над Россией, и над Чечней дули ветры радикальных перемен.

И если кто-нибудь подумает, что это были мягкие ветры набирающей силу демократии, от имени которой так любили делать заявления в Москве, то будет совершенно не прав. Это были уже совсем другие ветры, порывами переходящие в шторм.

Москва веками страдала от того, что, как русское так и советское, а ныне российское руководство, традиционно разделённое, по меткому выражению Аркадия Вольского, на партию войны и партию дураков, не умело правильно оценивать создавшуюся в стране и вне её обстановку.

Первой и очень крупной ошибкой Москвы было почему-то царящее там с 1989 года убеждение, что Афганская война, слава Богу, окончена. Логическая цепочка этого убеждения совершенно непонятна, но оно царило во всех сферах советского и постсоветского общества, возбужденно выплёски-

ваясь наружу всеми средствами массовой информации. Судя по всему, это был даже не самообман, а искреннее заблуждение, весьма свойственное русскому менталитету: раз я кончил драться и буйнить — значит мир.

В самом деле, советские войска, по причине, которую никто даже сегодня не в состоянии объяснить, вторглись в сопредельную мусульманскую страну, бесчинствовали там в течение 10 лет, истребив добрую треть населения и сравнив с землей примерно половину населённых пунктов, в конце концов были оттуда выбиты непобедимым духом народного сопротивления и, убравшись восвояси, решили, что война на этом и закончилась. Отнюдь нет. Как это всегда случалось в прошлом, отступившая армия привела за собой на собственную территорию армию противника вместе с его идеологией.

Быстро последовавшее за этим крушение СССР позволило несколько самортизировать это печальное событие. Бои, развернувшиеся на территории Таджикистана и стран Закавказья, ставших к тому времени суверенными государствами, удалось подать как результат внутренних междуусобиц, а не в качестве продолжения Афганской войны. А, между тем, если о военном поражении СССР в Афганистане ещё можно спорить, то идеологическое поражение советской империи было полным и сокрушительным.

Противопоставление уже издыхающей марксистско-ленинской догмы набирающему силу ислам-

кому фундаментализму закончилось полной победой последнего, а образование на территории бывшего СССР после крушения коммунистического режима полного (и ничем конкретным не заполненного до сих пор) идеологического вакуума позволило исламскому фундаментализму, остро отточенному десятилетней кровавой войной, хлынуть через голову российских войск на территорию его традиционного почитания, превращая всё русское и российское во врагов по определению. Неверных, гяуров, унижающих ислам и долгие годы державших в рабстве мусульманские народы.

Растерявшаяся Москва не могла на этот вызов ответить ничем, кроме установок залпового огня. Коммунистическая идеология умерла, христианская церковь, деградировавшая вместе со всем советским обществом, была ещё слаба, чтобы представлять из себя какую-то идеологическую силу, никто не был готов к такому обороту событий. Оставалось, как обычно, уповать только на армию и время от времени демонстрировать по телевизору отрезанные головы русских солдат на фоне уже не афганских, а таджикских гор.

Но если Средняя Азия всё-таки ещё мощным буфером ограждала воинственных исламистов от собственно русских территорий, то Чечня примыкала непосредственно к России и выглядела прекрасным плацдармом для тех, кто после разрушения советской артиллерией священной мечети в Герате, поклялся на Каабе не прекращать войны

до тех пор, пока зелёное знамя Пророка не будет поднято над руинами Московского Кремля.

Дудаев был захлестнут этой войной.

Как и всякий советский генерал он, если и имел о религии какое-то мнение, то только определённое классиками марксизма и вбитое в его голову на бесчисленных политзанятиях. А сам оставался атеистом, что позволило ему с легкой совестью сбрасывать бомбы на головы своих теоретических единоверцев в Афганистане.

Однако, оседлав национальную идею своего народа, генерал попал в исламский водоворот, которому он пробовал поначалу сопротивляться, но был затянут в него с головой, закручен и выброшен на коврик мечети в позе, обычной для любого правоверного мусульманина.

Ему приходилось быть правоверным вдвойне, ибо никто в Чечне не забыл его прошлого, а также и того, что генерал, нарушив обычаи предков, выбрал себе русскую жену.

И если совсем недавно, в рамках согласованного с Хасбулатовым плана, генерал Дудаев договаривался до того, что объявлял независимую Чечню «последним уцелевшим (или первым освобождённым) бастионом Советского Союза» и предлагал Михаилу Горбачёву прибыть в Грозный и оттуда выполнять свои обязанности президента СССР, начав борьбу против московских сепаратистов, изгнавших Горбачёва из Кремля, то совершенно неожиданно для всех (а возможно и для себя) бывший авиационный генерал заговорил голосом

иранских аятолл. А телевидение республики показывало его, совершающего намаз. Это выглядело так же естественно и искренне, как и крестные знамения генерала Стерлигова.

Первым встревожился Хасбулатов. Находясь фактически всю сознательную жизнь на идеологической работе в Москве, «спикер» Верховного Совета свободной России был ещё более далёк от религии, чем генерал Дудаев. Более того, происхождение не давало ему возможности примкнуть к возрождаемому православию. Впрочем, это вовсе и не входило в его планы. Дьявольское тщеславие и кессоная болезнь заставляли его алчно взирать на первое кресло страны, а вся логика событий увлекала его всё более и более в оппозицию к президенту Ельцину и к его курсу, хотя никакого курса у президента Ельцина по большому счёту и не было. А у Хасбулатова — уже точно был намечен — назад к светлому прошлому. Фактически на его пути оставался только Президент. Далее он уже видел себя (и, надо сказать, не без оснований) председателем президиума Верховного Совета России и лидера какой-нибудь партии, т.е. старым-добрым генсеком, национальность которого, как показала история СССР, никогда не имела принципиального значения. Подобный политический курс неизбежно должен был собрать вокруг Хасбулатова все остатки покойной КПСС, ныне вставшей на платформу самого махрового великорусского национализма, консервативную военщину,

оставшихся не у дел бывших руководителей КГБ, МВД и прочих карательных органов, как всесоюзного, так и республиканского значения и часть распространённого ими населения.

На пике всей этой вакханалии к Хасбулатову перебежал вице-президент Руцкой, а от Хасбулатова к Ельцину перебежали все его заместители: Шумейко, Филатов и Рябов.

Таким образом, Руслан Хасбулатов, помимо своей воли, попал в водоворот русского национализма, выходя на его фоне ещё более нелепо, чем генерал Дудаев в мечети.

Но ни у того, ни у другого уже не было выхода.

Это ломало скоординированный план, который, хотя и был авантюрным, но всё же планом. Хасбулатова уже охраняла в Москве чеченская гвардия, командированная Дудаевым, все гостиницы российской столицы были переполнены чеченцами, затаившимися в ожидании сигнала к государственному перевороту. Само слово «чеченец» наводило ужас на московского обывателя; и можно представить себе ситуацию, если бы за чеченцами в Москве, вдруг, появилась бы сила закона!

Но из Грозного уже зазвучали на президентском уровне слова о величии Аллаха и пророка его Магомета, о сатанизме Москвы и о «русизме, как наихудшей форме фашизма», которым больна Россия и может излечиться только с помощью нейтронной бомбы.

В ответ, кружась в водовороте воинственного

русского национализма, Хасбулатов неожиданно заговорил о России «великой и неделимой», о «соборности» (хотя так и не научился правильно произносить это мудрёное слово) русского народа и о Чечне, как о неотъемлемой части России. А что ему оставалось делать, пребывая в мечтах о кресле диктатора России?

Между союзниками возникли трения, которые привели к тайной встрече, где обе стороны обвиняли друг друга в идиотизме и разъехались, не договорившись ни о чем.

Первым нанес удар Дудаев, объявив об отзыве всех депутатов, избранных от Чечни в Верховный Совет России. Это был персональный удар по Хасбулатову, который избирался в своё время именно от Чечено-Ингушской АССР. Таким образом, генерал Дудаев подвесил своего приятеля над пустотой: он как бы уже и не был депутатом, но тем не менее возглавлял Верховный Совет.

Надо сказать, что Хасбулатов очень перепугался. Вовсе, правда, не того, что генерал Дудаев лишил его депутатских полномочий.

«А кто такой Дудаев?» — вопрошал, вошедший в раж спикер, — «Кто он такой вообще, чтобы кого-то лишать полномочий? Разве не я, в конце концов, произвёл его в генералы, чтобы он мною теперь командовал?»

Испугался Руслан Имранович того, что чеченская охрана, командированная в его распоряжение генералом Дудаевым или кто-нибудь из многочисленных боевиков, заполнивших столичные гости-

ницы, получит приказ его зарезать, а голову при-
слать в Грозный, где она будет выставлена для
всеобщего обозрения на площади Шейха Мансура
к великой радости обоих президентов — россий-
ского и чеченского...

Нервы у Хасбулатова сдают и он отдаёт приказ:
выселить всех чеченцев из Москвы, как будто
является не спикером парламента демократической
страны, а столичным генерал-губернатором, дейст-
вующим в условиях чрезвычайного положения.
Кроме того, впавший в истерику «спикер» натрав-
ливает на собственную охрану управление москов-
ской милиции по борьбе с бандитизмом.

В свою очередь, Дудаев лишает Хасбулатова
чеченского гражданства, которого тот никогда не
имел, давая политическим противникам спикера
возможность называть всесильного «главу предста-
вительной власти» (несуществующий титул, при-
думаный для себя самим Хасбулатовым) «полит-
ическим БОМЖом».

Но булавочные уколы из Грозного не только
уже не в силах остановить рвущегося к власти
спикера, но, напротив, казалось бы, ещё более его
подхлестывают. Вот уже президент Ельцин чудом
избегает «импичмента» в Верховном Совете, вот
уже шумят по всей России референдумы под бес-
смертными лозунгами «Да-Да-Нет-Да» и вот уже
сыплются стекла столичной мэрии, горит Остан-
кино, танки бьют прямой наводкой по зданию Вер-
ховного Совета, и Руслана Хасбулатова выводят

из горящего здания, увозя в мрачную следственную тюрьму Лефортово.

Всё это время передравшимся «ветвям» демократической российской власти было не до генерала Дудаева, хотя злые языки утверждают, что именно чеченский президент спровоцировал октябрьские события в Москве, передав своему «стратегическому союзнику» Ельцину кое-какие документы о планах своего другого «союзника» Хасбулатова.

Тем не менее, многие обратили внимание на тот факт, что именно в это время почти все организации и партии фашистского и полуфашистского толка, которых в России к этому времени уже расплодилось видимо-невидимо, неожиданно дружно и дисциплинированно, как и подобает любой правительственной структуре, перешли от истерически-визгливой пропаганды против евреев к такой же по тональности травле выходцев с Кавказа. При этом «тональность» сохранилась прежняя. Только теперь вместо сионистов, евреев и жидов поминались «черные» или ещё крепче — «черножопые». А на официальном уровне, как чёрт из табакерки, возникло новое блестящее определение — «лицо кавказской национальности».

При этом интересно отметить, что многие средства массовой информации, как электронные, так и бумажные, которые бы ни при каких обстоятельствах не позволили бы себе запачкаться об антисемитизм, с готовностью и энтузиазмом включились в травлю выходцев с Кавказа.

Даже патриарх российской культуры и демократической интеллигенции — академик Дмитрий Лихачёв, раздражённый какими-то выходками Хасбулатова накануне референдума и памятуя, видимо, горькие дни, проведённые в ГУЛАГе во времена Сталина, озвучил в прямом эфире призыв: «Хватит с нас этих кавказцев!»

Во многих городах имели место погромы колхозных рынков, где избивали, а в некоторых случаях и убивали, торговцев с Кавказа. На улицах послепутчевой Москвы, объявленной на чрезвычайном положении, хватали всех, кто внешним видом хоть немного походил на «лицо кавказской национальности».

Глава администрации Краснодарского края Николай Егоров превзошел всех, в сорок восемь часов депортировав с территории края всех «черных» — главным образом, армян, бежавших в своё время от резни в Азербайджане и от ужасов войны за Нагорный Карабах. Организаторские способности Николая Егорова не остались незамеченными. Он был срочно отозван в Москву и назначен... министром по делам национальностей и региональной политике.

Вскоре ему предстояло применить свои способности в гораздо более крупном масштабе. Вместе с двумя бывшими генералами КГБ, назначенными к нему заместителями, Егоров быстро и умело преобразовал вверенное ему ведомство в четвертое силовое министерство. А сотрудники министерства по делам национальностей, которое в силу одной

только российской многонациональной специфики должно было быть наиболее гуманитарным из всех, вдруг зашеголяли в камуфляже и тельняшках.

Сам Николай Егоров был типичным представителем бывшей провинциальной партноменклатуры, расхватывавшей руководящие посты после кончины КПСС и прекрасно приспособившейся к посткоммунистической реальности. На деньги покойной партии Егоров основал банк с весьма патриотическим названием «Кубанский», поскольку состоял в почётных полковниках Кубанского казачьего войска. Однако офис «Кубанского банка» от греха подальше располагался на острове Кипр, где всем командовала дочь Егорова, состоявшая в законном браке с лицом «чеченской национальности». «Кубанский банк» отмывал деньги за проходящую через свободную республику Ичкерия нефть и алюминий и служил посредником по закупке через Ижевские заводы оружия и боеприпасов, направляемых в республику Ичкерия.

Сидящие без денег военные заводы России и стран СНГ с охотой и удовольствием направляли Дудаеву новейшее оружие и системы связи, ещё не состоявших на вооружении Российской армии, которой было нечем за это оружие заплатить. Осваивавшим рыночную экономику могучим монстрам ВПК по плечу были любые преграды, чтобы доставить оружие клиенту, за него заплатившему. Впрочем, правды ради заметим, что никто никаких преград и не ставил, поскольку все описанные выше события, произошедшие в Москве, никоим

образом ещё не повлияли на российско-ичкерийские отношения.

Более того, эти отношения с каждым днем наполнялись всё большим смыслом и содержанием. После устранения с политической арены возомнившего о себе Руслана Хасбулатова они даже стали более искренними, чем прежде.

Хотя Чечня ещё не была никем признана, чтобы не раздражать Москву и не оспаривать её претензии на статус великой державы, неофициально Грозный чуть ли не ежедневно посещали самые экзотические иностранные делегации. Офицеров турецкого генерального штаба сменяла делегация иранских нефтяников, прилетевшая вместе с компанией афганских моджахедов-специалистов по разведывательно-диверсионной деятельности. Частыми гостями президента Дудаева были и всевозможные делегации оппозиционеров из стран СНГ, некоторые из которых, спасаясь от преследований у себя на родине, оставались в Грозном надолго, превращая республику Ичкерию в своего рода Швейцарию на территории бывшего СССР.

Не менее частыми были и гости из Москвы. Владимир Жириновский «гулял» на дне рождения президента Дудаева, а генерал Стерлигов вёл с ними «весьма конфиденциальные переговоры», предупреждая, что вскоре — не позднее осени 1994 года в Москве произойдёт очередной государственный переворот, президент Ельцин будет отстранён от власти, арестован и, возможно, публично повешен (о чем совсем недавно вслух меч-

тали хасбулатовские мятежники) и новое национальное правительство России торжественно подтвердит независимость Ичкерии. Пока же генерал просил «немного денег» для подготовки указанного переворота. Дудаев удивлялся тому, что «новое национальное правительство» собирается начать свою кипучую деятельность по спасению России с подтверждения полной независимости отколовшихся автономий, но ничего не говорил и деньги давал. Не к лицу мусульманину, принимающего у себя в доме гостя, смущать его неожиданными вопросами и отказывать в просьбах. Гость в дом, Аллах — в дом.

А гости слетались и со всего СНГ, и со всего мира. Инкогнито приезжали президенты и вице-президенты мощных заокеанских нефтяных монстров и в открытую — влиятельные лица из стран СНГ и некоторых субъектов Российской Федерации: вроде президентов Шамиева и Илюмжинова. На глазах у всех на территории бывшего СССР возникала новая Швейцария. Правда, если сравнивать Чечню со Швейцарией, то это была Швейцария времен Вильгельма Телля — ещё очень воинственная и не очень богатая, но уже со всеми задатками того уникального государственного образования, которое заставило всех европейских хищников считаться с её нейтралитетом в ходе двух мировых войн...

Фальшивые банковские авизо, оффшорные компании, стремительное движение черных капиталов

через фиктивные фирмы и банки в Москве, в Сибири, на Кипре, в Стамбуле — сверхсвободная экономическая зона с вполне естественным криминальным оттенком, потому что иначе не бывает, поскольку в отличие от Швейцарии, Чечня со всех сторон была окружена огромной уголовной зоной, именуемой Российской Федерацией.

Недаром даже один из отцов «перестройки» — Александр Яковлев, отвечая на вопрос корреспондента, что, по его мнению, принесла перестройка народам бывшего СССР, ответил: «Раньше мы жили в политической зоне, сейчас — живём в уголовной». Возможно, в этих словах и было какое-то преувеличение, но уже никак не гротеск.

Многочисленные фирмы и банки, не занимающиеся торговлей оружием, редкоземельными металлами, нефтью и газом, почти не стесняясь, занимались торговлей наркотиками, ибо ничего выгоднее придумать было невозможно в стране с развалившейся экономикой, когда на вложенный доллар быстро можно было получить тысячу, послать эти деньги, скажем, в «Кубанский банк» Николая Егорова, купить на них 30 установок «Град» и 50 боевых машин пехоты в Челябинске, отправить их в Чечню, перепродать Казахстану, взяв с него обязательства осуществлять поставки своего алюминия не иначе, чем через фирму «ТСС», зарегистрированную в Монако, но управляемую из Одессы мощнейшей международной корпорацией «Транс ворлд металлс».

За событиями, творящимися на территории своего «Лесото» всё с меньшим удовольствием следили из Кремля, испытывая смешанное чувство зависти и собственного бессилия как-то на эти события повлиять. Тем более, что эти события происходили на фоне всё усиливающегося наступления воинственного исламизма, волны которого уже захлёстывали Ставропольский и Краснодарский края. Тревожным эхом отдавалась и продолжающаяся Афганская война, переместившаяся с предгорья Памира по всей линии бывшей границы Советского Союза, где истекали кровью российские солдаты.

С ещё меньшим удовольствием и с гораздо большей завистью за событиями в Чечне следили из разных столиц, которые вполне можно было бы назвать братскими, если бы не специфика межнациональных отношений, существовавшая на территории рухнувшей коммунистической империи. В Казани президент Шамиев (бывший 1-й секретарь ЦК компартии Татарстана), откровенно говоря, планировал именно для Татарии то, что происходило в Чечне, но у него не было свободно-авантюрного полёта мысли генерала Дудаева, поскольку Шамиев никогда не был лётчиком, а как профессиональный партапаратчик не решался идти на обострения со своими старыми друзьями из ЦК КПСС, хорошо зная их повадки по собственному опыту. А потому, задавая себе вполне резонный вопрос: «Почему Чечне можно, а Татарстану нельзя?», президент Шамиев всякий раз получал ответ:

«Чечня — столь же неотъемлемая часть России, что и Татарстан».

Однако, все подобные утверждения звучали скорее как выражение частного мнения тех, кто их высказывал, вроде изгнанного из Чечни Доку Завгаева, чем выражением твердой государственной политики. И тот же Шамиев, которому было предложено тихо и мирно присоединиться к международным аферам с нефтью и газом, узел которых всё туже затягивался в Грозном, искренне не мог понять, почему ему — члену всесильной касты партократов, затеявших перестройку исключительно для укрепления собственной власти и богатства, нельзя то, что можно какому-то безродному генералу, о котором всего три года назад никто решительно не знал. И хотя Шамиев был тоже (хотя ещё в меньшей степени) мусульманин, как и Дудаев, и более того — он за эти годы сподобился совершить Хадж в Мекку вместе с бывшим 1-м секретарём Кемеровского обкома КПСС Тулеевым, ислама президент суверенного Татарстана боялся не меньше, чем частей российской армии, расквартированных на его суверенной территории. А поэтому не понимал (а, возможно, и не знал) тех обязательств, которые принял на себя генерал Дудаев в обмен на все те привилегии, вытекающие из провозглашения им независимости республики Ичкерия —

СЛУЖИТЬ НАКОНЕЧНИКОМ МОСКОВСКОГО КОПЬЯ В РЕГИОНЕ.

После победоносного завершения операций в Абхазии армии генерала Дудаева не представлялось удобного случая ещё как-то себя проявить, поскольку взятие Сухуми отрядами Шамиля Басаева явилось для многих (если не для всех) весьма предметным уроком. На Дудаева с вожделием смотрели не только его естественные союзники в так называемой «Конфедерации горских народов Кавказа», но, казалось бы, и естественные противники из числа возрождающихся кубанских, терских и прочих казаков, мучительно и долго проходящих стадию бутафорской декоративности. А ведь всем хорошо известно, что горский сепаратизм и в сравнение не идёт с казачьим сепаратизмом, потрясающим Россию в течение почти всей её истории с тех времен, когда за Тереком ещё не было ни одной христианской души...

Вскоре, однако, Москва поручила генералу Дудаеву выполнить очередное деликатное задание.

Обстановка на обломках развалившейся империи менялась с каждой секундой как в финальной стадии сражения при Ватерлоо.

Если обозреть все потери Москвы после развала Советского Союза, то, несомненно, самой болезненной потерей следует признать потерю контроля над Азербайджанской нефтью. Это было тем более обидно, что весь мощный нефте-химический комплекс в Азербайджане был поднят с нулевого цикла, создан и развернут именно Россией при весьма скромном участии местного населения, ко-

торое, кроме всего прочего, за счёт Москвы обучалось в нефтяных ВУЗах. Поэтому, когда в 1990 году ещё советская армия брала штурмом Баку в её нервном поведении, выразившимся в бесконтрольной стрельбе по всему, что шевелится, чувствовалась тревога Москвы за своё главное богатство на базе которого все московские вожди от Сталина до Андропова надеялись добраться до коммунистического завтра.

Находящаяся при смерти КПСС, судорожно пытающаяся своими слабеющими руками (и мозгами) удержать свои несметные богатства, в результате потеряла контроль над обстановкой практически везде, включая, естественно, и Азербайджан, где был свергнут и бежал в Москву кремлёвский ставленник Муталибов.

К власти в Баку пришёл Народный фронт во главе со «свободно избранным президентом» Эльчибеєм, который сразу стал дистанцироваться от Москвы, предлагая свои несметные нефтяные богатства энергичным западным монополиям. Это было уже больше, чем Москва могла выдержать, хотя могло создаться впечатление, что у неё в то время были дела и поважнее.

В Азербайджане сразу стал налаживаться государственный переворот. Главой переворота был избран самозванный полковник Сурет Гуссейнов, который в старые времена был директором шерстепрядильной фабрики, а ныне командовал армейским корпусом в Карабахе. Причём так блестяще, что сдал плохо вооружённым армянским ополчен-

цам чуть ли не треть территории своей страны, в чём, как и подобает истинному полководцу, Гуссейнов немедленно обвинил правительство Эльчибея.

В один прекрасный день Сурет Гуссейнов выехал из своей базы в Гяндже по направлению к Баку, до которого было более 150 километров. Впереди ехал «газик» с самим Гуссейновым, за ним два старых, выдавших виды экскурсионных автобуса. Замыкал колонну танк «Т-55» без орудия. Колонна направлялась в столицу Азербайджана свергать президента Эльчибея. Выдвинутые навстречу «мятежникам» правительственные войска где-то рассеивались по пути. ОМОНовцы и гаишники пропускали мимо себя колонну, подобострастно беря под козырёк. В окнах автобуса сверкали белозубыми улыбками, особенно ослепительными на фоне черных, аккуратно подстриженных бородок, доблестные солдаты Шамиля Басаева. Они нежно обнимали свои автоматы, а на их головах, в отличие от памятных дней сражений за Абхазию, зеленели ленты, давая понять всем посвящённым, что теперь они воины Аллаха и связываться с собой никому не советуют. Впрочем, никто и не пытался. Президент Эльчибей был отправлен в родную Нахичевань, а на его место из Нахичевани прибыл легендарный Гейдар Алиев, которого Москва, по известным только ей причинам, почему-то считала своим ставленником.

В самом деле — бывший шеф КГБ Азербайджана, бывший 1-й секретарь ЦК Компартии Рес-

публики, член могущественного Кремлевского Политбюро, любимец Брежнева и Андропова — чьим ставленником он мог считаться?

Ан нет. Семидесятидвулетний ветеран КГБ и ЦК КПСС совершенно не собирался следовать в русле московской политики или даже на неё оглядываться. Он смело продолжает дело, робко начатое Эльчибеем, отдавая гигантские запасы азербайджанской нефти на откуп акулам империализма, выделив России как прикаспийской стране 5% от будущих прибылей.

Старый кремлевский интриган мгновенно оценил преимущества своего положения. От российских войск его надёжно прикрыла республика генерала Дудаева, через территорию которой проходила единственная шоссейная дорога Ростов-Баку и соответствующая железнодорожная ветка. Бывшая российская военная Каспийская флотилия была уже к этому времени давно изгнана со своих баз в Баку и Каспийске и влачила жалкое существование в районе Астрахани, не представляя ни для кого реальной опасности.

Реальную же опасность для Алиева представляли две силы: Армения с запада и Дудаев — с севера. Но армяне, выбив азербайджанские войска с территории Нагорного Карабаха, захватив ключевые города Агдам и Шушу, явно были не склонны проявлять излишнюю агрессивность даже под сильным нажимом Москвы. Во всяком случае, им совершенно было неинтересно организовывать в Баку очередной государственный переворот. Пог-

рящая в междоусобицах Грузии, завязнувшая к тому же в Абхазском кризисе, подарившем ей около 300 тысяч беженцев, тоже была не опасна. Опасным оставался только Дудаев, ибо любое подразделение его армии, прибыв в Азербайджан, не встретило бы серьёзного сопротивления со стороны деморализованной карабахскими погромами азербайджанской армии, если то, что от неё осталось можно было вообще назвать армией.

Но Дудаев был брат по вере, а старый член брежневского политбюро Алиев, по тем же причинам, что и Дудаев, стал уже к этому времени мусульманином вдвойне.

Алиев и Дудаев встретились, поклявшись на Коране не причинять друг другу никакого вреда, а все свои силы обратить против северных гяуров во имя Аллаха великого и милосердного.

После этого Азербайджан стал той территорией, через которую Чечня оказалась связанной с внешним миром и по суше, и по морю. Впрочем, в то время Дудаеву было вообще грех жаловаться: он спокойно пользовался портами Абхазии, а нефтяной терминал в Новороссийске и порт в Туапсе вообще рассматривал «де факто» своей собственностью, хотя «де юре» они ещё принадлежали «Нефтегазпрому», полагающему себя не менее могущественным, чем республика Ичкерия.

А тем временем в Москве, убедившись, что их снова обыграли в наперсток, решили свергнуть Гейдара Алиева и посадить на его место старого

доброго Муталибова, скрывающегося от родного правосудия в первопрестольной столице. Переворот решили совершить снова с помощью лжеполковника Гуссейнова при поддержке молодцов Шамиля Басаева, имевших, как мы уже сумели убедиться, огромный опыт в проведении такого рода операций.

По всем правилам спецназа ГРУ отряд собирался на одной из своих баз в Шатойском районе, там дематериализовывался и материализовывался в президентском дворце Гейдара Алиева.

Алиев же, хотя звал Гуссейнова по имени — Сурет, а тот его — папой, друг другу, конечно, несколько не доверяли, хотя Алиев и сделал самозванного полковника в благодарность за свержение Эльчибея премьером нового правительства.

Но быть премьером при таком президенте как Алиев, значило очень мало. Что-то среднее между референтом и старшим референтом. Возглавлять же нефтяные комплексы республики и получать доходы от нефти Алиев поручил родному сыну Саиду, который тоже звал его папой. Поэтому Алиев-папа несколько не удивился, получив из Грозного сообщение, что его собираются свергнуть.

Бойцы Басаева в Баку не появились, мятеж, поднятый местным ОПОНОм удалось быстро подавить, Сурет Гуссейнов бежал в Россию, а Москва, как говорится, осталась при своих интересах.

Произошла первая настоящая разборка с генералом Дудаевым. На вопрос: почему его люди не

обеспечили антиалиевский переворот в Баку, Дудаев ответил, что Коран запрещает поднимать мусульманину руку на мусульманина. Такого никогда не было и он вовсе не желает быть первым. Говорилось это так уверенно, как будто до этого Иран не воевал 7 лет с Ираком, а Ирак, в свою очередь, не предал мечу и разграблению братский Кувейт.

Подобное поведение Дудаева, в котором лицемерие соседствовало с легкой издевкой, наряду с добытой разведкой информацией, что чеченский лидер поклялся бородой Пророка не дать России возможности протянуть через свою территорию нефтепровод из Азербайджана (дабы тот шёл через Турцию).

Это была отчаянная попытка Москвы хоть каким-то боком войти в сколачиваемый Алиевым «Международный нефтяной консорциум», окончательно вывело всех в Кремле из себя.

Последовал весьма резонный вопрос: Да кто такой этот Дудаев вообще? Не много ли он о себе возомнил? И что это за независимая Чечня?

Как всегда бывает в этих случаях, больше всех выражали своё недовольство партнеры чеченского генерала по бизнесу, справедливо считавшие, что тот дерёт с них слишком крупные проценты за посредничество в их деятельности, сколь многотрудной, столь и незаконной. В частности, уже упоминаемый «Кубанский банк» на Кипре, занимавшийся перекидкой на запад русско-казахского алюминия с помощью фальшивых «чеченских»

авизо*, уже провел предварительные расчеты и выяснил, насколько бы увеличилась его прибыль, если бы в Грозном сидел менее жадный и более покладистый посредник. Идеалом было бы посадить в Грозном (в качестве заместителя, например) самого Николая Егорова с бывшими дудаевскими полномочиями.

Даже президент суверенного Казахстана Назарбаев, встретившись в начале лета 1994 года с президентом Ельциным, также выразил некоторое недоумение с явным привкусом недовольства по поводу того, что столь ответственный пост в Грозном занимает какой-то безродный генерал, в то время как законный претендент на этот пост — Доку Завгаев — вынужден ютиться в маленьком кабинете на задворках ельцинской администрации.

Впрочем, у президента Назарбаева (бывшего 1-го секретаря ЦК Компартии Казахстана) помимо династических были и другие — более приземлённые причины быть недовольным наглым выскочкой из Грозного.

Дело в том, что Казахстан, став суверенным государством, тоже Россию «не обидел», объявив своей собственностью военно-космический комплекс в Барнауле и, что ещё обиднее, Карагандинский горно-металлургический комбинат. Это гигантское предприятие, построенное на костях сотен тысяч заключенных сталинского Карлага — конц-

* Впрочем, «чеченскими» эти авизо можно назвать чисто условно, как называют «китайскими» вазы, производимые Фарфовым заводом в Петербурге.

лагеря размером почти с Европу, могло практически в одиночку обеспечить весь мир сырой рудой и всеми видами металлургической продукции. Надо сказать, что именно этот комбинат стал одним из основных стимулов суверенизации для Назарбаева, мечтавшего о безбедной жизни за счёт продажи на Запад разных производных горячего и холодного проката.

Однако, вскоре эти мечты рассеялись, поскольку выяснилось, что чистота производства металлургической продукции комбината является крайне низкой, какой не было на Западе и в первой половине прошлого века, а потому продукция на западном рынке была совершенно неконкурентноспособной. (Также, кстати, как и украинское зерно, на котором мечтали прожить, шантажируя Россию, самостийники в Киеве.)

Для спасения положения в Казахстан срочно отзывается из Москвы бывший министр металлургии СССР, а ныне глава мощной корпорации «Росчермет» Олег Сосковец. В старые времена Сосковец, родившийся и выросший в Казахстане, был директором Карагандинского комбината, а Назарбаев был у него парторгом. В Алма-Ате прибывший Сосковец получает должность министра промышленности Казахстана в ранге заместителя премьера.

Это было ещё в феврале 1992 г., когда огромный комбинат находился уже на грани остановки и требовались радикальные меры по его спасению. Производство на комбинате, рассчитанное на рабский труд заключенных времен победного шествия

ещё неразвитого социализма, находилось на уровне каменного века — трудоёмким и чрезвычайно экологически грязным, но зато, как ему и положено — самым дешёвым в мире, поскольку на зарплату рабочим расходовались такие деньги, о которых даже стыдно было говорить вслух. Да и те после января 1992 года не выплачивались, сделав самое дорогое в мире производство просто дармовым.

Одновременно с Сосковцом в Казахстане появился вице-президент уже упоминаемой оффшорной компании ТСС Лисин, который в старые советские времена работал заместителем Сосковца на горно-металлургическом комбинате. Заручившись поддержкой двух правительств — Российского и Казахского — Лисин быстро финансировал производство, добившись бесперебойного сбыта продукции в обмен на правительственное разрешение охватить своей деятельностью также и металлургические гиганты Сибири.

Делалось это до смешного просто: деньги, полученные по фальшивым авизо, шли через Грозный в банк на Кипре, где отмывались, а затем направлялись в Сибирь и Караганду. Оттуда — неизвестно куда уходила продукция, включая сотни тысяч тонн дефицитного алюминия, обращаясь в доллары, которые, в свою очередь, оседали в Москве, Алма-Ате, Грозном и в разных экзотических банках Запада.

Размах дела был таким, что уже в октябре 1992 г. Сосковец и Лисин перебираются обратно в Москву, где первый для начала занимает свой прежний и,

на первый взгляд, весьма скромный пост председателя комитета по металлургии.

Размах проводимых операций расширяется с каждым днём, однако доля президента Назарбаева при этом, напротив, становится меньше и с каждым месяцем устойчиво следует этой тенденции. Всё это происходит потому, что большой процент общей прибыли оседает в Грозном, а Дудаев склонен этот самый процент ещё более увеличить.

В Москве недоумевают: зачем генералу столько денег и куда он их вообще деваает, поскольку всё необходимое для того, чтобы население республики Ичкерия не перемерло с голоду, он традиционно и бесплатно получает из России, время от времени платя ей за это оскорблениями и угрозами.

Недоумение вырастает ещё сильнее с пониманием того, что никакая Чечня ныне уже для отмывания грязных и фальшивых денег вовсе и не нужна, поскольку всё то же самое с большим эффектом и не платя никому никаких посреднических и комиссионных, можно уже делать и на территории самой России, где отмывание капиталов международных и собственных аферистов не является уголовно наказуемым деянием.

В борьбе с фальшивыми банковскими авизо, как правило, всегда «не хватает улик» и даже невозвращение кредитов с огромным трудом квалифицируется как преступление.

И всё было бы хорошо, если бы в стране не царил разгул демократии в той единственной сфере, где она (демократия) по-настоящему воз-

можно и эффективна — в прессе. Средства массовой информации давно уже раскручивают истории с фальшивыми авизо, не очень веря, что это чисто чеченское мероприятие, необходимое исключительно для оплаты банкетов генерала Дудаева. Разнузданные средства массовой информации увлекли за собой ряд следователей прокуратуры, МВД и даже идеалистов из ФСК, которые, идя по следам фальшивок, очень быстро уткнулись носами в стены древнего Кремля и удивлённо остановились.

Эх, старые, добрые времена, когда никто не смел и пикнуть, кроме как на закрытом заседании ЦК КПСС!

Ностальгия по этим самым временам, тем не менее, подавлялась теми безграничными возможностями, которые предоставляли времена нынешние, но создавала иллюзию возможного соединения лучшего из двух эпох — прошлой и настоящей.

Нельзя сказать, что с Дудаевым не пытались договориться. К нему ездили бесчисленные эмиссары, начиная с Жириновского, но упрямый горец стоял на своём и даже обещал повысить проценты, грозя в противном случае разоблачить всех своих московских компаньонов. Москва ответила усилением антидудаевской и античеченской кампании. Чечня отвечала тем же. Однако деловая активность сторон от этого пока не страдала, если не считать того, что обе стороны уже увязали в ней, как в трясине.

Москва середины 1994-го года уже совсем не походила на Москву 91-го и даже 93-го годов. Хотя с тех пор прошло совсем мало времени, все уже забыли те дни, когда президент Ельцин со своим верным Коржаковым ездили в троллейбусе на работу (или на «Жигулях») или стояли на Васильевском спуске, поднимали народ на борьбу с Хасбулатовым, который, в свою очередь, пытался провести через Верховный Совет «импичмент» Борису Ельцину. А толпа противников Президента требовала его публичной казни или, в лучшем случае, высылки в Израиль.

Казалось, что с тех пор прошла целая геологическая эпоха. Президент, если где-нибудь и появлялся, то не иначе, как на гигантском «членовозе», напоминающем атомную подводную лодку, поставленную на колеса. Его личная охрана, возглавляемая генералом Коржаковым, получившим этот чин сразу после майорского, приближалась численностью к 40 тысячам специально обученных офицеров, вдвое превышая знаменитую охрану персидского шаха Абасса и в 10 раз — охрану товарища Сталина. Президент редко появлялся публично и по Москве бродили мрачные слухи о том, что личная охрана уже подмяла главу государства под себя и от имени Президента страной теперь правит генерал Коржаков.

Ещё заседали парламентские палаты, ещё свободно шумела пресса, заливались на все темы электронные средства массовой информации, но какая-то мрачная тень лежала над страной, в ко-

торой царили многослойные беспределы, в полном хаосе находились экономика и финансовая система, а при том никто не знал, где и на каком уровне принимаются государственные решения.

После крушения советской империи, ухода советских войск из Восточной Европы и Прибалтики, краха государственной идеологии, накопленная за 70 лет коммунистического режима агрессивность настойчиво требовала какого-нибудь выхода. Это страшное агрессивное поле, десятилетиями (если не веками) обращённое на Запад, после позорного развала и полного крушения западного фронта, став ещё сильнее, всбесившимся монстром металось по стране в поисках выхода и применения. Манипулируя почти всеми процессами в поверженной и фактически неуправляемой стране, глобальные геополитические силы медленно, последовательно и настойчиво разворачивали гигантскую страну фронтом на юг, чтобы ни у кого в Европе и Америке больше никогда не болела голова по поводу десятков тысяч русских танков, ревущих моторами на Эльбе.

Этот глобальный разворот, подогреваемый из самых неожиданных источников (вроде книги Жириновского «Последний бросок на Юг»), канонадой, постоянно доносящейся с Таджикской границы и со всевозможных кавказских фронтов, усиливающейся антикавказской пропагандой и многими другими факторами, включая и печальную судьбу отрезанного от России и постепенно превращаю-

щегося в металлолом Черноморского флота, указывал направление и вектору неудовлетворённой активности.

А серия весьма странных террористических актов, периодически происходящих в аэропорту Минеральные Воды, где чеченцами захватывались автобусы с заложниками, накаляли общественное мнение до предела в жажде возмездия. Были ли эти чеченские террористы обычными уголовниками, завербованными ФСК (как уверяли дудаевские источники), или агентами дудаевской службы безопасности, на что постоянно намекали правительственные источники в Москве, не так уж важно. Дело своё они сделали, укрепив вектор русской агрессивности в южном направлении и опасно придвинув его к встречному вектору чеченской ненависти.

Все вышеописанные события, переплетаясь в единый клубок, уже к середине лета 1994 года привели всех в Кремле к единодушному мнению, что с режимом генерала Дудаева в Чечне нужно кончать.

Подобная постановка вопроса была точкой зрения даже не таких уж агрессивных политиков, поскольку агрессивные политики склонялись к мысли, что кончать надо не с режимом генерала Дудаева, а вообще с Чечней, так как неизбежно появится новый Дудаев — ещё умнее и хитрее нынешнего.

К счастью, в середине мая 1994 года, когда этот

вопрос впервые серьёзно был поставлен на повестку дня Совета Безопасности при Президенте России — абсолютно неконституционном органе личной власти Бориса Ельцина — никто ещё всерьёз не помышлял о войне.

Обсуждалась возможность личной встречи Бориса Ельцина и генерала Джохара Дудаева.

Многие понимали, что России, и без того находящейся по всем показателям в предынфарктном состоянии, если чего сейчас и не хватало так это развязать где-нибудь войну. Особенно — на своей собственной территории.

Поэтому наиболее разумным решением считалось развязать гражданскую войну на территории самой Чечни, оказывая моральную, финансовую и по возможности (именно — по возможности!) военную помощь антидудаевским силам. Разумеется, имелась в виду помощь оружием и боеприпасами.

И только.

Но всемогущий Рок уже влёл несчастную страну навстречу своей судьбе.

Избегая ненужных подробностей, можно только отметить, что именно в это время на заднике политической сцены снова возник Руслан Хасбулатов. Выпущенный из тюрьмы по так называемой Думской амнистии и предупреждённый, что немедленно вернётся за решётку, если вздумает заняться политикой, Хасбулатов изнывал на своём старом профессорском стуле, лишенный власти, спецсвязи, привилегий и многого другого к чему он успел

привыкнуть, объявив сам себя «главой представительной власти». Профессорская должность, с которой он некогда попал в Верховный Совет РСФСР казалась ему совершенно справедливо жалкой и ничтожной. Он пробовал поразвлечься писанием, как ему казалось, небывало мудреных книг, но это ему быстро наскучило, поскольку, выражаясь словами Владимира Жириновского, «все соки его мозга» работали на то, чтобы вернуть себе былое положение и власть. Мысль о том, что его так грубо сбросили вниз, когда до самой вершины власти ему оставалось каких-нибудь полвершка, когда он уже посылал ревущую от восторга и ярости толпу штурмовать Кремль, жгла сердце экс-спикера, лихорадочно ища пути и возможности нового восхождения к «зияющим высотам».

Сама обстановка подсказала Хасбулатову простейший и наиболее короткий, по его мнению, путь хотя бы к частичному восстановлению былого величия. Этот путь, естественно, снова лежал через Чечню.

Для этого достаточно было свергнуть генерала Дудаева, что Хасбулатову казалось делом не очень сложным, поскольку он фактически сам посадил Дудаева на это место. Затем объявить себя либо президентом, либо председателем разогнанного Дудаевым Верховного Совета Чечни, подтвердить полную лояльность Москве, что автоматически открывало Хасбулатову дорогу в Совет Федерации — Верхнюю палату Российского Парламента. А там можно было спихнуть с кресла хитрого, но не

очень умного спикера Шумейко, подчинить палату своей воле и все начать, как говорится, по второму кругу.

Зная, насколько в Кремле в настоящее время озабочены положением в Чечне, Хасбулатов через сохранившиеся связи в высших коридорах российской власти, скромно предложил свои услуги, приложив и не очень затейливый план предстоящих действий.

Он, Хасбулатов, пользуясь своим авторитетом «общепризнанного лидера в Чечне», провоцирует восстание чеченского народа против диктаторского режима генерала Дудаева, свергает его, устанавливает в Чечне промосковское правительство, во главе которого и вливается в славную поступь новой России к своему будущему величию.

Справедливости ради надо заметить, что таких умников, как Хасбулатов, в Кремле было человек по десять в каждом кабинете. Предложенная бывшим спикером методика выхода из чеченского кризиса, автором которой он почему-то почитал самого себя, была не более, чем плагиатом, бесстыдно скопированным с классиков практического коммунизма Ленина и Сталина, которые с успехом пользовались этой методикой ещё задолго до появления Руслана Хасбулатова на свет. А поскольку спикер и кремлевское руководство прошли одну политическую школу, то прекрасно знали эту методику, неоднократно применяемую от войны с

Финляндией в 1939 г. до войны с Афганистаном в 1979 г. и без Хасбулатова.

Более того, само имя Хасбулатова вызывало у всех в Кремле, включая в первую очередь и самого Президента, нервное подергивание губ и бровей. Борис Ельцин, например, вообще не терпел в своем присутствии упоминания имени бывшего соратника по Верховному Совету РСФСР в любом контексте. Когда, после ареста Хасбулатова в октябре 1993 года, Президенту в качестве трофея достали знаменитую курительную трубку спикера, с помощью которой Хасбулатов пытался создать образ, хоть отдалённо напоминающий товарища Сталина, Борис Ельцин грохнул этой трубкой о стенку своего кабинета и радостно рассмеялся, увидев, как та разлетелась на куски.

Однако в политике, как мудро заметил Питт, нет ни вечных друзей, ни, тем более, вечных врагов. Всё зависит от сиюминутных интересов. В Кремле уже начали действовать по знаменитой методике, авторство которой экс-спикер пытался приписать себе. Было уже создано так называемое Чеченское Правительство Национального Спасения во главе с вынутыми из Кремлевского нафталина Автурхановым и Хаджиевым, которых нельзя было даже назвать авантюристами, настолько они были бессловесными марионетками — жалкими и смешными, совершенно не приспособленными для тех смертельных игр, где их предполагали использовать.

В помощь им придали вооруженные формирования двух откровенных уголовников: Лабозанова и Гантемирова, изгнанных в своё время Дудаевым из Чечни за пристрастие к вооружённым разбоям и взяткам. Их боевые отряды, столь же недисциплинированные и буйные, как и их предводители, с военной точки зрения абсолютно ничего из себя не представляли, умея только терроризировать местное население. Больше Кремлю в Чечне ставить было не на кого.

И хотя к этому времени авторитет генерала Дудаева, которому на волне всех предыдущих бурных событий всё не было времени заняться внутренними делами своей республики, несколько померк у некоторой части населения, прищельцы из Москвы, обосновавшиеся в Надтеречном районе, никакого энтузиазма у чеченцев не вызывали.

А робкие рейды лабозановско-гантемировских отрядов через Терек по ничтожности своих результатов могли вызвать в Грозном разве что раздражение, чем какое-либо серьёзное опасение. Хотя Дудаев, без сомнения, понимал, что Москва от слов начала, по своему обыкновению, топорно и неумело, переходить к делу.

Несколько стычек отрядов Лабозанова с частями генерала Дудаева дали, однако, возможность Руслану Хасбулатову объявить себя миротворцем и в качестве такового отправиться в Чечню, дабы узнать обстановку из первых рук и доложить об этом в Кремле, куда его пока ещё не допускали.

Вернувшись в Москву, Хасбулатов был принят главой администрации Президента Филатовым и начальником охраны Президента генералом Коржаковым. Оба являлись старыми и добрыми знакомыми бывшего спикера. Филатов начинал как один из заместителей Хасбулатова, а с Коржаковым он также встречался не раз в «медовые» дни своего змеино-го созревания на груди у президента Ельцина.

Доклад Хасбулатова дышал откровенным оптимизмом: режим Дудаева переживает глубочайший кризис. Генерал фактически не контролирует ничего и никого за пределами своего дворца в центре Грозного. Старейшины и армия им недовольны. Даже плохо вооружённым и ещё хуже обученным отрядам Лабозанова и Гантемирова (оба уже были произведены в полковники Российской армии) дудаевские незаконные формирования не способны дать достойного отпора. Если Кремль согласится предоставить в распоряжение оппозиции (так официально именовалась грубо сколоченная Москвой банда) десятка полтора танков (разумеется, с экипажами), примерно столько же БТР и БМП, а также звено самолётов и вертолёт-ов огневой поддержки, то уже к концу ноября от дудаевского режима останется одно воспоминание.

Данные Хасбулатова почти полностью совпадали со сводками, представленными в Кремль Федеральной Службой контрразведки и Главным Разведывательным Управлением, а потому, преодолев нелюбовь к Хасбулатову, решили с его доводами

согласиться. В конце концов и его самого тоже никогда не поздно прихлопнуть как муху. Пусть пока потаскает каштаны из огня.

С этого момента в официальных сводках стали появляться весьма странные выражения типа «танки оппозиции», «самолёты оппозиции», иногда называемые «самолётами неизвестной принадлежности» и такие же вертолёты огневой поддержки. Самолёты совершали налёты на Грозный, почему-то постоянно желая угодить зажигательными бомбами и ракетами в Национальный банк республики Ичкерия и в её Минфин. Всякий раз после этого Министерство Обороны России делало клятвенные заявления на весь мир, что оно не знает, откуда у «дудаевской оппозиции» взялись самолёты и вертолёты, но к Российским военно-воздушным силам они не имеют ни малейшего отношения.

Подобные заявления делались как лично министром обороны Грачёвым, так и главкомом ВВС Дейнекеном, не говоря уже о чиновниках помельче. На вопрос какого-то корреспондента «откуда у чеченской оппозиции взялась собственная авиация», генерал Грачёв, со свойственной ему солдатской простотой, ответил: «Откуда я знаю».

Между тем, 24 ноября от Хасбулатова, окопавшегося в селении Толстой-Юрт, поступило донесение, что всё готово к штурму Грозного и свержению Дудаевского режима.

И уже вечером 25 ноября все средства массовой информации России передали долгожданное сооб-

щение о том, что танки «оппозиции» после короткой артподготовки ворвались в Грозный и вплотную приблизились к президентскому дворцу. Наступление оппозиции было поддержано «точечными» ударами «оппозиционной авиации». Находящиеся в Грозном телеоператоры показывали полыхающее здание Национального банка, отметив при этом, что «местонахождение генерала Дудаева неизвестно», ибо захваченный отрядом Лабазанова президентский дворец пуст. Что и подтвердил Автурханов, выступая по телевизору в 60 километрах к северу от Грозного.

В Кремле все облегченно вздохнули, а Сосковец, ставший к этому времени вице-премьером, на следующий день улетел в Японию по делам государственной важности. Перед отлётом он узнал от референта, что Дудаев, судя по последним сводкам ФСК, видимо, убит.

Весь день средства массовой информации передавали всякую чепуху вроде бедственного положения Московского балета на льду, застрявшего в США из-за отсутствия денег на билеты, прогоревшего «Хопра» с его краснодарским чаем, возобновления монашеского жития в Новодевичьем монастыре и т.п. На экранах телевизоров депутат Марычев демонстрировал на заседании Думы порножурнал, где был изображён Владимир Жириновский, одевающий свою знаменитую кепку на голую девицу. Марычев доказывал, что это фотомонтаж и добился того, что депутаты всех фракций бросились его покупать, поскольку

именно этим журналом были заполнены все думские киоски.

И только в конце дня пришло сообщение о полном разгроме сил «оппозиции», почему-то сообщившей в Москву о своей блистательной победе. 14 русских танков догорали на улицах Грозного, а 70 российских военнослужащих оказались в плену у Дудаева. Чтобы ни у кого не возникало сомнений по этому поводу, захваченных в плен российских офицеров и солдат показали по телевизору. Они немедленно были опознаны женами и матерями, которые кинулись в Думу искать правды у министра обороны генерала Грачёва и отловили его в каких-то коридорах правительственного здания.

Генерал был, как всегда, бодр. Губы его кривились в снисходительной ухмылке профессионала, вынужденного комментировать жалкую работу любителей. Полностью отрицая, что попавшие в плен имеют хоть какое-то отношение к Российской армии, министр обороны признался, что вообще этими событиями «мало интересуется». Видел что-то по телевизору и только.

Всё страшно непрофессионально. Кто же, какой дурак, извините, вводит танки в город? «Да я, — продолжал генерал, — навёл бы там порядок *ЗА ДВА ЧАСА С ОДНИМ ДЕСАНТНЫМ ПОЛКОМ*».

Между тем, генерал Дудаев заявил слетевшимся в Грозный представителям почти всех информационных агентств страны, что, если Россия в течение 72 часов не признает находящихся у него в плену

офицеров и солдат своими военнослужащими, то все они будут расстреляны. Неразберихи в обстановку добавил миротворец Хасбулатов, призвав эвакуировать всех детей из Грозного, поскольку город сегодня же подвергнется массированному удару с воздуха.

Президент Ельцин в этот день был и без того в прескверном настроении из-за провала очередной попытки переворота в Баку. Там шли массовые аресты подозреваемых, а Сурет Гуссейнов ударился в бег.

Поскольку вербовать офицеров и солдат для чеченской «оппозиции» было поручено ФСК, то в Кремль немедленно был вызван шеф контрразведки Сергей Степашин. В этот момент Степашин был занят очень важным делом. Он подавал в суд на Жириновского, который публично обвинил директора ФСК в том, что тот является платным агентом американского ЦРУ и израильской службы «Массад». Подавая исковое заявление в Сокольничий районный суд Москвы, шеф контрразведки требовал в качестве компенсации за свою оскорбленную «честь и достоинство» 300 миллионов рублей.

Взбешенный Президентом и удивленный сенсационными новостями, пришедших из Грозного, Степашин не нашел ничего лучшего, как заявить, что его люди, вербовавшие офицеров и солдат в подмосковных частях (чтобы в целях экономии не ездить слишком далеко) брали у всех обязательство, что те ни при

каких обстоятельствах в плен не сдадутся, а если попадут в руки дудаевцев, скажем, в бессознательном состоянии, то, естественно не скажут ни слова.

Шеф ФСК подчеркнул, что все без колебания подписали подобное обязательство в обмен на 2 миллиона рублей, поскольку в частях уже 3 месяца не выдавали жалование и им нечем было кормить свои семьи. Если кто-то из них нарушил подписку, то, согласно действующему законодательству, будет привлечён к ответственности, включая и уголовную...

Президент плохо воспринимал подобные юридические витиеватости. Выругав в сердцах своего старого друга Хасбулатова, которому, как он теперь понял, нельзя доверять даже самых простых вещей, Ельцин приказал в целях сохранения лица на фоне набирающего размах скандала, предъявить Дудаеву официальный ультиматум. Текст ультиматума был составлен тут же.

В нём говорилось, что под страхом введения чрезвычайного положения и вытекающих из этого положения мер, генералу Дудаеву предлагается в течение 48 часов прекратить огонь, освободить всех пленных и распустить свои незаконные вооружённые формирования.

Для пущей важности Президент потребовал составить проект указа о призыве на действительную военную службу нескольких категорий офицеров запаса. В конце совещания решили, что во всём виноват Хасбулатов, который оказался «треплом». Впрочем, заверил присутствующих Президент, он

об этом знал всегда — ещё когда выдвигал Хасбулатова на своё место председателя Верховного Совета.

«Настало время, — глубокомысленно заметил Президент, — заняться этим вопросом серьёзно». По его приказу подготовлен проект секретного указа, который он намерен подписать завтра — 30 ноября, а сегодня обсудить некоторые детали. Все с готовностью согласились.

Согласно Конституции, гарантом которой был сам Президент, никаких секретных приказов издавать он права не имел. Никакой указ не имел юридической силы до его опубликования. Но кто когда-нибудь в России придавал значение подобным процессуальным мелочам? Россия — великая страна и должна сама решать свои проблемы, а не доверять их разным авантюристам вроде Руслана Хасбулатова. Тем более, что после вчерашнего погрома в Грозном о местонахождении самого миротворца Хасбулатова ничего известно не было.

Тем *не менее, как обещал миротворец Хасбулатов, примерно в 15 часов 10 минут по местному времени над Грозным появилась шестерка штурмовиков типа «СУ-27» и начала бомбить центр города, где располагался банк и Минфин.

Дудаев как раз в этот момент давал интервью корреспонденту Би-Би-Си. Англичан весьма интересовал вопрос, как президент Дудаев собирается реагировать на ультиматум президента Ельцина?

Не успел генерал ответить, как над Грозным

загремели взрывы бомб и ракет. «Это только предупреждение, — усмехнулся Дудаев, — Верьте моему слову — *СКОРО НАЧНЁТСЯ НОВАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА*».

Чуть позже в Москве пресс-секретарь президента Ельцина Вячеслав Костиков, собрав корреспондентов на брифинге, сообщил, что бомбившие Грозный самолёты «не были Российскими». «А чьими же они были? — недоумевали журналисты, — Американскими?»

Ложь, поспешно одеваясь в камуфляж, уже шла маршем по стране. В это время напомнил о себе Михаил Горбачёв, фонд которого выступил со специальным заявлением, призывая к прямым переговорам с Дудаевым и отказу от силового решения проблемы. «Как мы можем — вопрошал бывший президент СССР, — считаться миротворцами где-то в мире, если у себя дома не можем обойтись без войны».

Между тем, уполномоченный по правам человека при Президенте России, знаменитый в прошлом диссидент Сергей Ковалёв, из последних сил бился над тем, чтобы организовать прямые переговоры между Ельциным и Дудаевым, считая, что только подобные переговоры могут решить проблему русско-чеченских отношений. Контакта с Президентом Ковалёв не имел, действуя через помощника Ельцина по вопросам безопасности Юрия Батурина.

Идея подобной встречи витала в воздухе ещё с начала лета этого года, но её никак не могли организовать. Глава администрации Ельцина Борис Филатов, вздыхая, говорил: «Ну вот, опять нелестным образом Дудаев высказался о нашем президенте. Борис Николаевич очень обиделся. Встреча поэтому не может состояться. Борис Николаевич вне себя».

В администрации Ельцина царил к этому времени уже такой порядок, установленный начальником службы безопасности Президента генералом Коржаковым, что уже никто не осмеливался повторить вслух те «нелестные отзывы», которыми президент Чечни вывел из себя Президента России. Кабинеты всех работников администрации прослушивались с помощью каких-то хитрых американских жучков, а задёрганные и нервные всевозможные советники, помощники, консультанты и референты даже между собой общались с помощью записок, которые тут же сжигали, как в шпионских фильмах середины 30-х годов.

Гораздо позже стало известно, что Дудаев якобы упрекал Российского Президента в чрезмерном пьянстве, выражая сомнение в том, что тот вообще способен вести переговоры с кем-либо, ибо уже допился до потери адекватного восприятия реальности. Вся Россия и весь мир, посмеиваясь, обсуждали известный эпизод, когда Президент России якобы допился до такого состояния, что не мог выйти из самолёта для встречи с премьер-министром Исландии. Это за него сделал наш старый

друг Сосковец. Было это так или нет — трудно сказать. Горцы, а особенно чеченцы — люди исключительно вежливые и деликатные. Вряд ли генерал Дудаев мог позволить себе подобное хамство. Тем более, что первый был заинтересован в такой встрече.

Не исключено, что «нелестные высказывания» были сфабрикованы каким-нибудь из многочисленных аналитических центров, находящихся под крылом генерала Коржакова, который как раз и желал решить вопрос силой, поскольку, будучи убеждённым государственнымником, искренне считал, что только маленькая победоносная война (даже пусть на собственной территории и против собственного народа) только и может повысить весьма поблекший имидж России в качестве великой державы, а заодно поднять стремящийся к нулю рейтинг президента Ельцина. Это было важно, поскольку не было ещё известно, удастся или нет избежать очередных президентских выборов в 1996 году.

А уже шёл к концу 1994-й год, и время летело почти со скоростью света.

Впрочем, планы генерала Коржакова были значительно шире и оформлены в очередную «аналитическую» записку, которую он предполагал представить Президенту в ближайшем будущем.

Если бы кто-либо тогда сказал генералу Коржакову, что он является всего лишь проводником разработанной не в России политики разворота

страны «фронтом на юг», он, наверное, даже и не понял бы, о чём идёт речь.

Такова наша служба безопасности!

Она, видимо, вся нацелена на то, чтобы наказывать всех «за нелестные высказывания» (или, как говорили в старину, «за непристойные речи») в адрес главы государства. И больше не видит ничего. А, может быть, действительно прав Владимир Жириновский, почти каждодневно закатывающий истерики в Государственной Думе на тему о том, что вся наша служба безопасности вместе с её многочисленными аналитическими и исследовательскими центрами набита агентами ЦРУ и «Массада»?

Как бы то ни было, но день 30 ноября 1994 года начался с налёта «нероссийских» штурмовиков на аэропорт Грозного, где стоял личный авиалайнер Дудаева и несколько учебных самолётов, принадлежавших военно-воздушным силам Ичкерии.

Самолёты были повреждены или уничтожены.

«Поздравляю Вас и ВВС России с достижением господства в воздухе в небе Ичкерии. Встретимся на земле», — телеграфировал Дудаев главному российских ВВС генерал-полковнику Дейнекену.

Главком немедленно собрал пресс-конференцию, на которой выразил недоумение по поводу очередной выходки Дудаева. «Ни один российский самолёт, — подтвердил словом офицера генерал, — не задействован в событиях в Чечне».

В журналистских кругах уже царил нервный

хотот. Так чьи же самолёты, бомбящие российскую территорию, столь вольготно чувствуют себя в небе России. Ведь Чечня — это часть России. Куда смотрят хваленая служба ПВО и Президент?

Что касается президента Ельцина, то он просматривал текст своего секретного указа о восстановлении «конституционной законности в Чечне». Через несколько часов должно состояться совещание Совета Безопасности, на котором предполагалось заслушать аналитическую записку, подготовленную генералом Коржаковым, а также министра обороны, директора службы контрразведки, директора службы внешней разведки, министра по делам национальностей и ещё ряд других ответственных руководителей.

В Кремле уже сами не замечали того, что говорят о Чечне в терминах иностранного государства, против которого готовится агрессия.

Сбор Совета Безопасности был отложен из-за споров — приглашать или нет на него «спикеров» палат: Рыбкина и Шумейко, отличавшихся крайней болтливостью. Было решено пока не приглашать, а информировать их несколько позже явочным порядком.

А за Кремлёвскими стенами бушует демократическая печать и электронные средства массовой информации.

«Ничейные пленные ничейной страны!» — кричат газетные заголовки. «Россия в очередной раз

предала своих солдат!» На экранах телевизоров хмурые, заросшие щетиной лица российских военнослужащих, охотно дающих показания всем кому попало. Сыпятся звания, фамилии, номера войсковых частей, фамилии вербовщиков, подробности оплаты. Налицо крупный провал очередной операции, проведённой вкуче армией и ФСК.

Председатель думского комитета по обороне Сергей Юшенков объявил, что завтра с группой депутатов собирается лететь в Грозный в попытке спасти от обещанного растрела хотя бы часть русских солдат.

А в Грозном над дворцом президента развевается боевой зелёный флаг республики Ичкерия, уррашенный оскаленной волчьей головой.

Волк — турецкий символ свободы и независимости — был получен Дудаевым от поклонников из организации «Серые волки» во время визита на остров Кипр, куда Дудаев выезжал по делам «Кубанского банка» Николая Егорова в 1993 году, улаживая финансовые дела с московскими «концессионерами», которые уже шли в тупик. Но «Волк» ему понравился. «Если я когда-нибудь понадобится вам, — сказал Дудаев туркам-киприотам, — Позовите меня по-волчьи. Вот так: у-у-у-уу!»

У стен дворца с обнажённой шашкой в руке заходится в воинственном танце белобородый потомок шейха Мансура: «Победа или смерть, да услышит нас Аллах! Победа или смерть, да поможет нам Аллах!»

Старики в папахах и черкесках кружатся в танце, кто с саблей, кто с палкой. Толпа на площади скандирует: «Газават! Газават! Газават!» По дворцу Дудаева важно шествует прибывший из Афганистана ученый богослов Хабибулла — ветеран войны против советской армии — с новеньким ручным пулемётом на шее и Кораном в руках. «Долг каждого правоверного, — восклицает он, как-будто стоит не в коридоре, а на минарете, — убивать неверных!» Ибо, как сказал великий Абу ал Мауди, «вера проходит проверку в Джихаде».

Сам Дудаев совещается со своим начальником штаба Масхадовым, бывшим полковником советской армии, служившем, как и Дудаев, в Прибалтике. На столе президентского кабинета расстелены стратегические карты. Дудаев в элегантной пилотке и камуфляжной куртке, из-под которой видна белоснежная рубашка с галстуком. Менее элегантный Масхадов в национальной барашковой папахе и боевом комбинезоне. Рука с карандашом скользит по карте.

По сведениям разведки, война Москвой уже решена. На аэродромы Ставропольского края и в Моздок один за другим садятся тяжёлые транспортные самолёты с войсками. К границам Ичкерии двигаются бронетанковые колонны. Вряд ли вся эта демонстрация, требующая огромных средств, задумана только ради устрашения, чтобы мы стали уступчивее. Вторжение произойдёт в пределах следующего месяца. Когда — мы узнаем точно из наших источников в окружении генерала Грачёва.

Вторжение может произойти с трёх направлений и, вероятнее всего, произойдет сразу с трёх направлений: из Надтеречного района, из Ингушетии и с территории Дагестана. Видимо, главной целью будет захват и удержание стратегического шоссе Ростов-Баку и некоторых ключевых населённых пунктов по этой трассе вроде Самашек и Чечен-Аула. При одновременном блокировании Грозного. «Или его штурма?» — предположил Дудаев. Масхадов с сомнением покачал головой. Генерал Грачёв — это все-таки не идиот Лабозанов. Он не бросит свои танки в большой город с почти полумиллионным населением, подавляющая часть которого — русские. Если в Москве делают очередную попытку заявить о себе как о великой державе путём уничтожения чеченского народа, то сама логика должна подсказать им оказывать повышенную заботу и внимание русскому населению республики, сконцентрированному, главным образом, в Грозном и Гудермесе.

Таким образом, складывается очень интересная тактическая схема. Если русские войска будут действовать в рамках оптимальной стратегии, то, пробиваясь вдоль шоссе Ростов-Баку и блокируя Грозный, они автоматически попадают в двойное окружение и могут быть изолированы друг от друга с последующим уничтожением.

В теории всё выглядело вполне логично. Ни Дудаев, ни Масхадов не предполагали, что русские войска, попавшиеся во все расставленные для них ловушки, начнут использовать на собственной тер-

ритории, каковой они считают Чечню, все средства массового поражения (пока ещё кроме ядерного), которые Россия копила для будущей войны с Соединенными Штатами и их союзниками в борьбе за мировое господство, стараясь морями крови замаскировать удручающую бездарность своих генералов и полное отсутствие боевой подготовки у солдат.

А это означало, что они плохо знали своего потенциального противника, с которым собирались воевать.

Население же Чечни, в отличие от своего президента, подчиняясь исключительно собственной исторической памяти или, говоря современным языком, «генной информации», совсем не разделяло оптимизма, царившего в Дудаевском дворце. С того момента, как во второй половине XVIII века на стол Всероссийской императрицы Екатерины II легло на утверждение первое «Руководство по истреблению чеченцев», население хорошо знало, что его ждёт в случае очередного вторжения русских войск. А начавшиеся «точечные» бомбёжки Грозного таинственными самолётами «оппозиции», показали, что подтверждаются их самые худшие опасения.

Ни у генерала Ермолова, ни у генерала Барятинского, ни даже у спецвойск НКВД товарища Сталина авиации не было. Поток беженцев хлынул в Ингушетию, Дагестан и Северную Осетию. Чеченское население Грозного эвакуировалось к

родственникам в сельскую местность. В Чечне все друг другу родственники и узы родства там почтиаются и чуть ли не возводятся в культ.

Но двухсоттысячному (по самым скромным оценкам) русскому населению Грозного бежать было некуда. Задерганное и униженное тремя годами правления Дудаева и собственным непонятно-подвешенным статусом, подогреваемым распространяемыми Москвой слухами о неизбежной резне и (или) массовом выселении, русское население решило ждать прихода родной армии, не двигаясь с места и в душе даже радуясь, что приходит конец дудаевскому режиму.

В 18.00 «самолёты оппозиции» нанесли новый удар по аэропорту Грозного, разрушив бетонобойными бомбами взлётную полосу.

По самолётам велся интенсивный зенитный огонь. Выли сирены воздушной тревоги. Им подвывали сирены автомашин скорой помощи, развозившие по больницам первых мирных жителей, искалеченных русскими авиабомбами. Раненые жители Грозного лежали в одних палатах со взятыми в плен русскими солдатами, поражёнными при бездарном выполнении гениального хасбулатовского замысла. Жители — русские, солдаты — русские, бомбы — русские. Только хирурги были чеченцами.

Один из самолётов был сбит и в грохоте огненного смерча упал где-то в пригородном районе Черноречья. Пилот погиб. Возможно, он остался

верен подписке, лежащей в одном из сейфов на Лубянке.

Намеченное в Москве совещание Совета Безопасности было вновь отложено. Президент собрал только узкий круг заинтересованных лиц, жаждущих войны и крови. Кроме верного Коржакова, присутствовали: вице-премьеры Сосковец и Егоров, министр обороны Грачёв, министр внутренних дел Ерин и министр иностранных дел Козырев.

Последнего решили заслушать в первую очередь, ибо по заданию Президента он осторожно прозондировал реакцию западных стран на предполагаемые действия в Чечне, которые были дипломатично названы мероприятиями «по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований». По словам Козырева, никто из так называемой «большой семерки» даже бровью не повёл. Все согласились, что планируемое мероприятие является исключительно внутренним делом России. Только настырные французы и нахальные англичане, которым вечно больше других надо, что-то промямлили о правах человека и просили их по возможности не нарушать, на что Козырев с готовностью согласился.

Говорил министр сбивчиво, глотая окончания слов и постоянно кидая испуганные взгляды на президента и «строая глазки» генералу Коржакову, который текст его выступления, разумеется, просмотрел заранее.

Президент сидел, тяжело утонув в кресле, на спинке которого рельефным золотом был изображён двухглавый орёл. Как на троне государей московских. Глаза его были полуприкрыты набухшими веками, а нижняя губа, выдвинувшись вперёд, слегка провисла, что служило верным признаком того, что Президент снова занемог. Потому официально сегодня Совет Безопасности решили не собирать, а перенести на завтра в надежде на то, что, попарившись в баньке, Президент с Божьей помощью преодолет хворь и решит массу накопившихся вопросов.

Пока же ему подсунули на подпись заранее заготовленный указ о назначении вице-премьера Николая Егорова полномочным представителем Президента Российской Федерации в Чечне. И вложили в руку любимый «Паркер».

Президент взглянул на генерала Коржакова. Тот молча кивнул. Президент шумно выдохнул накопившийся в лёгких воздух и подписал. Мечта «Кубанского банка» осуществилась! Николай Егоров был назначен в Грозный на «хлебное» место генерала Дудаева. Сосковец и Грачёв первыми принесли министру национальностей свои поздравления. Ерин радовался гораздо меньше, отлично понимая, что ему как министру внутренних дел в конечном счёте придётся отвечать за всё и за всех.

Что же касается министра иностранных дел, то он к этому времени уже покинул совещание, пред-

мет которого его касался лишь косвенно. Ведь речь шла о внутреннем деле России.

Его интеллигентной натуре, и демократическим взглядам всегда претило грубое и консервативно мыслящее окружение первого Президента Свободной России.

Глава 2

ЦИТАТЫ

«Секретно!»

У К А З ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики».

В связи с продолжением вооруженного конфликта в Чеченской Республике, неподчинением требованиям о прекращении огня, сдаче оружия, роспуске вооруженных формирований, освобождения всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан, гибелью гражданского населения и в соответствии со статьей 88 Конституции Российской Федерации, Законом РСФСР «О чрез-

вычайном положении» и Законом Российской Федерации «О безопасности» постановляю:

1. Осуществить с 6 часов 00 минут 1 декабря 1994г. мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике согласно прилагаемому плану.

2. Создать Группу руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики (далее именуется Группа) в следующем составе:

ГРАЧЕВ П. С. — Министр обороны Российской Федерации (руководитель).

ЕГОРОВ Н. Д. — Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике.

КРУГЛОВ А. С. — Председатель Государственного Таможенного комитета Российской Федерации.

ЕРИН В. Ф. — Министр Внутренних дел Российской Федерации.

КУЛИКОВ А. С. — Заместитель Министра Внутренних дел Российской Федерации.

НИКОЛАЕВ А. И. — Главнокомандующий Пограничными Войсками Российской Федерации.

ПАНИЧЕВ В. Н. — Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — Главный военный прокурор.

ПАСТУХОВ Б. Н. — Заместитель Министра Иностранных дел Российской Федерации.

СТАРОВОЙТОВ А. В. — Генеральный директор Федерального Агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации.

СТЕПАШИН С. В. — Директор Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

ШИРШОВ П. П. — Председатель Комитета по вопросам безопасности и обороны Совета Федерации Федерального Собрания (по согласованию).

ЮШЕНКОВ С. Н. — Председатель Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания (по согласованию).

3. Предоставить руководителю Группы Грачеву П. С. полномочия по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и сил обеспечения безопасности при реализации плана мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике, привлечению в случае необходимости к ответственности должностных лиц, участвующих в указанных мероприятиях, вплоть до отстранения их от выполнения служебных обязанностей, а также по использованию средств и ресурсов направленных на решение задач по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике.

Установить, что распоряжения и приказы руководителя Группы ГРАЧЕВА П. С. обязательны для исполнения органами исполнительной власти, органами внутренних дел, органами контрразведки,

воинскими частями внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и Пограничных войск Российской Федерации, предприятиями, организациями и учреждениями, а также должностными лицами, принимающими участие в реализации плана мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике.

4. Возложить на Группу следующие основные задачи:

— обеспечение прекращения вооруженных столкновений, разоружение и ликвидация вооруженных формирований на территории Чеченской Республики.

— организация действий по освобождению захваченных и насильственно удерживаемых граждан.

— организация установления особого режима въезда и выезда, а также особого порядка передвижения в зоне чрезвычайного положения.

— обеспечение при необходимости деятельности особых форм управления на территории Чеченской Республики.

— создание условий для восстановления законности и правопорядка в Чеченской Республике.

— организация переговоров по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики мирными средствами.

— разработка предложений по организации внешнеполитического и информационного обеспечения нормализации обстановки в Чеченской

Республике, а также по оказанию срочной гуманитарной помощи населению.

5. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН.

Москва, Кремль 30 ноября 1994 года.

«У К А З ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**«О мерах по пресечению деятельности
незаконных вооруженных формирований
на территории Чеченской Республики
и в зоне осетино-ингушского конфликта».**

Совет Безопасности Российской Федерации констатировал наличие незаконных вооруженных формирований, деятельность которых в течение продолжительного времени вызывает кровопролитие, уносит жизни и нарушает права граждан Российской Федерации в Чеченской Республике и некоторых районах Северного Кавказа Российской Федерации...

На основании статьи 80 Конституции Российской Федерации постановляю:

1. Поручить Правительству Российской Федерации в соответствии с пунктами «д» и «е» статьи 114

Конституции Российской Федерации использовать все, имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных формирований.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН
Москва, Кремль. 20 декабря 1994 г.».

«... Джохар Дудаев провозгласил и стал настойчиво осуществлять идею выхода Чечни из состава Российской Федерации. Несмотря на то, что ни одна страна мира не признала режим Дудаева и провозглашенную им независимость Чеченской Республики, он и его окружение продолжали упорно следовать избранному курсу. В этих условиях оставался единственный путь восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике — разоружить бандформирования...

Силами милиции и внутренних войск МВД, не имеющих на вооружении тяжелой техники, это сделать было невозможно. От добровольной сдачи оружия дудаевские формирования отказались. Не достигла цели и объявленная федеральными властями амнистия. Возникла необходи-

мость ввода на территорию Чечни частей Вооруженных сил Российской Федерации».

Из обращения к личному составу Вооруженных сил.
10 декабря 1994 г.

«Важнейшая составляющая событий в Чеченской Республике — трагическая судьба чеченцев. В прошлом веке — жестокая, более чем полувековая кавказская война с ее огромными людскими потерями, а затем исходом в Турцию и на Ближний Восток. В нынешнем — поголовная депортация в Северный Казахстан в 1944 г. Все это не могло не оставить глубоких шрамов в памяти народа и не породить глубокого недоверия не только к центральной власти, но и к власти вообще.

С. Шахрай, 27 сентября 1994 г.

«... С революцией 1917 года война на Кавказе разгорелась с новой силой. В марте 1920 г. на Северном Кавказе утвердилась Советская власть, от которой горцы ждали улучшения жизни. Однако, вместо отдельных грабежей, периодически проводимых русской армией, они получили хорошо организованный государственный грабеж.

Первое восстание вспыхнуло в Чечне и Дагестане еще в сентябре 1920 г. Оно было подавлено только в мае 1921 года, когда были разгромлены главные силы повстанцев и прекратилось поступление к ним помощи из Грузии. Несмотря на подавление восстания, на руках у чеченского населе-

ния осталось очень много оружия, которое они часто пускали в ход при постоянных нападениях на гарнизоны и посты Красной Армии. 31 июля 1925 г.

Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа принял решение: «Провести разоружение горной Чечни и самых опасных ее районов». К операции были привлечены около 7000 человек при 24 орудиях, 240 пулеметах и 7 самолетах.

В отчете об операции говорилось: «Чечня разоружена. Изъято 23 044 винтовки, 4300 револьверов, большое количество патронов. Вся головка контрреволюционного подполья: Гоцинский, шейх Ансалтинский, Атаби Шамиев и др. схвачена вместе с тремястами уголовниками и мелкими контрреволюционерами. Сожжено 120 домов».

По планам коллективизации национальные автономии Северного Кавказа должны были подвергнуться этому мероприятию в 1932—33 гг. Ответ местного населения был быстрым: в Чечне вспыхнуло новое восстание. Жители аула Урус-Мартан написали властям: «В Урус-Мартане у нас отобрали весь хлеб и объявили, что пока мы не сдадим хлеб, власти закрывают мечеть. У того, у кого нет хлеба, отбирают скот, у кого не осталось скота, отбирают одежду. Лучше умереть в горах с оружием в руках, чем оказаться без брюк в ГПУ».

Восстание началось 23 марта 1932 г. Уже 27 марта части 28-ой стрелковой дивизии выдвинулись в район Грозного, а на следующие сутки — вступи-

ли в бой. К 5 апреля восстание было подавлено. В докладе штаба округа отмечалось исключительно ожесточенное сопротивление повстанцев: атаки, в которых участвовали даже женщины, хождение в атаку сомкнутым строем с религиозными гимнами.

С началом Великой Отечественной войны повстанческое движение разгорелось вновь. Для борьбы с повстанческим движением были сформированы спецчасти внутренних войск НКВД. «В начале октября 1941 г., — говорится в официальном документе, — на территории нескольких районов Чечено-Ингушской АССР немецко-фашистскими агентами было поднято вооруженное восстание, в результате которого были разгромлены большинство колхозов и сельсоветов». С 30 октября по 5 ноября части НКВД во взаимодействии с частями Красной Армии разгромили бандитов, изъяв 78 винтовок и 3 пулемета, потеряв 5 человек убитыми и 8 ранеными.

Летом 1942 года вспыхнуло очередное восстание сначала в Шароевском, а затем — в Итум-Калинском районах. Восставшим удалось захватить районные центры Химой, Шатой, а затем и Итум-Кале. 20 августа 141-ый полк НКВД выбил повстанцев из Шатоя. Подход немецких войск к этому району (немцы взяли Моздок и двигались на Владикавказ) стимулировал еще больший размах восстания, который чуть не привел к крушению фронта Красной Армии на данном направлении.

После отхода вермахта с Северного Кавказа большая часть повстанцев ушла с ними. Осталь-

ные после двухмесячных ожесточенных боев с частями Красной Армии и войск НКВД были рассеяны по горам. Бои шли с применением артиллерии и авиации. Было стерто с лица земли более 40 аулов, уничтожено 3830 жилых домов и хозяйственных построек. Все мужское население от 12 до 65 лет было собрано в концлагерях, расположенных в предместьях Грозного и Моздока. (В некоторых случаях чеченцев содержали вместе с немецкими военнопленными. Большая часть задержанных была расстреляна.)

23 февраля 1944 года специально созданная группировка внутренних войск совершила беспрецедентную операцию по выселению всего чечено-ингушского населения (до единого человека, включая стариков, женщин и грудных детей) в Среднюю Азию и Казахстан.

Однако, и после указанного мероприятия мелкие группы повстанцев численностью до 50 человек продолжали действовать в труднодоступных горных районах вплоть до 1957 года, когда чеченцам и ингушам было разрешено вернуться на места традиционного проживания...»

Реферативная справка, разосланная в штабы вплоть до полкового уровня.

«Сов. секретно.

ПРИКАЗ

Министра обороны Российской Федерации

**Министра обороны Российской Федерации
и Руководителя Группы по разоружению
и ликвидации вооруженных формирований
на территории Чеченской Республики.**

Т. т. Егорову Н. Д., Ерину В. Ф., Степашину С. В.

На основании секретного Указа Президента РФ «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» ведется подготовка по вводу в Чеченскую Республику одной дивизии Внутренних Войск и двух дивизий Министерства Обороны...

В связи с ожидающимся массовым, но неорганизованным сопротивлением принято решение воспользоваться этим обстоятельством и осуществить массовую депортацию местного населения под видом его организованного вывода из зоны боевых действий в другие районы Российской Федерации, которые будут определены особо.

Для этой цели на территориях Ингушетии, Северной Осетии и Ставропольского края развернуть лагерь временного содержания...

Внешнеполитическое и информационное обеспечение указанных мероприятий должно проводиться только как гуманитарная акция во имя спасения мирного населения Чеченской Республики от злодеяний дудаевских бандитов...

Для организованного проведения комплексных мероприятий как гуманитарной акции создать координационный орган из представителей Министерства Обороны, Министерства Внутренних Дел, Министерства по делам национальностей и Региональной политике, Федеральной службы контрразведки и Министерства по Чрезвычайным Ситуациям...

Всю практическую работу по депортации населения должно проводить Министерство по Чрезвычайным Ситуациям...

Министр Обороны Российской Федерации
и Руководитель ГРУППЫ генерал армии
ГРАЧЕВ П. С.

(«Неопознанные» вертолеты разбрасывали копии этого «совершенно секретного» приказа над многими селами Чечни в период с 8 по 10 декабря 1994 г. Насколько этот приказ был подлинный — судить не беремся, но командующий ВДВ генерал-полковник Подколзин как-то проговорился прямо в телеинтервью, что подобный приказ существовал. Раздраженный ожесточенными боями в Грозном и большими потерями, вообще, и своих десантников, в частности, генерал Подколзин заметил, что без-

дарная тактика Грачева «помешала провести организованную депортацию населения в другие районы России».)

«Совершенно секретно.

Штаб Северо-Кавказского военного округа.

Министр обороны Российской Федерации приказал: 11 декабря 1994 г. ввести две мотострелковые и одну танковую дивизии на территорию Чеченской Республики для оказания содействия органам внутренних дел в восстановлении конституционной законности и правопорядка... Ориентировочный срок окончания операции — не позднее 20 декабря 1994 г...»

«Итак, война началась. Больше мы не можем гордиться Россией, как островом национальной стабильности и бескровного развития. Идет война в России: гражданская, если смотреть из Москвы, национально-освободительная, если смотреть из Грозного. Отделение Чечни и ряда других регионов Северного Кавказа, видимо, вещь уже неизбежная, не зависящая ни от Ельцина, ни от кого бы то ни было другого. Никакой Ельцин, никакой Грачев-Ерин-Степашин-Егоров не могут остановить исторического процесса. Северный Кавказ за сто с лишним лет так и не стал составной органической

частью России. Трудно завоеванный, искусственно вырванный из мусульманской уммы, переживший кровавые революционные события и послевоенный геноцид, Северный Кавказ был обречен на отделение.

Прогнозировать развитие событий на театре военных действий, как всегда, почти невозможно, тем более на войне, которая имеет все шансы перерасти в партизанскую. Но политические последствия агрессии очевидны... При любом развитии событий Президент проиграет. Попытка захвата столицы Чечни и подавления всех крупных очагов сопротивления вполне могут оказаться неуспешными. Не следует особенно доверять похвальбе Павла Грачева о том, что он справился бы с Грозным за два часа. Бездарный командующий во главе с деморализованной армией (и еще дополнительно деморализованной за несколько дней до вторжения авантюрой с наемниками) — далеко не самый лучший инструмент для военной победы, которая вряд ли будет достигнута не то что за два часа, а даже за два месяца. Возможен и просто разгром наших войск при попытке штурма Грозного...

Президент все более и более производит впечатление человека, находящегося в информационном коконе, живущего в какой-то воображаемой стране, созданной для него его ближайшим окружением. Чьими глазами смотрит президент на мир? Грачева? Лобова? Егорова?»

«Впервые со времен гражданской войны вооруженные силы России заняли исходные позиции для

открытого и прямого подавления своих сограждан. Мощь одной из крупнейших армий мира, снаряженной в свое время для ведения 3-й мировой войны, пусть и поблекшая после распада империи, начала боевые действия на собственной российской территории... Колоссальная, но, по существу, безликая, военная мощь, потому что у России нет сейчас политических лидеров, осознающих и, что не менее важно, олицетворяющих масштабы случайно попавшей им в руки военной машины, а соответственно и масштабы и степень ответственности, лежащей на них...»

«Центр Грозного кажется адом... Город мертв. Там нет целых домов, почти нет людей без автоматов. В довершение апокалиптичности картины над городом висит смог, накрывший Грозный темным кошаком. Стоят солнечные ясные дни, а в чеченской столице полутемно и сыро. Это копать от нефтяных пожаров. Первая бомба попала в нефтехранилище 28 декабря, на следующий день после знаменитой ельцинской речи о «прекращении бомбардировок». Потом нефтяные склады бомбили под Новый год, а первого расстреливали из танковых орудий.

Когда начался предновогодний штурм, то казалось, что судьба Грозного решена и взятие дворца Дудаева — вопрос нескольких часов. Но к вечеру стало ясно, что штурм провалился. Колонны пленных и пылающие перед дворцом российские танки создавали какую-то неправдоподобную картину.

Еще более неправдоподобным оказалось то, что на следующий день, первого января, картина повторилась в точности. Точно так же, без боя и без сопротивления в центр города пропустили всю танковую колонну. При этом складывалось впечатление, что входившие в город были дезинформированы и полагали, что занимают уже побежденный Грозный. Они оказались совершенно не готовы принять бой.

Официальные предновогодние информационные сообщения действительно беззастенчиво лгали, что город и чуть ли не дворец контролируются российской армией, и лишь «отдельные группы» продолжают сопротивление... 1 января танковую колонну, как и накануне, разделили на сектора и уничтожили из гранатометов. На следующий день в Грозном догорало около ста пятидесяти единиц российской бронетехники.

В результате этой двухдневной операции погибли несколько сотен российских солдат, около ста были захвачены в плен. Отдельные группы пехотинцев, въезжавших на танковой броне в город, уцелели и еще два-три дня вели автоматный огонь, пытаясь то ли вырваться из города, то ли закрепиться в ожидании подмоги. Однако, к четвертому числу, когда им на помощь в Грозный был брошен десант, с ними уже было покончено...»

«Летчики в Чечне не рискуют практически ничем. «Стингеров» у дудаевцев нет. Самолеты сбрасывают бомбы с бреющего полета и попадают

строго в цель: в больницу, дом инвалидов, рынок с массовым скоплением людей.

Начиная со второго января, тактика бомбардировок несколько изменилась. После поражения новогоднего штурма начали бомбить преимущественно провинцию, причем там, где больше людей: крупные базары, автостоянки, места, где скученно стоят дома. В Шали на общереспубликанский рынок автодеталей сбросили шариковую бомбу.

В тот же день и там же бомбили больницу и продовольственный рынок. Потом большие села Атаги и Комсомольское, потом село Чечен-Аул, потом...

Что бы ни говорила официальная пропаганда, действия российской армии не оставляют сомнения: она рассматривает чеченское сопротивление именно как народную войну и рассматривает все население Чечни, как своего противника... Когда российские войска занимают жилой дом, подвалы забрасывают гранатами».

«В Грозном десантники не испытывают трепета перед морскими пехотинцами, последние, в свою очередь, презирают обычную пехоту, войска, как таковые, ненавидят внутренние войска, и все вместе не любят начальства. Но, по большому счету, эта трудная система взаимоотношений не так интересна. Гораздо интереснее как-раз то, чего различным родам войск и силам МВД удалось добиться совместными усилиями.

Города Грозного, как показали первые же пят-

надцать минут поездки на БТРе, больше не существует. До нового года окруженная войсками чеченская столица была все же похожа на крупный населенный пункт: стояли дома, в них жили люди, по улицам ездили машины. Ничего подобного теперь нет. Грозный представляет собой огромное пространство, покрытое разрушенными и полусгоревшими зданиями. Город умер. Умер и живет какой-то жуткой потусторонней жизнью. Артиллерия лупит куда-то почти без передышки круглые сутки. Время от времени в воздухе появляются самолеты и методично бомбят квартал за кварталом. В ночном небе долго польхают пожары, которые никто не тушит. На улицах валяются неубранные трупы наших солдат. Их грызут бродячие собаки...

Красивая война с профессиональными солдатами, умными офицерами, точечными попаданиями, исправной техникой и гуманными мыслями вместо вшей под каской стоит очень дорого. Она стоит трезвомыслящего президента, грамотного правительства, стабильной экономики и работающего населения. Наша нищая, нечестная страна не может вести такой войны. Не может. А потому и не ведет.

24 января практически полным составом погиб прибывший в Чечню спецназ ГРУ. По официальной версии в здание, где находились спецназовцы, попал вражеский снаряд. Однако, многие утверждают, что все было несколько иначе. Отряд, чтобы не выставлять постов, обложил себя минами, а,

кроме того, занес в здание около 370 килограммов взрывчатки — так называемого пластита, который запрещено хранить в таких диких количествах. Когда здание взлетело на воздух, в живых остался только командир отряда, вышедший на улицу по нужде. Он был настолько пьян, что не мог вспомнить, сколько его людей осталось в помещении. За два дня раскопок в здании было найдено 46 трупов...

Но даже это не идет ни в какое сравнение с теми большими «прелестями», которые приносит с собой вход в город озлобленной потерями нищей армии. Участь людей, на своей шкуре переживающих восстановление войсками конституционного порядка — терпеть от них грабежи и мародерство. При этом как-то само собой забывается, что Грозный — это русский город, а его население на 80 процентов русское. Грабежи и мародерство достигли такого размаха, что иногда даже складывается впечатление о проведении со всем личным составом «политинформации», отдающей им город на поток и разграбление в случае его взятия. Солдаты заходят в незнакомые им дома, памятуя о следующей инструкции командования: «В подъезд входить вдвоем — сначала граната, потом ты». С помощью гранат на этажах выносятся двери, а вместе с ними электроника, телевизоры, видеотехника и другие вещи, представляющие хоть какую-нибудь ценность.

Военная контрразведка, как утверждают ее офицеры, пытается пресечь наиболее вопиющие случаи

грабежей и мародерства, но признает: за всеми уследить невозможно. И поэтому, хотя на дверях многих квартир в Грозном висят объявления типа: «Квартира ограблена три раза. Просьба не беспокоить.», в городе ожидают очередной волны бесчинств. Так, собственно, и чувствует себя население, спасаемое Россией уже третий месяц подряд. Такова степень радости от наступающего со всех сторон «конституционного правопорядка»...

«При Ростовском окружном госпитале развернут «город мертвых», куда свозят трупы российских военнослужащих, погибших в Чечне. Всего таких палаток на спецтерритории, куда без особого пропуска хода нет, семь. В палатках стоят трехярусные солдатские койки, на которых по нескольку тел на койке сложены трупы. Главная процедура — опознание. Сделать это трудно, а порой — просто невозможно. У одного из мертвых солдат нет рук и половины головы. У другого, с биркой «неопознанный», не осталось почти ничего. Те немногие куски его тела, что удалось собрать, связаны простыней в узелок. А от третьего, по соседству, сохранилось все, кроме головы. Вместо нее лежит что-то круглое вроде мячика из папье-маше. Все тела — голые, цвет кожи — иссиня-красный. Обугленные трупы напоминают древние, высохшие до самых костей мумии. Смотреть на такое без ужаса невозможно.

Именно поэтому матерей, приезжающих в Ростовский окружной военный госпиталь на опознание своих сыновей, в палатки с трупами стараются

не пускать. В «городок», огражденный забором с маскировочной сеткой от остальной территории госпиталя, пропуск, конечно, выписывают; но исключительно тем, чьи погибшие сыновья проходят по спискам Ростовского медицинского отряда особого назначения. Поскольку все госпитальные трупы под номерами, служащие «городка» находят их быстро, и после опознания родными несут на обработку в морг.

Следующий этап — запайка в цинковый гроб... Мать, опознавшая своего сына-пехотинца, сгоревшего в БМП, истерически рыдала. Она не могла себе простить, что отпустила сына на войну. «Надо было ему хоть пальцы отрубить, хоть руку, только бы не взяли служить», — причитала она...

Кроме «городка», существуют еще «вагоны». За железными воротами КПП, у единственной платформы какого-то железнодорожного тупика стоят несколько вагонов-рефрижераторов. Позавчера их было пять, сегодня уже восемь... Весь вагон, кое-где покрытый изнутри ином, был до отказа набит трупами. Они лежали на таких же, как и в «трупном городке» трехъярусных стеллажах, состоящих из брезентовых носилок, и почему-то были слегка присыпаны землей. Во втором вагоне лежали трупы «похуже». Если первые были почти целы, то эти, в большинстве, оказались завернуты в простыни, откуда торчали голые, землистого цвета ступни. На одних брезентовых нарах лежала обутая грудная клетка. Рядом — обгоревший до черноты труп в неестественной позе...

Особенно тяжело всем стало после вскрытия шестого вагона, где на носилках лежали бесформенные куски человеческого мяса. Покрупнее — открытыми, помельче — завязанными в простыни. Открывают восьмой вагон. Все находящиеся в нем трупы завернуты в фольгу... Хоронить всех, кого не опознали, предполагают в Ростове. В братской могиле. Но случится это только после особого распоряжения правительства. А пока все безымянные трупы солдат и офицеров будут храниться в «морозильниках» на тех же железнодорожных путях».

«Промежуточные итоги военной операции выглядят удручающе. За три месяца ожесточенных боев федеральным войскам удалось захватить Наурский, Надтеречный, Щелковский районы, поскольку сопротивление здесь почти не оказывалось, и взять под относительный контроль руины Грозного. Остальная территория республики частично («день — ваш, ночь — наша») или полностью контролируется ополченцами. Российские войска, по разным оценкам, потеряли убитыми около пяти тысяч человек. Среди мирного населения погибло свыше двадцати тысяч человек. Более трехсот тысяч стали беженцами. Шесть населенных пунктов уничтожены полностью, восемьдесят разрушены частично. В ближайшие дни, если ополченцы не прекратят сопротивление, будут полностью разбомблены города Аргун, Самашки, Шали...

С первых же дней чеченской операции стало

ясно, что в российской армии нет ни одной полностью боеготовной дивизии (и даже полка). Никогда еще не было, чтобы военные округа формировали «с нуля» сборные воинские части и отправляли их на войну. Даже элитные Кантемировская и Таманская дивизии собирали офицеров и солдат из разных подразделений. По сведениям их Генштаба, до 60-ти процентов экипажей танков, боевых машин, расчетов формировались по пути в Моздок или непосредственно перед наступлением.

В результате военная операция в Чечне приобрела характер иррационального насилия. Своим распоряжением наносить массированные авиационные и артиллерийские удары по городу министр обороны Грачев сознательно принес в жертву мирное население. Когда активно заработали артиллерийские системы залпового огня «Град», «Ураган» и пр., стало ясно, что потери среди мирных граждан будут исчисляться тысячами.

Военно-воздушным силам России впервые за всю историю их существования была навязана роль карательных войск. Массированные бомбардировки населенных пунктов с применением шариковых, игольчатых и вакуумных бомб запрещены даже в межгосударственных войнах».

«Из собственной квартиры в Грозном выволокли и вывезли в Моздок генерального директора объединения «Ингушводстрой» Амирханова. Держали в неотопливаемом вагоне, в наручниках, без пищи. Избивали дубинками, ногами, кулаками, затягивали

наручники на свежих ранах, требовали признать себя дудаевцем.

Избиты и ограблены омовцами в станице Ассиновской сотрудник ГАИ МВД Ингушетии и начальник ОФСК Сунженского района Чербижиев. Двух неизвестных вместе с Точиевым омовцы вывезли в поле и расстреляли.

По пути домой с работы у села Самашки был схвачен зампрокурора Сунженского района Хидаев. Почти сутки продержали его в промерзшем автобусе, закованным в наручники. На том же посту арестовали добравшегося из дома на службу сотрудника милиции Джамулаева. Его доставили на базу у станицы Ассиновская и зверски избивали, требуя указать место дислокации «ингушских боевиков...»

«По НТВ прокрутили жуткие кадры из военного полевого морга, а накануне генерал Грачев выступил по РТВ с рассказом (не первым) о завершении «уникальной военной операции», проведенной в Чечне под его руководством. Говорил он об этом так, словно она ему удалась. Говорил он это с блудливо-победоносной улыбкой телезрителям, которые как-бы не видели результатов его работы — города-скелета... Ну вот, есть у нас и такой персонаж: может хамить за глаза, может вопреки очевидности, глядя прямо и не мигая в телекамеру, назвать провал успехом...»

«Уже сообщалось о приказе руководства ФМС (Федеральная Миграционная служба) не предостав-

лать беженцам чеченской национальности статус вынужденных переселенцев...

31 января руководство миграционной службы разослало на места телеграмму, корректирующую предыдущую. В ней региональным отделениям ФМС предписывается не регистрировать в качестве вынужденных переселенцев никого из покинувших Чечню, независимо от национальности.

Цель обоих распоряжений ФМС понятна: государство не хочет брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу тысяч бездомных и безработных людей. Власть стремится внушить обществу, что происходящее в Чечне сродни землетрясению, стихийному бедствию, в последствиях которых никто не виновен.

Как стало известно нашему комитету, в лагерях временного размещения сотрудники ФСК проводят с русскими беженцами «беседы» (подчас, отнюдь не добровольные), в ходе которых предлагают подписать бумагу, где говорится, что люди бежали не от бомб российской авиации, а от режима Дудаева.

Подобная политика по отношению оставшихся без крова людям официально объясняется тем, что им будет предоставлена возможность вернуться в Грозный. Однако, большинство беженцев, особенно русских, не хотят, да и не могут возвращаться в Чечню. Выехало же из Чечни более двухсот тысяч лиц русской национальности...»

«Приблизительно с середины января 1995 года чеченский руководитель Джохар Дудаев объявлен

во всероссийский уголовный розыск. В соответствии с традиционной технологией, в такой розыск объявляется всякий тяжкий уголовный преступник, находящийся в бегах. Его фотография и особые приметы помещаются на стенды «Их разыскивает милиция», а органам даются соответствующие ориентировки.

В случае с Джохаром Дудаевым система, казалось бы, должна действовать особо эффективно. Все федеральные силы, стянутые в республику, только и делают, что ловят Дудаева. Армия и внутренние войска при малейших слухах о местонахождении Дудаева немедленно начинают рваться туда в бой.

Сотрудники же контрразведки при этом начинают загадочно подмигивать глазом и щелкать языком, намекая, что дни чеченского лидера сочтены, он окружен, передвижения его контролируются и до поимки остаются чуть ли не считанные часы. Представитель Федеральной Службы контрразведки генерал Михайлов даже намекнул, что чеченский лидер совместными усилиями армии, милиции и ФСК сейчас выводится на место, где его можно будет быстро и эффективно захватить. Однако, по истечении месяца с момента активных всероссийских мероприятий властям удалось захватить лишь 70-летнего старшего брата Джохара Дудаева — Бекмурзу, арестованного в Грозном, где тот работал шофером автобуса...

Самое же любопытное в этой истории то, что

местонахождение Дудаева почему-то является проблемой только для федеральных властей.

2 февраля с Дудаевым непосредственно в Чечне лично встречался Константин Боровой, без особых сложностей договорившийся об этой встрече прямо в Москве с представителями чеченского лидера. Дудаев, таким образом, имеет хорошую связь не только со своими формированиями в республике, но и с самой столицей, до которой даже армия и спецслужбы могут дозвониться из Грозного только при помощи своей спецсвязи.

Мало того, чеченский лидер периодически дает интервью журналистам различных изданий. На днях всероссийский разыскиваемый снялся в передаче тележурналиста Любимова и чуть ли не в течение часа (!) по радио в прямом эфире отвечал на вопросы студентов и преподавателей Гарвардского университета. В чем же, собственно, дело? Как оценивать эффективность и профессионализм родимых силовых структур?

Варианта два: либо, вопреки официальным заявлениям, федеральные власти не хотят разыскивать Дудаева, либо они просто не умеют этого сделать. Даже, если предположить, что у ФСК, МВД и МО вместе взятых, не хватает людей и агентуры, чтобы организовать засады в окрестностях Грозного, то какая-то техника должна у них быть.

Не чеченским же республиканским спутником пользуется Джохар Мусаевич для своих телефонных разговоров и зарубежных выступлений, не

почтовых же голубей он запускает для руководства вооруженными формированиями.

— А нельзя ли попробовать найти президента Чечни при помощи пеленгующих устройств или определить, какими именно спутниковыми каналами он пользуется? — спросили у руководителя Центра общественных связей ФСК генерала Александра Михайлова.

— Это очень непростой вопрос, — ответил генерал».

**«ДЖОХАР ДУДАЕВ:
«ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА
ПРИДЕТ В ВАШИ ДОМА!»**

То, что не удалось ни военной разведке, ни ФСК, ни МВД, сделал наш корреспондент. Он не только разыскал Джохара Дудаева, но и взял у него интервью. «Я не думал, что военные способны на такую жестокость по отношению к населению. От политиков предполагал любое коварство — за четыре года приучили. Но в советской армии всегда были понятия о чести, совести, защите населения, Отечества. Сегодня же совершенно все по-другому. Убийства выдают за героизм, мародерство — за доблесть. И за это раздают ордена. Вчера в больнице видел маленькую девочку. Ей взрывом бомбы оторвало обе ноги. Мать и старшую сестру убило. Какую боевую задачу выполнял тот летчик, когда бомбил мирное население Ведено? Ну, чеченцев

убивают — еще понятно. Но ведь убивают и русских... Разрушают мечети. У пленных офицеров мы находим карты, где мечети крестами отмечены. Но ведь бьют и по церквам, где спрячутся от обстрелов русские старики. То, что армия творит в Чечне, не война, а народоубийство... Главное сейчас — перенос войны на территорию противника. Причем, это движение уже разворачивается стихийно. И отряды смертников создаются сами по себе. Из тех, кто готов на смерть, чтобы отомстить за погибших от бомбежек детей и родителей. У нас есть координаты конкретных виновников гибели тысяч мирных чеченцев...

Не знаю, что задумала Россия, но знаю, что в ее Планах — полное уничтожение чеченского народа. Это государственная программа. Вы, россияне, больны руссизмом. Это страшнее, чем фашизм. Только время вылечит вас...

В Чечне война. Война имеет свои правила и законы, а вы их не освоили и будете расхлебывать последствия своей агрессии в Чечне и в Абхазии, и в Грузии, и в Нагорном Карабахе, и в Азербайджане, и в Молдове, и в Прибалтике, и в Таджикистане, где вы залили кровью все! Весь мир увидел, что Россия и русские опасны. Русские не способны к управлению страной без тоталитарных режимов. Штык, смерть, кровь и страх — вот что Россия может нести.»

«74-летняя Евгения Федоровна и ее муж, 83-летний Александр Георгиевич, бежали из Грозного

в конце января. До этого супруги около месяца просидели в подвале, спасаясь от российских бомб и снарядов. «Когда пришли солдаты, и мы, наконец, вылезли из подвалов, они очень удивлялись: «Нам говорили, что в городе нет ни одного русского!» На самом же деле все было наоборот: как только начались первые бомбежки, чеченцы отправились к своим родственникам в села, нам же уезжать было некуда. В городе остались русские и боевики. Вошедших в город солдат нам было очень жалко. По виду они были совсем дети — это уже потом появились эти здоровенные, вечно пьяные контрактники. Солдатики были плохо одетые и очень голодные. Моя дочь развела во дворе костер и стала печь им оладьи — они набрасывались на еду, как зверьки», — вспоминает Евгения Федоровна.

Иногда Евгения Федоровна ходит в церковь. Православный храм Святого Архангела Михаила — один на весь город. Собственно, самого собора уже нет. От церкви остался остов. 7 января под шквальным огнем здесь справляли Рождество. Среди местных русских даже было распространено поверье, что церковь «заговорена» от «христианских снарядов», поэтому, когда было особенно страшно, народ собирался в храме. Увы, в конце января церковная колокольня была снесена шквальным огнем. Настоятель храма, отец Анатолий, не боясь ни пуль, ни снарядов, не раз пробирался к окруженным русским солдатам, уговаривая их прекратить бессмысленное кровопролитие. Чеченцы

дали священнику слово, что отпустят солдат домой, к матерям.

«Верующий человек никогда бы не сделал этого ужаса, — говорит отец Анатолий. — При Дудаеве жизнь русских не была легкой. Но, конечно, сейчас нам не стало лучше. Насилие и кровь невинных людей не может породить добро. Мне особенно жалко наших русских старушек, когда я вижу, что эти пережившие ужас войны, чудом спасшиеся бабушки стоят на перекрестках и просят милостыню, чтобы купить себе хлеб, мне становится страшно».

«Истинные масштабы трагедии, разыгравшейся в чеченском селе Самашки, откроются, скорее всего, спустя некоторое время. Но уже сейчас ясно: Самашки можно ставить в один скорбный ряд с Лидице, Хатынью и Сонгби...

С самого начала войны в Чечне Самашки были как кость в горле у российского командования. Село расположено в десяти километрах от условной чечено-ингушской границы, через него проходит автотрасса Ростов-Баку и железная дорога.

Победное шествие федеральных войск прервалось, едва успев начаться: жители Самашек категорически отказались пропустить танковые колонны. Тогда войска обогнули село с севера, и оно оказалось в полублокаде — свободной осталась только дорога на юг, в сторону райцентра Ачхой-Мартан.

Всю зиму российскому командованию было не

до Самашек: шли тяжелые бои за Грозный... К 6 апреля обстановка вокруг села накалилась до предела: с южной стороны подошла группировка Шамиля Басаева, а федеральное командование перебросило сюда сводный отряд ОМОНа, внутренние войска, около 100 единиц артиллерии и предъявило последний ультиматум, согласно которому село должны были покинуть все боевики, а жители должны были сдать 264 автомата, 3 пулемета и 2 БТРа.

Совет старейшин решил выполнить эти условия — Басаева в село не пустил, а около 70 ополченцев ушли в сторону Сунженского хребта. В тот день в Самашках осталось только четыре вооруженных человека. Срок ультиматума истек к 9 часам утра 7 апреля, но уже в ночь с 6 на 7 апреля по незащищенному селу был открыт артиллерийский огонь, а в 5 часов утра нанесла удар авиация. Среди местных жителей началась паника. Утром 7 апреля около 300 самашкинцев покинули село. В 10 часов переговоры были продолжены, но ни к чему не привели, потому что жители не смогли сдать требуемого количества оружия, которого у них не было. В 14 часов командующий группировкой «Запад» генерал Литяков повторил ультиматум, а к вечеру российские части ворвались в село.

«Чистка села» продолжалась четыре дня, в течение которых в село не пропускали ни прессу, ни представителей Красного креста. То, что в эти дни творилось в Самашках, имеет одно определе-

ние — геноцид. В Самашках за один день 8 апреля погибли сотни чеченцев. Бесчинства начались сразу же после входа в село. Расправа над невинными людьми была скорой и страшной. «Подозрительные» дома сначала забрасывались гранатами, а затем «обрабатывались» огнеметами «Шмель». На глазах у местной жительницы Янист Бисултановой застрелили старика, когда он молил о пощаде и показывал на свои орденские планки. У Руслана В. убили 90-летнего тестя, который в свое время участвовал в освобождении Бухареста и Софии... Во время «чистки» примерно 40 сельчан бежали в лес и пытались там отсидеться. Однако, по лесу ударила артиллерия. Под артиллерийским огнем почти все они погибли...

Только по данным на 16 апреля на сельском кладбище вырыто 211 свежих могил, и с каждым днем их прибавляется. Многие самашкинцы похоронены в других местах... Весть о трагедии Самашек разнеслась по всей Чечне и Ингушетии. «Усмирение» Самашек сыграло на руку дудаевцам в разжигании антирусских настроений. Недавно чеченский президент выступал по подпольному телевидению и выразил уверенность в том, что чеченцы запомнят урок Самашек. Можно не сомневаться, что так и будет.»

«Аминат Гунашева (жительница Самашек):
«17 мая, когда мы стояли в пикете возле Госдумы, из подъезда вышел Станислав Говорухин, узнал нас и убежал. Струсил. Когда он был в Самашках,

то видел и наши братские могилы, и сожженные дома. Люди тогда подходили к нему, подносили останки своих близких — кто пепел, кто кости... Федеральные войска стояли возле Самашек с января этого года. И все эти месяцы мы каждый день ожидали начала штурма...

Утром 7 апреля русские командиры сказали, что если до 16 часов мы не сдадим им 286 автоматов, то начнется штурм поселка. Взять оружие было неоткуда, потому что в тот самый день все бойцы ушли из Самашек. Их уговорили старики. Командиры твердо обещали, что если из села уйдут все вооруженные защитники, то войска в него не войдут... На собрании народ решил резать скот, продавать мясо и на вырученные деньги покупать автоматы у российских военных. Знаете, откуда к чеченцам при полной блокаде с земли и с воздуха поступает оружие? Мы покупаем его у русских интендантов и меняем на еду у вечно голодных солдат срочной службы. Часто боевую гранату отдают за буханку хлеба. Но в тот день положение было безвыходным. Мы никак не могли успеть так скоро достать требуемое. Попросили неделю. Но, очевидно, ультиматум был только предлогом, потому что никто не стал ждать даже обещанных 16 часов. Все началось на два часа раньше...

... Мы сидели, ожидая своей участи. Убежать не могли — боялись, что раненый ранее дядя истечет кровью. Слышим, как открывают ворота, как въезжает БТР, как бросают гранату в пустой подвал. Вошли в комнату. Их было 18-20 человек.

На вид трезвые, только глаза будто остекленевшие. Увидели дядю: «Когда ранило? Где автомат? Где духи?» Раиса бросилась к пришедшим: «Не убивайте, никого в доме нет, автоматов нет, папа тяжело ранен. У вас же тоже есть отец?» «У нас приказ убивать всех от 14 до 65 лет», — заорали пришедшие и стали опрокидывать ногами ведра с водой. А мы уже знали, что это значит: теперь непременно сожгут, а воду вылили, чтобы нечем было тушить. Омоновцы вышли из комнаты. Бросили в дверь гранату. Раису ранило. Она стонала. Я слышала, как кто-то спросил: «Что?» Рядом ответили: «Баба еще жива». Это про Раису. После этих слов — два выстрела из огнемёта. Я почему-то не могла заставить себя закрыть глаза. Знала, что сейчас убьют, и хотела только одного — умереть сразу, без боли. Но они ушли. Я оглянулась — Раиса мертва, дядя тоже, а Ася жива. Мы с ней лежали, боясь пошевелиться. Горел трельяж, занавес, линолиум, пластмассовые ведра. Нас оставили жить по ошибке, приняв за мертвых...

Я подошла к школе. Там женщины вынимали из петли нескольких повешенных мальчиков. На вид 1-3 класса. Дети от ужаса выбежали из здания. Их поймали и удушили на проволоке. Глаза вылезли из орбит, лица распухли и стали неузнаваемы. Рядом была куча сторевших костей, останки еще, примерно, 30 школьников. По словам очевидцев, их также повесили, а потом сожгли из огнемёта. На стене чем-то бурым было написано: «Музейный экспонат — будущее Чечни». И еще: «Рус-

ский медведь проснулся». Больше я никуда идти не могла. Вернулась домой. От дома остались только стены. Остальное сгорело. Мы с Асей собрали в клеенку и газетную бумагу пепел и кости дяди Насрейдина и Раисы. Дядя прожил 47 лет, а Раисе в июле должно было исполниться 23.

Мы приехали в Москву не только для того, чтобы донести до вас боль нашего народа, мы хотели, прежде всего, напомнить об убитых солдатах. Нам дико смотреть, как их тела вывозят на вертолетах в горы и там сбрасывают на растерзание диким зверям, как трупы разлагаются в озере ядовитых отходов химкомбината (между Грозным и 1-ым молочным заводом), сваливаются в силосные ямы.

... Во время пикета у здания Думы оттуда выскочила пожилая, прилично одетая дама. Она смеялась над нами, показывала язык, корчила рожи. Ее поддержали какие-то мужчины. Они плевали в нас жвачкой...

Я хочу, чтобы все знали: да, нам невыносимо жалко наших погибших, но нам жаль и Россию. Что будет, когда убийцы, насильники и наркоманы, бесчинствующие сегодня на нашей земле, вернуться на родину? И еще я не понимаю, как вы можете жить, зная, что сейчас ваши военные живьем сжигают из огнеметов наших детей? На глазах у родителей давят ребенка БТРом и кричат матери: «Смотри, б....., не отворачивайся!» Как вы после этого глядите в глаза своим матерям, своим женам, своим детям?»

«Случилось это 31 января, — рассказывает прапорщик Эдуард Шахбазов. — Я сидел в засаде, когда увидел бегущего к нам низкорослого чеченца. Взял курок автомата, прицелился. Но, присмотревшись, увидел совсем мальчишку и невольно опустил автомат. До нашего БМП ему оставалось метров 15, когда раздался крик: «Аллах акбар!» и раздался страшный взрыв. Мальчишку разорвало на куски, ранило троих моих солдат и подбило наш БМП. Взрывной волной меня свалило на землю. Вскочив, я увидел бегущих к нашим боевым машинам еще около десятка подростков — живые снаряды...»

«Российские летчики наглядно продемонстрировали свое умение наносить точечные удары. Вчера при бомбардировке горного селения Ведено прямым попаданием авиабомбы разрушен дом командующего Южным фронтом дудаевских незаконных формирований Шамиля Басаева».

Сообщение, переданное в с е м и средствами массовой информации 1 июня 1995 года. В сообщении не говорилось ничего о том, что в разрушенном «точечным» попаданием доме погибли 11 родственников Шамиля Басаева.

Глава 3

СЕКУНДА ДЛЯ ДЕТОНАТОРА

*Аллаверды — Господь с тобою,—
Вот слова смысл, и с ним не раз
Вставал и шел, готовый к бою,
Разбуженный войной Кавказ.*

Из песни, родившейся 150 лет
назад во время Кавказской войны.

Ранние ноябрьские сумерки уже сгущались над Москвой, когда старинные бронзовые часы, стоявшие в Овальном кабинете Белого Дома в Вашингтоне пробили час пополудни. Часы стояли здесь со времен президента Кулиджа и не так давно попали в газеты, когда президент Рейган перекрутил на них пружину и пришлось истратить 456 долларов из карманов налогоплательщиков, чтобы их починить. Именно с боем часов двери Овального кабинета открылись, пропуская членов Совета Национальной Безопасности при президенте Соединенных Штатов Америки. Короткие рукопожатия и приветствия, прерываемые удивлёнными репликами президента Клинтона, просматривающего

какие-то документы. Среди присутствующих были: государственный секретарь Кристофер, министр Обороны Пери, председатель Объединённого комитета Начальников Штабов генерал Шарикошвили и один из заместителей директора ЦРУ Макридж.

На лице президента Клинтон играла его обычная застенчивая улыбка. В молодости он уклонялся от военной службы, чтобы не быть отправленным во Вьетнам, а ныне вся глобальная мощь вооружённых сил США была в его руках как Верховного главнокомандующего.

— Джон, — обратился президент к генералу Шарикошвили. — Вы достали необходимые карты? Я хочу разобраться, где находится та провинция России, где называют какие-то неприятные события.

Генерал подал дискету и на экране компьютера возникла карта, явно снятая с экрана телевизора какой-то из программ московских новостей, поскольку наряду с грубой географической схемой на изображении виднелись какие-то буквы маркировки телеканала.

— Это всё, что вы могли отыскать? — изумлённо спросил Клинтон.

— У нас есть ещё спутниковые фотографии этой местности, так как Советский Союз сосредоточил здесь когда-то несколько ракетных баз, — ответил генерал, — но я полагал, сэр, что вы хотите просто понять, где эта местность находится. А по спутниковым фотографиям это сделать достаточно сложно. Немного слева — на схеме этого не

видно — начинается Черное море, а немного правее (тоже не видно) — Каспийское море. Вот эта часть, отмеченная зеленым цветом, и есть Чечня. Севернее — уже собственно Россия, а южнее — Грузия, моя дорогая прародина (генерал Шарикошвили происходил из знатного грузинского рода, бежавшего на запад после революции 1917 года в России).

— Чечня, — по слогам повторил президент, делая ударение на последний слог.

Генерал нажал клавишу и схема исчезла, уступив экран более мелкому изображению, где в орнаменте Черного и Каспийского морей предстал весь Кавказский перешеек с маленькой красной точкой на нём, отмечающей местонахождение Чечни.

— Боже милосердный! — воскликнул Клинтон. — Они даже меньше Израиля!

— Боюсь, что именно так, господин президент, — подтвердил генерал. — И эта территория находится в состоянии открытого мятежа против Москвы уже в течение нескольких лет. Кремль собирается навести там порядок и уже собрал вокруг войск не меньше, чем перед вторжением в Афганистан. Мы получаем постоянную информацию со спутников и не только со спутников. Москва готовит крупную военную операцию.

— Они совершенно рехнулись, — вздохнул секретарь Кристофер, — в своём маниакальном стремлении любым способом подтвердить былое

величие, рухнувшее вместе с Советским Союзом. И уже не думают о последствиях...

— Что вы хотите сказать? — не понял Клинтон.

На худом измождённом лице госсекретаря появилось подобие улыбки:

— Афганистан стал тем детонатором взрыва, который разнёс СССР. Эта авантюра может послужить детонатором взрыва оставшейся части России.

— Вы преувеличиваете, Уоррен, — покачал головой президент, — Афганистан имел общую границу с Пакистаном, через которую шла помощь чуть ли не со всего мира. А здесь?

— Если вы мне позволите, сэр? — вступил в разговор Макридж из ЦРУ.

— Разумеется, Майк, — кивнул Клинтон. — Говорите.

— У Чечни, — сказал представитель ЦРУ, — общая граница с Россией. Через неё она получает больше помощи, чем Афганистан через границу с Пакистаном. Это будет война, господин президент, в которой на территории Чечни *ОДНА ЧАСТЬ РОССИИ БУДЕТ ВОЕВАТЬ С ДРУГОЙ*. Как в старые времена, когда для выяснения отношений между феодальными кланами выбиралась какая-нибудь отдалённая территория. Я, конечно, утрирую, сэр. Но именно в этом и заключается суть проблемы.

— Может быть, — неуверенно начал президент. — Нам следует сделать какое-нибудь заявление, чтобы остановить всё это безумие...

— Только не сейчас, — предостерегающе под-

нял палец Макридж. — Это может их вспугнуть. Нас это вообще не должно никак касаться.

— В Москве у Пиккеринга уже пытались выяснить, как мы ко всему этому отнесёмся, — вставил Кристофер.

— И что он ответил? — встревожился президент.

— Пиккеринг уже не первый год работает в странах третьего мира, — пожал плечами госсекретарь. — Он, естественно, ответил, что это внутреннее дело России.

— Слава Богу! — успокоился президент. — Это же их территория. Не правда ли? — Клинтон повернулся к представителю ЦРУ. — Как вы думаете, Майк, сколько это всё займет у Ельцина времени?

— По нашим сведениям, — ответил Макридж, — в Москве планируют всё закончить за 10 дней. В худшем случае — за две недели. Но я думаю, господин президент, что всё это продлится гораздо дольше. Много дольше, сэр. **ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ В ДВЕ НЕДЕЛИ. НИКОГДА. А ТЕМ БОЛЕЕ В РОССИИ.** Я позволю себе повторить наш вывод. Это будет не война в Чечне, а война на территории Чечни одной части России с другой, мечтающей о реставрации былого величия. И закончится некоторой предварительной стабилизацией южного фронта, который ещё значительное время будет иметь тенденцию к изменению. Главным образом, в северном направлении. Вы понимаете о чем я говорю, джентльмены...

1 декабря в 6 часов утра истёк срок ультиматума, предъявленного генералу Дудаеву. Дудаев заявил о своей готовности к переговорам с президентом Ельциным. Разумеется, его никто не услышал. Все, затаив дыхание, ждали вторжения. Но Кремль молчал. А газеты хором отмечали 60-ю годовщину со дня убийства Кирова, обсасывая старые и выдвигая новые версии, включая и ту, что первый секретарь Ленинградского обкома застрелился сам от чувства вины перед товарищем Сталиным.

Лидера партии «Выбор России» Егора Гайдара очень беспокоили перспективы будущих выборов. «Если мы проиграем будущие выборы, — мудро изрёк Гайдар, — то продолжим свои дискуссии в концлагере, если победители не предпочтут массовых расстрелов».

Его коллега по партии, председатель думского комитета по обороне Сергей Юшенков находился в Грозном, где был принят генералом Дудаевым. На осторожный вопрос Юшенкова, как президент Ичкерии относится к обещанию Кремля ввести на территории республики чрезвычайное положение, генерал улыбнулся и ответил, что Ельцину бы следовало беспокоиться о том, когда он, Дудаев, объявит чрезвычайное положение по всей России. Дудаев был явно в хорошем настроении, а потому пожаловал Юшенкова двумя русскими пленными по фамилии Дроздов и Прокопов. Оба совсем недавно служили в прославленной Таманской дивизии и без секунды колебаний рассказали слетевшимся

журналистам, как сотрудники ФСК вербовали их для какой-то таинственной «наставнической деятельности» на разных окраинах бывшей империи.

В 14:10 и 15:40 снова налетели «неопознанные самолёты». Их было около десятка и на этот раз они явно нацелились разбомбить дом, где жила семья генерала Дудаева.

В разгар бомбардировки пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков озвучил заявление о том, что «Президент приступил к комплексным мерам с целью восстановления конституционного права на территории Чечни».

Из Чечни же совсем некстати пришло известие о том, что за каждую новую бомбардировку Грозного будет повешен один русский пленный. Тут забеспокоился даже министр обороны Грачёв и не придумал ничего лучше, как позвонить в Грозный Юшенкову, прося не допустить публичной казни военнослужащих. Удивлённый Юшенков ответил, что ему вообще ничего об этом не известно.

Чуть позже ФСК, видимо, чтобы восстановить своё пошатнувшееся реноме с вербовкой офицеров и солдат на кавказскую войну, сделало заявление, которое на фоне надвигающихся событий почти никто не услышал. Оказывается, продолжая следствие по делу об убийстве журналиста Дмитрия Холодова, контрразведка вышла на неназванного сотрудника ГРУ, видимо, кладовщика. У него обнаружена недостача нескольких тысяч специальных взрывателей к особым «диверсионным» минам.

Никто этого не услышал, поскольку по Москве уже шёл устойчивый слух о предстоящем обмене 50-тысячных купюр. Несмотря на заверения Центробанка о нелепости подобных слухов, опытные жители, естественно, не верили ни одному сказанному властями слову, а магазины и ларьки немедленно прекратили приём указанных купюр.

А вице-адмирал из КГБ Жередевский в окружении Кургиняна, Борового и каких-то юных девиц рассказывал на ночь обывателям, включившим первую программу телевидения, о кознях ЦРУ против СССР и России.

2 декабря на торгах Московской Межбанковской валютной биржи курс доллара США достиг 3262-х рублей. Чуть позднее группа вооружённых лиц в масках и камуфляже оцепила здание столичной мэрии и пыталась прорваться в помещение банка «Мост», предварительно уложив носом в мокрый снег охранников банка. Дюжий молодец в маске и с автоматом в руках в центре Москвы степенно бил сапогом в промежность лежащих ничком на мокром асфальте охранников, как выяснилось позднее, за не совсем приличные высказывания в свой адрес.

По вызову президента банка «Мост» Гусинского к зданию мэрии, мигая синими огнями и завывая сиренами, подлетели машины МВД и ФСК. Группа захвата ФСК ринулась на неизвестных в масках и в нерешительности остановилась. Те предъявили удостоверения, говорящие о том, что налётчики

представляют службу безопасности Президента России. Другими словами, являются подчинёнными генерала Коржакова.

Минут через 10 все разъехались, а ещё через полчаса был снят с должности начальник управления ФСК по Москве и Московской области генерал Савостьянов. Снять его мог только Президент, что он и сделал.

Столица вся гудела, обсуждая небывалое происшествие. Говорили разное, что мол Гусинский не слишком быстро выделил 100 миллиардов рублей, которые требовались для реставрации охотничьих угодий президента Ельцина в Завидове, и что началась открытая война между всесильным фаворитом-временщиком Коржаковым и мэром столицы Юрием Лужковым, который якобы метит в президенты России. Другие уверяли, что Коржаков и Лужков, будучи соседями по дачам, не поделили какую-то делянку и таким образом выясняют отношения.

Сам же Коржаков, согласившийся дать интервью, улыбаясь, заявил, что его любимым занятием является охота на гусей. Президент банка «Мост» Гусинский сразу понял намёк и укатил в Лондон.

На фоне столь явно выплеснувшейся на общественность «большой политики», когда в центре Москвы началась разборка не каких-то там безликих криминальных группировок, а мощных феодальных кланов Царства Российского, как-то померкли сообщения из Чечни. В частности, известие о том,

что в ходе вчерашних воздушных налётов на Грозный 4 человека были убиты и 9 ранены.

Попутно выяснилось, что в руки Дудаева попали 120 российских военнослужащих, а не 70, как сообщалось ранее. Как брошенные дети они демонстрировали свои личные знаки, подтверждающие, что являются военнослужащими армии великой державы. Выяснилось, кстати, что среди них находится капитан Андрей Русаков, известный журналистам ещё по штурму Белого Дома в октябре 1993 года. Капитан Русаков охотно поведал, как его завербовали через Особый отдел, пообещав выплатить 150 миллионов семье в случае гибели.

Газеты отмечали, что в России берут верх дурные традиции, безответственность и некомпетентность. «Русские солдаты—наёмники гибнут и томятся в плену ради того, чтобы привести к власти авантюриста Хасбулатова и уголовника Лабазанова».

Тут же откликнулась ФСК, несмотря на царивший в конторе скандал и переполох, в связи с отстранением от должности генерала Савостьянова. Руководитель ЦОС генерал Михайлов, покусывая губы, категорически опроверг какую-либо причастность его ведомства к захваченным в Грозном российским военнослужащим и, кстати, выразил недоумение по поводу того, что их называют «наёмниками».

«Они воюют, — пояснил генерал, — на территории России и за её интересы и их следует называть не «наёмники», а «добровольцы». Никто

принципиально не возражал. Все только задавали вопрос: почему Россия, за интересы которой воюют в Чечне солдаты, так упорно от них отказывается? В то же время и. о. генерального прокурора России Ильюшенко отчитался перед общественностью по поводу помещённой в газете «Московский Комсомолец» статьи «Паша-Мерседес», где имя министра Павла Грачёва напрямую связывалось с убийством Дмитрия Холодова, а заодно говорилось о пристрастии генерала армии к дорогим «иномаркам», каковых у него было шесть и все «Мерседесы».

И. о. генпрокурора пояснил, что «Мерседесы» были приобретены генералом для служебных нужд с разрешения президента Ельцина, а такого понятия как «коррупция» в российском законодательстве просто нет. И призвал «приструнить прессу».

А на Грозный продолжают падать бомбы с «самолётов оппозиции». Думские депутаты Юшенков и Памфилова, прибывшие в Грозный за русскими солдатами, сидя в бомбоубежище, заявили, что Грозный бомбят «безусловно российские самолёты» и призвали Ельцина прекратить этот фарс.

Сам же Ельцин в это время вручал кресты инвалидам — участникам марафонского забега на колясках. Президент был в прекрасном настроении, шутил и смёялся. Генерал же Коржаков, напротив, был мрачен. Время шло, а от Ельцина не только невозможно было добиться приказа к выступлению,

но даже выбрать время, чтобы зачитать ему аналитическую записку, над которой его люди трудились два последних квартала, указав единственный возможный путь вывода страны из хаоса и сетей сионистского заговора. Вчера Президент полдня проболтал с Алевтиной Федуловой — бывшей главной «пионеркой» СССР, а ныне главой фракции «Женщины России» в Думе, сегодня — инвалидам ордена вручает. Нет, всё это, конечно, полезно, но нужно подумать и о спасении Отечества и начать наконец «настоящую охоту на гусей».

Генерала Коржакова, порой, просто поражала непоследовательность Президента. Как Иван Грозный — неделю убивает, неделю кается. Над этим ещё товарищ Сталин посмеивался. Над непоследовательностью. Уж больно охмурили Бориса Николаевича в своё время эти, извините за выражение, демократы. В 9-м управлении КГБ, где Коржаков начинал свою опасную службу, такое охмурение совершенно справедливо называли «идеологической интоксикацией». Пришлось влить в Бориса Николаевича мощное противоядие.

Как-то недавно художник Илья Глазунов — один из немногих, по мнению Коржакова, по-настоящему талантливых русских художников — написал большую картину, на которой был изображён православный человек, голый по пояс, но в военных бриджах и сапогах, вздымающий к небесам не крест, но автомат Калашникова. А на пряжке у него, как у гитлеровских солдат (правда, по-русски)

начертано: «С нами Бог!» Картина называлась «Проснись, Россия!» Выставленная в Манеже эта картина вызвала много шума. Особенно это — «С нами Бог». Пряжки солдат вермахта ещё у очень многих были в памяти. Кто-то что-то напел Ельцину о «фашизации искусства» и он так разгневался, что чуть было не приказал турнуть Глазунова из российских академиков.

Но, паря веничком Президента в баньке, Коржаков проникновенно объяснил ему своими словами, как об Россию-матушку ноги ныне вытирают все, кому не лень. Эстонцы и латыши, чеченцы и просто черные. А Россия одна единешенькая без рубахи нательной стоит, но с автоматом и на Бога уповаает.

Аж прослезился Борис Николаевич. Сам в Манеж на следующий день лично пожаловал. Глазунов, как увидел Президента, весь затрепетал, решил видно, что настал его конец. Картина Ельцину понравилась. Это был как раз его уровень понимания искусства. Глазунов сбивчиво начал было объяснять, что он, собственно, хотел выразить в своём призыве «Проснись, Россия!», но Ельцин его прервал.

Из вчерашних объяснений запомнил Президент почему-то только про эстонцев, как они у себя права русского населения нарушают. А потому и сказал: «Эстонцы, понимаешь, закон свой о гражданстве приняли...»

«Вот, вот, — согласно закивал головой художник. — Я вот именно это и хотел показать, Борис Николаевич».

Президент пожаловал Глазунова поцелуем и обещанием, что вскоре Россия проснётся. После чего удалился.

Это была очередная оплеуха, которую Президент публично закатил своей любимой «демократической общественности», что-то там кричащей о фашистской угрозе и реставрации тоталитаризма. С этими претензиями демократы почему-то постоянно апеллировали именно к Президенту и, надо сказать, что он их временами милостиво выслушивал. Послушал он как-то, что в Петербурге ФСК заправляет некий Черкесов, прославившийся в коммунистические времена яростным преследованием всех инакомыслящих, чьё имя даже стало нарицательным в городе на Неве. Поахал Президент вместе с «демократической интеллигенцией», а через пару недель подписал указ о производстве того самого Черкесова в генерал-лейтенанты. Или, скажем, чего только «демократы» не говорили Президенту о губернаторе Приморья Наздратенко: что клейма на нём ставить негде, что творит он в крае такой произвол, что его даже тоталитарным назвать нельзя. Даже в восточных деспотиях древности больше было законности. Вызвал Ельцин Наздратенко в Москву и сам вручил губернатору орден «За личное мужество».

Бывали, правда, и обратные случаи.

Уж сколько раз генерал Коржаков подсказывал Президенту, что пора уже давно разогнать так называемое «Управление по правам человека при

Президенте России», возглавляемое бывшим полitzэком Сергеем Ковалёвым, находящемся на службе у международного сионизма. Президент выслушивал благосклонно, но управление всё не разгонял.

Сергея Ковалёва, правда, к особе своей допускать перестал. И то хорошо.

А потому не без оснований боялся генерал Коржаков, что охмурят Президента снова и пойдёт он на переговоры с Дудаевым, дабы мирно решить чеченскую проблему и снова опозорит на весь мир Россию, вынужденную договариваться с бандитами вместо того, чтобы их уничтожить. Пока, правда, иногда с трудом, удавалось делать всё, чтобы ничего подобного не произошло, перекрыв всем «жидовствующим» вообще дорогу к главе государства.

«Откройте огонь и вы объедините нацию!» — мудро заметил кто-то из великих прошлого. Но нацию нужно подготовить к открытию огня, чтобы она сама этого жаждала.

В недрах ФСК и МВД обдумывали всевозможные варианты. Например, организовать взрыв чеченцами какого-нибудь объекта «повышенной опасности». Нет, подобный вариант бумерангом ударит по самим «органам»: почему допустили? Кроме того, вместо «объединения нации» может вызвать неконтролируемую панику среди населения. Лучше, скажем, выглядит захват чеченцами в Москве «детского садика» или «автобуса с мирными жителями».

Но стоило провести генералу Коржакову? одно совещание с ответственными работниками на эту тему, как весь план на следующий день попал в газеты. Работать было совершенно невозможно!

Между тем, из Чечни вернулись депутаты Юшенков и Памфилова, привезя с собой двух российских пленных, пожалованных Дудаевым: лейтенанта Дмитрия Вольфовича и рядового Александра Данилова. Лейтенант Вольфович служил в элитной Кантемировской дивизии и был завербован сотрудниками ФСК в Чечню за 6 миллионов рублей со специальными дополнительными выплатами в случае ранения или гибели.

Узнав об этом, командир Кантемировской дивизии генерал Поляков демонстративно подал в отставку. Как русский офицер он был возмущён, что ФСК за его спиной вербует куда-то его подчинённых. Однако благородный жест генерала не вызвал никакого общественного резонанса.

Гораздо больший интерес вызвало сообщение о том, что командующий 14-й российской армией знаменитый генерал Лебедь разоблачил и поймал бывшего майора КГБ, а ныне ФСК Будника, собиравшего на него компромат. Напившийся до бесчувствия контрразведчик потерял служебное удостоверение и был «сдан» собственным секретным источником по кличке «Ромашка».

В тот же день был опубликован указ президента Ельцина, повелевавший изучать в школах Конституцию Российской Федерации.

Бывший вице-президент Рущкой, недавно выпущенный по амнистии из тюрьмы, неожиданно объявившись в Кемерово, поклялся, что когда он станет президентом, «всё нынешнее правительство во главе с Ельциным отправится на скамью подсудимых».

В Чечне же русские пленные, ожидая решения своей судьбы, занимались ремонтом своих бывших танков, захваченных Дудаевым.

Сдав привезённых пленных, полковник Юшенков заявил, что сам видел в Моздоке самолёты и вертолёты с закрашенными опознавательными знаками и потребовал привлечения к уголовной ответственности всех причастных к этой аванюре. Юшенков продемонстрировал кассету с показаниями сбитого чеченцами лётчика, где он признавался, что работал лётчиком-испытателем на самолёторемонтном заводе под Ставрополем и был завербован ФСК за 10 миллионов рублей плюс гробовые.

Параллельно с Юшенковым собрал журналистов и председатель госкомпечати Грызунов, слывший либералом из АПН.

Грызунов разъяснил журналистам, что нынешние отношения с Чечней развиваются на двух уровнях: силовом и политическом. Он признал, что три мощных военных группировки, развернутые по периметру чеченских границ, будут приведены в действие, когда будут исчерпаны все варианты компромиссов. Из всех компромиссов, которые пока предлагались Чечне, было предложение о безоговорочной капитуляции и разоружении.

Москва всячески подчёркивала, что это единственная тема, которую она готова обсуждать с генералом Дудаевым.

В конце своего выступления Грызунов неожиданно обвинил Дудаева в трусости, поскольку тот собирается воевать не сам, а посредством своего народа. Можно было подумать, слушая Грызунова, что Ельцин уже несколько раз предлагал Дудаеву решить дело поединком, а тот посылал вместо себя «свой народ». От ответа на вопрос: существуют ли какие-нибудь другие способы ведения войны, как «не посредством собственного народа», Грызунов уклонился.

На следующий день, 4 декабря, в Москве объявился сам миротворец Хасбулатов, чудом унесший ноги из Чечни вместе со своими сообщниками. С бывшего «спикера» всё было, как с гуся вода. Не моргнув глазом, он заявил, что его миссия в качестве «миротворца» закончена. «Россия вводит войска в Чечню, и я не могу больше контролировать ситуацию». И мгновенно исчез.

Не будем судить его строго, а лишь вспомним, что Хасбулатов принадлежит тоже к тому же гордому и непокорённому народу, который называют чеченским. Ещё великий русский генерал — либерал Ермолов — человек умный и наблюдательный, изрёк: «Чеченцы не подлежат перевоспитанию. Их нужно истреблять».

Грудным ребёнком в феврале 1944 года Руслан Хасбулатов в нетопленной теплушке товарного вагона ехал на руках у рыдающей матери в Северный

Казахстан навстречу неизвестности. Мать, отогревающая своим теплом шестимесячного Руслана, рыдала потому, что уже от холода, голода и издевательств конвоя погибли её муж и отец.

Если чудом уцелевший и выросший Руслан, как и положено в традициях его народа, поклялся отомстить за унижение своей страны, своего народа и своей семьи, то, право, он вполне мог чувствовать себя великим триумфатором.

Все помнят, с какой мощной энергией великого дрессировщика, за малым не шелкая бичом, он управлял куклами и манекенами на арене, именуемой Верховным Советом России. Насколько близок он уже был к верховной власти. С какой легкостью он навсегда опозорил Россию, вынудив её открыть огонь из танков и БТРов в собственной столице, когда горел Дом правительства, мэрия, Останкино, сыпались стёкла из витрин и окон «столицы мира» и трупы валялись на улицах.

Вернувшись из тюрьмы на волне непримиримых социально-политических противоречий, бушующих в России, он в кратчайший срок простыми и бесхитростными методами втравил Россию в позорную и неверную колониальную авантюру, отомстив сразу и России, и Чечне за то, что ни там, ни тут ему не нашлось достойного места.

Пусть это только наши предположения, но их необходимо иметь в виду при оценке целой череды событий, неумолимо ведущих нашу страну по пути в преисподнюю...

В то время, как Хасбулатов вернулся в Москву, чтобы оттуда наблюдать за продолжением своей миротворческой миссии, в Грозный вылетел Владимир Жириновский, который последовательностью собственных взглядов мог бы посоперничать с самим президентом Ельциным.

Ещё вчера главный «либерал» России, брызгая, по своему обыкновению, слюной, истерически орал, что нечего депутатам ездить к Дудаеву и выкупать у него русских солдат как баранов на базаре. Но, видимо, переубеждённый мудрыми советниками, решил, что неплохо будет заработать небольшой политический капитал на совместной глупости отечественных спецслужб, правительства и министерства обороны.

Жириновский собрался в Грозный, а Президент улетел в Будапешт, настроенный крайне воинственно. Все гороскопы, представленные ему астрологическим отделом Службы Безопасности, говорили о том, что именно декабрь 1994 года по состоянию солнца, луны и планет является тем ключевым месяцем второй половины века, когда предпринятые решительные шаги автоматически вернут России статус великой державы и вознесут её даже выше покойного Советского Союза на страх врагам, как внешним, имя которым легион, и внутренним, каковых ещё больше. Президент был настроен воинственно. Пригрозив западу заменить холодную войну холодным миром, Ельцин в самой резкой форме высказался против планов вступления бывших сателлитов СССР по рассу-

павшемуся Варшавскому пакту в НАТО и, наконец, напомнил, что Россия хотела бы побыстрее получить те шесть миллиардов долларов, которые ей пообещал Международный валютный фонд. А то, пообещал он, демократические реформы в России могут прекратиться.

Пока президент Ельцин пугал Запад отменой демократии в России и перспективой холодного мира, министр обороны Грачёв вылетел в Моздок. В интервью перед отлётом он признал, что Грозный «бомбили российские самолёты», указав, что их целью были «только военные объекты», а бомбометание было «точечным». Попутно выяснилось, что штурмом Грозного руководили вовсе не Хасбулатов с Лабазановым, как можно было подумать, а сам генерал Александр Котенков — бывший глава Правового управления при Президенте, впавший в немилость ещё со времен скандального дела «генерала» Якубовского, ныне сидящего в петербургских «Крестах».

Пока генерал Грачёв летел в Моздок, его первый заместитель и бывший командир в славные времена Афганской войны генерал Громов — тот самый Громов, что так эффектно выводил через пограничный мост разбитую армию из Афганистана, а сам перешел этот мост последним и пешком под аккомпанемент боевых комсомольских песен Розенбаума; неожиданно выступил с резким заявлением против военной истерии вокруг Чечни, предостерегая призраком нового Афганистана. Все уже

заметили, что отношения между двумя «афганскими» героями Громовым и Грачёвым давно стали напряжёнными, но генерал Громов отказался комментировать этот вопрос.

Со следующим заявлением в этот день снова выступил «последняя надежда российской демократии» Егор Гайдар. Хотя Гайдар не любил генерала Громова несколько не меньше, чем Грачёва, говорили они примерно одно и то же. Надвигающийся на страну грозный призрак безумия, привёл к блокировке совершенно полярных сил в попытках мобилизации во имя недопущения катастрофы. Гайдар прямо назвал имена тех, кто несёт ответственность за происходящие в Чечне события. Это — Олег Лобов, Олег Сосковец, Николай Егоров, Сергей Степашин и Павел Грачёв. Президента осторожный Егор Тимурович не назвал, отметив только негативное влияние перечисленных лиц на особу Президента.

В напряжённо вибрирующую обстановку вносили свой посильный вклад правительственные и неправительственные газеты.

«Российские Вести» поместили ошеломляющее открытие своих корреспондентов: мэр столицы Юрий Лужков, опираясь на финансовую поддержку банка «Мост», готовит антиельцинский переворот. Мэрия уже создала свою подпольную гвардию и ждёт только удобного момента, чтобы захватить Кремль.

А газета «Российские Ведомости» открыто призвала к военному перевороту в стране, но предос-

терегла ставить на генерала Лебеда, ибо он «как общеизвестно, является представителем еврейской мафии».

Между тем Дудаев, которому навязывали переговоры с уже сбежавшей из Чечни «оппозицией», наотрез отказался это делать, назвав «оппозиционеров» уголовниками, вооружёнными Москвой, но предложил переговоры с представителями Российского правительства где-нибудь в нейтральном месте. Скажем, в Вильнюсе.

Царящий в стране, по меткому выражению генерала Лебеда, военно-политический дебиллизм продолжался, набирая обороты. Грачёв прибыл в Моздок. В Грозном ждут начала вторжения в пределах 48 часов. Чеченское население покидает город. Судьба русских военнопленных висит на волоске. Дудаев подтвердил своё намерение расстрелять всех, если Грозный снова подвергнется бомбардировке с воздуха.

Обе стороны блефовали, не имея на руках козырей. Но Дудаев явно выглядел более опытным игроком, чем непоследовательные и изолгавшиеся российские руководители.

В Грозный позвонил Григорий Явлинский — лидер так называемой фракции «Яблоко» (или «Бля», как её называл остряк-Жириновский) в Думе и предложил самого себя вместе с пятью другими членами своей фракции в добровольные заложники к Дудаеву в обмен на военнопленных. Явлинский был настолько наивен, что пытался убе-

дить Дудаева в том, что появление в Грозном его, Григория Явлинского, немедленно прекратит все бомбардировки Грозного. Такие заявления и называются манией величия.

Дудаев неохотно согласился, явно думая о другом. Ему предстояла встреча с Грачёвым, которая и произошла примерно часа через два. Небольшой двухэтажный дом в пограничной станции Слепцовской был оцеплен охраной президента Чечни генерала Дудаева и министра обороны России генерала Грачёва. Грачёва, по традиции, охраняли десантники; Дудаева — особый отряд ичкерийской гвардии — высокие красавцы, перевязанные пулеметными лентами. Генералам было что сказать друг другу. Подходило время подводить итоги их двухлетней интенсивной совместной деятельности, в результате которой у Грачёва в западных банках образовался счёт в 22 миллиона долларов, а у генерала Дудаева — не очень большая по численности, но очень современная армия.

Теперь предстояло показать, что эта армия способна на нечто гораздо большее, чем грабеж транзитных эшелонов. (Впрочем, «транзитными» эти эшелоны были только для железнодорожных бригад. Предназначались они для Дудаева и якобы «грабились», хотя в действительности просто разгружались.)

Грачёв поинтересовался у Дудаева, как тот себя чувствует. На Востоке положено быть вежливым. Дудаев ответил, что поскольку всё на свете зависит исключительно от воли Аллаха, он передал в один

из западных банков некоторые документы, в которых зафиксированы отдельные события последних трёх лет, с просьбой предать их гласности в случае, если с ним, Дудаевым, что-нибудь случится. Грачёв принял эти слова к сведению, но заметил, что чеченский президент выглядит отлично: бодрым и здоровым. Дудаев опять сослался на волю Аллаха, поинтересовавшись, кто затеял всю эту возню вокруг Чечни?

Грачёв искренне ответил, что он как военный человек — такой же, как и Дудаев, (мы оба генералы и нам легче понять друг друга) мало разбирается в политике, считая её грязным делом, но предпринимает усилия, чтобы в игру политиков не втянули армию. «А кто бомбит Грозный?» — поинтересовался Дудаев. Грачёв рассмеялся: «Разве это бомбёжки?» Это так — шутки одни. Если бы он командовал... Тут генерал сделал многозначительную паузу и провёл рукою поперёк горла. Смекаешь, мол? Кстати, о командовании. Что бы сказал Дудаев, если бы ему предложили покомандовать армией где-нибудь в Забайкальском округе на генерал-полковничьей должности? А потом перевели в Министерство Обороны одним из заместителей?

Дудаев скромно улбнулся. Он не справится командовать армией. Опыта нет. Уже четыре года, считай, как дивизию сдал. Снова войти в структуру будет тяжело. Да и зачем? Ему и здесь неплохо. Между ним и Аллахом нынче никого нет: ни командующего округом, ни министра, ни генсека. Легче работается.

Грачёв посуровел лицом. Как объяснить Дудаеву, что не по чину ему сидеть на таком посту и на таких деньгах. Не для того делалась «перестройка», чтобы на постах, предназначенных для бывших первых секретарей, сидели никому неизвестные генералы, а первые секретари христорадничали в Кремле.

Вокруг бы хоть оглянулся: в Баку — Алиев, в Тбилиси — Шеварнадзе, в Северной Осетии — Галазов, в Татарстане — Шамиев. Правда, есть ещё исключения вроде Илюмжинова, ставшего президентом прямо из ларечников, но сидит тот тихо и за то, чтобы его не трогали, почти все деньги отсылает в Москву. Особенно после октября 93-го.

— Я бы согласился, — продолжал настаивать Грачёв. — Я, — когда министром обороны ставили, — тоже думал, не справлюсь. И ничего. Справился.

— И очень даже хорошо справился, — подтвердил Дудаев, улыбаясь. — Если бы мне пост министра обороны предложили, я, может, и подумал. А на армию не пойду. Из президентов армией командовать? Не солидно. Да и куда мне сейчас идти, когда вокруг такое творится. Вот-вот война начнётся.

— Да никто воевать не собирается, — вздохнул Грачёв. — Отдай пленных и согласись на переговоры. Вот и все проблемы.

— Я готов вести переговоры, — сказал Дудаев. — Вы не хотите.

— Мы не можем вести с тобой переговоры, —

поправил Грачёв. — Вести с тобой переговоры — значит признать Чечню независимой. Неужели ты это не понимаешь? Никто в Москве сегодня к этому не готов. Это значит, признать начало распада России вслед за Союзом. Нас же разорвут на части. Веди переговоры с Хаджиевым, с Автурхановым. Кто там ещё?

— Лабазанов, — подсказал Дудаев, — которого ты произвёл в полковники.

— Я его не производил, — засмеялся Грачёв. — Это ты его выпустил из тюрьмы и назначил командовать чуть ли не своей охраной. Вот он и произвёл сам себя в полковники. Я только молчу. Хочет человек быть полковником — пусть будет. Ну, так как?

— Что как? — переспросил Дудаев.

— Насчёт переговоров с Хаджиевым, — улыбнулся Грачёв.

— Я не могу вести с ним переговоры, — покачал головой Дудаев. — Меня в Грозном разорвут на куски, если я начну говорить с этими мерзавцами. Сделаем лучше так: пусть те, кто считает себя обиженными, приедут ко мне. Не обязательно сюда. Можно встретиться где-нибудь в Прибалтике, на Кипре или в Турции. Поговорим. Может быть, и договоримся. Кулаками махать зачем? Вы думаете, что вас серьёзно кто-нибудь сейчас боится?

— Как знаешь, — вздохнул Грачёв. — Я передам, конечно. Только не согласятся они. Кто на Кипре Интерпол на уши поставил?

— Они думают, что я? — удивился Дудаев. — Мне-то это зачем?

— А кто ж ещё мог, — покачал головой Грачёв. — Только ты, Джохар. Это нехорошо.

Улюбающиеся генералы вышли к журналистам. Грачёв, явно кокетничая перед телекамерами, заявил: «Мы поговорили откровенно, как генерал с генералом. Решили так: сначала передача пленных, потом — посмотрим, как пойдут дела». Грачёв сделал паузу и добавил: «Самое главное о чем мы договорились — это то, что **ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!**»

И генералы обменялись крепким и честным солдатским рукопожатием.

Злопыхатели и завистники, которых у Грачёва после его назначения на пост министра обороны развелось как тараканов в продовольственной каптёрке, утверждали, что министр, учась в Академии, на лекциях постоянно спал. Полевые учения, мол, любил, а теорию военного искусства всю проспал. Всё это было, если не клеветой, то явным преувеличением. Теорию генерал Грачёв знал. Может быть немного хуже, чем Клаузевиц, но и время было другое. Он отлично знал, что при осуществлении вторжения куда угодно, будь то на чужой территории или на своей, необходимо добиться тактической внезапности. Для этого существует только один способ — уверить противника, что войны не будет, либо втянуть его в нудные переговоры, в разгар которых и нанести удар. Как сделали японцы с американцами в 1941 году. Или немцы с нами в том же году. Поэтому сказанная

Грачёвым на весь мир фраза: «ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!» была лишь демонстрацией того, что генерал не спал на лекциях в Академии. И ничего больше.

Впрочем, Дудаев и не тешил себя иллюзиями. Если до какого-то момента он ещё надеялся, что новая демократическая Россия не осмелится на глаза всего мира развязать полномасштабную войну на собственной территории, то в последние несколько дней он получил из своих «источников» в окружении Грачёва и структурах Российского Генштаба достаточно информации, говорящей о том, что Москва совершенно определённо намерена совершить вторжение в Чечню. При этом все задействованные для этой цели воинские части — главным образом, естественно, из состава Северо-Кавказского военного округа — вовсе не ориентируются на какую-то войну. Они как бы придаются для содействия силам милиции (на 3-4 дня, максимум — на неделю), чтобы помочь разоружить несколько бандитских групп. Это немного сбивало с толку. Выходило, что дезинформируя общественное мнение в стране и мире, Кремль дезинформировал и собственную армию, которая, дезориентированная подобным образом, понесёт чудовищные потери, перенеся конфликт совсем в другую плоскость.

Какую же цель ставит Москва, начиная подобную операцию?

У генерала Дудаева была мощная и вполне со-

временная разведка, структурно входя в Департамент Государственной Безопасности, возглавляемый Русланом Гелисхановым. В Грозном хорошо знали положение в России. Уже несколько лет Россия, разворовываемая всеми, кому не лень (в том числе и самим Дудаевым, совместно с его московскими и прочими компаньонами), живёт в долг, достигший уже совершенно непроизносимой цифры. Шахтёры, оборонка, армия, не говоря уже о разных учителях, врачах и профессорах, месяцами не получают зарплаты. Почти 40% населения уже живут за чертой бедности, приближаясь к черте нищеты. Острые социальные проблемы захлёстывают огромную державу как щепку в океане!

Как говорится, самое время немного повоевать!

Может быть, вторгнувшись в Чечню, объявить, что именно она и была виновата в том, что все реформы в России шли, как пьяные через непроходимую грязь какой-нибудь колхозной улицы.

Всё это сбивало с толку и вызывало беспокойство своим явным сюрреализмом.

Тщательный анализ обстановки давал ещё одно более-менее правдоподобное решение: вторжение в Чечню теоретически предоставляло Борису Ельцину возможность объявить по всей стране чрезвычайное положение, под шумок отменить выборы и растоптать те жалкие ростки демократии, которым удалось пробиться за 4 года сквозь железобетонные блоки якобы рухнувшего тоталитаризма.

А в Москве у здания Думы льётся печально-торжественная мелодия «Прощания славянки». Владимир Жириновский вернулся из Грозного, выканючив у Дудаева ещё двух пленных солдат и демонстрирует их «почтеннейшей публике» под музыкальное сопровождение и зажигательную речь.

В Грозный же прибыл Явлинский с товарищами по фракции, предложившими себя в добровольные заложники в обмен на пленных. Дудаев жертвы кандидата в будущие президенты России не принял. Он заявил, что передаст 14 пленных и 4 трупа убитых солдат депутатам литовского сейма. Депутаты уже прибыли в Москву, где из задержали по распоряжению Российского МИДа, не дав добраться до Грозного. Подумав, Дудаев махнул рукой и пожаловал Явлинского аж семью пленными и четырьмя гробами, которые Явлинский доставил в Москву на следующий день.

Следующим днём было 7 декабря. Американский доллар, чуя начавшийся в стране психоз, уверенно шёл вверх, дойдя уже до 3292-х рублей.

Среди доставленных Явлинским пленных особенно выделялся знаменитый капитан Русаков — «ветеран гражданских войн», как его называли газеты. Семь человек Дудаев оставил себе «для обеспечения безопасности Чечни», что ещё раз свидетельствует о некоторой наивности генерала. В конце концов у него только в Грозном было более 200 тысяч русских жителей. Количество трупов

собственных граждан никогда не могло остановить Москву на пути к величию.

Приезд Явлинского с ещё семью пленными (о гробах как-то все забыли) накалил обстановку в Думе. Владимир Жириновский, вовремя не понявший всё значение происходящих событий, теперь, пытаясь наверстать упущенное, закатил очередную истерику, обвинив во всем происшедшем генерала Грачёва, под чьим командованием в Вооружённых Силах страны царил неопиcуемый бардак.

Кроме того, Жириновский где-то добыл сведения, что 50 уцелевших русских солдат были затем расстреляны «оппозицией» за неудачно проведенный штурм Грозного.

Выступивший затем знаменитый депутат Невзоров (от Петербурга) воинственно призывал к походу на Грозный. В своё время он сделал всё возможное, чтобы отмотаться от срочной службы в советской армии. Даже «кошил» под психа в больнице Скворцова-Степанова. Теперь же он был готов, отъевшись на думских хлебах, воевать до последней капли крови. Разумеется, не своей. Но «лоббировал» Шурик Невзоров не армию, а ФСК. По старой памяти, когда ходил в агентах КГБ.

Поэтому он яростно вцепился в Юшенкова и «прочих демократов», которые, выручая солдат и офицеров из дудаевского плена, поставили его родные органы в совершенно идиотское положение. Впрочем, самим «органам», в течение всей своей истории находящимся в подобном, а иногда и в худшем положении, это было далеко не в новинку

и, честно говоря, они совсем не нуждались в какой-либо защите со стороны Невзорова. Просто самому Невзорову уж очень хотелось продемонстрировать то высокое доверие, которое ему было оказано. Чтобы обезопасить своих патронов от каких-либо нападков в будущем, Невзоров потребовал снятия «демократов» со всех думских постов, так или иначе связанных с обороной и безопасностью страны.

Не успел Невзоров замолчать, как к микрофону снова прорвался Жириновский, ещё не остывший от впечатлений, связанных с поездкой в Грозный. Он объявил, что только что получил точные сведения о происходящем в Чечне. Там в смертельной схватке сцепились ЦРУ и «Массад».

Однако сенсации это не вызвало, поскольку к ЦРУ и «Массаду» уже стали относиться как к чему-то совершенно обычному на территории России. Как это Россия и без ЦРУ с «Массадом»? Такого просто не бывает. А то, что зловещие партнёры вдруг передрались из-за генерала Дудаева, выглядело не очень правдоподобно.

Вместо этого кто-то предложил заслушать в Думе самого Дудаева, пригласив его на ближайшее заседание.

На это лидер национал-социалистов в Думе Николай Лысенко заорал, что нечего слушать здесь «бесноватого чеченского фюрера». Лысенко считал себя единственным фюрером и ему совершенно не были нужны какие-то конкуренты.

Обстановка маразма, царящая в парламенте, была столь очевидна, что даже депутат от комму-

нистической партии Анатолий Лукьянов, недавно выпущенный из Лефортово по амнистии, мрачно заметил, что в России «власть ренегатов сменилась властью дегенератов» и был по-своему прав. Его тонкая поэтическая натура очень хорошо чувствовала фальшь.

Между тем гробы с погибшими российскими солдатами, доставленные Явлинским из Грозного, Министерство Обороны отказалось принимать, требуя доказательств, что покойные были военнослужащими. Машина с «грузом 200» стояла весь день у наглухо закрытых ворот Центрального военного госпиталя имени Бурденко, где ничего не хотели слушать, требуя бесчисленных справок. Депутаты бегали весь день по инстанциям. Их отсылали к министру обороны, которого никто не мог отыскать. Грачёва никто не мог отыскать потому, что министр находился в Кремле, где наконец собрался Совет Безопасности при Президенте.

Прежде всего заслушали министра обороны, недавно вернувшегося с Кавказа, где он встречался с самим Дудаевым. Министр обороны доложил, что Дудаев отклонил все сделанные ему предложения (стать из президентов Чеченской республики командующим одной из дальневосточных российских армий) и, судя по всему, с ним уже можно говорить только языком силы. Президент поинтересовался, всё ли у Грачёва готово для «восстановления конституционного порядка» в Чечне? Грачёв, недавно публично клявшийся, что ему для

наведения порядка в Чечне достаточно одного десантного полка и двух часов времени, ответил утвердительно. Вместо одного полка он уже стянул к границам Чечни три дивизии, включая одну танковую и считал, что у него нет никаких оснований для беспокойства.

Президент поинтересовался, за сколько дней армия и МВД собираются завершить операцию.

Грачёв благоразумно не стал вспоминать об обещанных двух часах.

— За неделю справитесь? — спросил президент. — А то, понимаешь, шум может подняться.

Выпросили 10 дней.

— Девять, — твердо сказал Ельцин. — Больше не дам.

Назначенный заместителем Николая Егоров, которого ещё накануне поздравили с повышением в вице-премьеры, доложил собравшимся, что у Дудаева, кроме примерно 500 человек вооружённых бандитов, в Чечне нет абсолютно никакой социальной базы. Предполагается, что с началом ввода войск на территорию Чечни, Дудаев и его сообщники уйдут в труднодоступные горные районы и там...

— А там, — вставил Грачёв, — мы уже отрабатываем авиацией по полной программе. Не ермоловские времена.

Но, продолжал Егоров, кивком головы продемонстрировав полное согласие с репликой министра обороны, он тем не менее сомневается, что в Чечне возможно восстановление Конституционного

правопорядка в полном объеме. Кому-кому, а ему это известно. В своё время он был участковым в Краснодарском и Ставропольском краях, потом курировал в партийных структурах работу органов внутренних дел и может с полным основанием заявить, что чеченцы — это нация преступников. Ему не хочется здесь цитировать на этот счёт людей, которые во все времена почитались в России в качестве национальных героев и глубоких мыслителей. Генерала Ермолова, например. Или товарища Сталина. Поэтому, чтобы решить окончательно проблему данной территории, её нужно так или иначе освободить от ныне проживающего там населения. Он, конечно, имеет в виду не уничтожение или депортацию, как делали в старые времена, а естественное создание таких условий, которые бы дали самому населению понять, что проживание в данном регионе невозможно. Поэтому армия и, идущие вслед за ней спецчасти МВД и ОМОНа, должны вести себя таким образом, чтобы вызвать местное население на стихийный протест с принятием последующих самых строгих, он не боится этого слова, карательных мер. В ходе этих мер должны разрушаться населённые пункты, культовые и прочие памятники. И многое другое. Речь сегодня идёт о самом существовании России, о её безопасности и будущем. А обеспечение подобных категорий всегда требовало жертв.

Президент сидел с видом медведя, поднятого из берлоги среди зимы. Все молчали, ожидая услышать грозный рык.

Для осуществления всех этих мероприятий, продолжал между тем министр по делам национальностей, территория Чечни полностью изолируется от внешнего мира силами армии и МВД. Для въезда и выезда устанавливается строжайший пропускной режим, как предусмотрено законами о чрезвычайном и военном положении. Бегство населения будет представлено внешнему миру как последствия злодеяний Дудаевского режима.

Президент молчал.

— А со своими-то что будем делать? — спросил министр внутренних дел Ерин. Лицо его выражало готовность делать всё, что прикажут.

Как всегда степенно и неторопливо поднявшийся Олег Сосковец доложил свои предложения. С момента начала операции — плюс-минус несколько дней — необходимо начать по всей стране обмен 50-тысячных купюр и делать всё это так, чтобы у населения не оставалось бы времени думать ни о чём, кроме спасения собственных сбережений. Часть так называемой «демократической» прессы можно открыто обвинить в том, что она существует на дудаевские деньги. Пусть докажут обратное. И на этом основании у части издательств отобрать лицензии, а, попросту говоря, закрыть. Что касается Государственной Думы и Совета Федерации, то, во-первых, необходимо в последний момент предупредить и, что более важно, тщательно проинструктировать председателей палат Шумейко и Рыбкина, как они должны интерпретировать события и что по этому поводу говорить.

Вместе с тем одновременно с началом операции (или чуть раньше) отключается спецсвязь у некоторых председателей думских комитетов и отдельных депутатов. Кроме того, в рамках закона о чрезвычайном положении на части Российской территории, в соответствии с секретным указом Президента от 30 ноября, можно временно вообще (до особого распоряжения) отменить закон о печати, общественных организациях, митингах и демонстрациях. С территории Чечни в средства массовой информации передавать сообщения, прошедшие правительственную проверку, если хотите — цензуру. Сосковец заметил, что не видит больших осложнений в собственно России после начала мероприятий в Чечне.

Далее слово взял секретарь Совета Безопасности Олег Лобов — бывший крупный партийный деятель из Екатеринбурга в бытность там Ельцина первым секретарём обкома. Ельцин ценил Лобова за личную преданность и широту кругозора, что позволяло ему действовать с размахом «от Японии до Англии», как пелось в популярной песне сталинских времён. Сейчас Лобову предстояло озвучить суть аналитической записки, рождённой в недрах мозгового центра службы генерала Коржакова.

Записка, как и положено, начиналась с вводной части, где констатировалось крайне опасное положение, в которое попала Россия после распада СССР. Влияние страны в мире стабильно падает, теряются традиционные регионы, где влияние Советского Союза никому бы даже не пришло в

голову оспаривать. В частности, в странах бывшего Варшавского пакта и во многих развивающихся странах, например, Анголе. С Россией перестали считаться, поскольку полагают, что она слаба.

Нет ничего более опасного, указывалось в аналитической записке, чем фактически декларируемая государственная слабость. Это приводит в движение силы, направленные как против российских интересов, так и против российской государственности. В этом отношении особо опасное положение сложилось на юге России и за её пределами.

Первая глава записки называлась «Опасные очаги сепаратизма», но начиналась почему-то с возрождения идей пантюркизма, особо подчёркивая, что вдохновителями пантюркистских идей почти поголовно являются выходцы из бывших республик СССР и российских автономий, оказавшиеся по тем или иным причинам в Турции. В Турции, чья империя развалилась ещё в конце Первой мировой войны, имперские традиции не только не ослабли, а, напротив, набирают силу из года в год. Даже в школьных учебниках публикуются карты страны по положению на 1586 год, где обширные районы, потерянные турками в ходе бесчисленных русско-турецких войн, всё ещё значатся «утраченными территориями», требующими возвращения. И закрашены в соответствующий цвет. К этим районам относятся весь Кавказ, большая часть Астраханской области, Татарстана, Крыма и части Калмыкии, не говоря уже об обширных территориях по берегам Дуная. Нет ни-

какого сомнения, что по мере дальнейшего ослабления России и попустительства сепаратизму на её территории, эти силы в Турции, Иране и в иных странах могут перейти к более активным действиям с целью отторжения у России обширнейших районов, что в конечном итоге может привести к полному распаду и гибели Российского государства.

Следующий раздел был почти полностью посвящён Чечне. Обстановка, сложившаяся в Чеченской республике после 1991 года, провоцирует нестабильность на всей территории не только России, но и всех стран СНГ. Пока удаётся в ряде автономий держать на руководящих постах лиц, настроенных пророссийски, обстановка, чреватая любыми неожиданностями, тем не менее, в перспективе будет оставаться под контролем. Однако, в случае прихода к власти какого-нибудь политического деятеля, не воспитанного в старом духе партийной дисциплины и поддающегося сепаратистской пропаганде, обстановка может стать взрывоопасной и практически неконтролируемой. В качестве примера приводился Татарстан, объявивший было о своём полном суверенитете и о тех сложных переговорах, которые пришлось вести с Шамиевым, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Далее давался анализ ситуации практически во всех российских автономиях от Якутии до Чувашии с особым, конечно, упором на многочисленные автономии северо-кавказского региона. Нигде обстановка не признавалась удовлетворительной. Почти из всех автономий к Дудаеву для обмена опытом

посылались тайные эмиссары. Все внимательно следят за развитием событий в Чечне с явным намерением действовать по образцу лихого авиационного генерала, когда Россия окончательно распишется в собственном бессилии. Аналитики связывали ситуацию в Чечне и с неуступчивой позицией Украины во всем, что касалось, например, Крыма и раздела Черноморского флота, с поведением Молдовы по отношению к Тирасполю и Москве, с наглой позицией Азербайджана и растущим самомнением президента Назарбаева.

Чечня компрометирует Россию на международной арене, вызывая, мягко говоря, недоумение у стран «большой семёрки», а также и у развивающихся стран. Любая попытка России вмешаться в какие-нибудь мировые проблемы приводит к ответу: «Вы сначала наведите порядок у себя в доме».

В разделе рекомендаций, вытекающих из сложившейся в настоящее время обстановки, открытым текстом говорилось, что быстрая и полная военная победа в Чечне покажет, что Россия была и осталась великой державой, которая никому не позволит нарушить её территориальную целостность или диктовать какие-либо условия. Эта победа охладит турок, иранцев, афганцев и даже китайцев, показав им, что и с ними могут поступить соответствующим образом в случае необходимости.

Но ещё большим уроком акция в Чечне послужит для наглеющей Прибалтики, для возомнившей о себе Украине, для бывших первых секретарей

Среднеазиатских республик, ставших пожизненными президентами. Пусть они поймут, что в каждую следующую минуту так же быстро и решительно могут поступить и с ними.

Не менее важный урок будет преподан и населению России, предметно продемонстрировав им силу и решительность власти, идущей на всё ради защиты русского населения, неделимости и величия страны. Короткая и победоносная война сплотит общество вокруг Президента и значительно поднимет его несколько упавший рейтинг, обеспечив победу на будущих президентских выборах.

Президент слушал внимательно и с неподдельным интересом. Он знал, что Лобов говорит по записке, составленной аналитиками Коржакова, и на него оказали впечатление логичность и жестокая правда изложенного наряду с простотой и некоторым изяществом литературного изложения. Проблема заключалась только в том, что все выступающие уже ссылались на секретный указ от 30 ноября, но советники уже успели убедить Президента, что в рамках этого указа действовать не только нельзя, но и достаточно опасно.

Для начала на территории Чечни невозможно юридически объявить режим чрезвычайного и военного положения, ибо первое объявляется по требованию местных властей, а второе — только в случае агрессии извне.

Кроме того, указ от 30 ноября отдавал всю власть в Чечне в руки Грачёва, что, в силу новых обстоятельств, также делать не следовало.

Дело в том, что будучи в Будапеште на совещании ОБСЕ, Ельцин от имени России подписал «Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности». В 36-м пункте Кодекса, в частности, говорилось:

«Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы любое решение о направлении его вооружённых сил для выполнения функций внутренней безопасности принималось в соответствии с конституционными процедурами. В таких решениях будут определяться задачи, поставленные перед вооружёнными силами и будет обеспечиваться, чтобы эти задачи выполнялись под эффективным контролем конституционно учреждённых органов власти и с соблюдением принципов верховенства законов.

В случае, если функции внутренней безопасности не могут быть выполнены без применения силы, каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы её применение было соизмеримо с имеющейся потребностью в принудительных действиях. **ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ОБЯЗАНЫ ПРИНИМАТЬ ДОЛЖНЫЕ МЕРЫ С ТЕМ, ЧТОБЫ ИЗБЕГАТЬ НАНЕСЕНИЯ УЩЕРБА ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ И ИХ ИМУЩЕСТВУ».**

Поэтому Президент повелел составить секретный указ об отмене секретного указа от 30 ноября и подготовить новый секретный указ, проект которого был представлен членам Совета Безопасности.

В новом указе «группа», которой поручается

наведение порядка в Чечне, больше не называлась «Группой руководства действиями по разоружению и ЛИКВИДАЦИИ вооружённых формирований, ВВЕДЕНИЮ И ПОДДЕРЖАНИЮ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ», а «Группой руководства действиями по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности, разоружению и ликвидации вооружённых формирований, не предусмотренных федеральным законодательством».

Из текста нового указа были тщательно изъяты все упоминания о чрезвычайном положении, а также ссылки на закон РСФСР «О чрезвычайном положении» и на статью 88 Конституции, которая предусматривает возможность введения такого положения.

Общее руководство «Группой» в проекте нового указа возлагалось не на Грачёва, как в старом, а на самого горячего сторонника вторжения в Чечню военной силой — Николая Егорова. Он же назначался «Председателем по координации гражданской федеральной Группы». А генерал Грачёв на этот раз назначался «Председателем по координации военной Группы». Но зато в новую Группу был добавлен министр МЧС Сергей Шойгу, чьи подразделения должны были обеспечить «эвакуацию» населения из зоны бедствия, вызванного боевыми действиями.

Надо сказать, что мало кто из присутствующих на заседании этого памятного Совета Безопасности при Президенте России поняли все эти ельцинские

мудрствования. Раз президентские «мудрецы» считают, что нужно делать так, а не этак — что в сущности от этого меняется. Пусть командует Егоров, если он такой умный. Разницы никакой.

Главное, когда начнём?

На совещание был срочно вызван один из помощников генерала Коржакова — генерал Рагозин. В старые времена, служа в 5-м управлении КГБ, Рагозин волею судьбы попал в отдел, который курировал разных подпольных и полуподпольных «уфологов», «экстрасенсов», «астрологов» и «колдунов», чтобы те, упаси Бог, не причинили своим ведовством какого-нибудь вреда любимой партии. В итоге Рагозин набрался от своих подопечных таких знаний, что в настоящее время руководил целым отделом астрологов и экстрасенсов, свивших себе уютное гнёздышко под крылом службы безопасности Президента, как при дворе средневекового короля.

Каждое утро генерал Рагозин докладывал Президенту его гороскоп на текущий день. Гороскоп визировался генералом Коржаковым. Без его визы он силы не имел.

Ещё в ноябре возглавляемый генералом Рагозиным отдел получил задание указать оптимальную дату начала чеченской операции. Вычисления положения звёзд и планет проводились с помощью американских компьютеров последнего поколения, закупленных специально для этой цели комендантом Кремля генералом Барсуковым.

Все вычисления показали на 11 декабря как на наиболее благоприятную дату начала операции.

Начальник ФСК Степашин, быстро подсчитав дни, правильно определил, что 11 декабря 1994 года приходится на воскресенье, т.е. на выходной день. А из истории известно, что все внезапные удары, как правило, наносились по воскресеньям, когда противник отдыхает. То, что в Чечне выходным днём давно является пятница, никто из присутствующих либо не знал, либо знал, но забыл...

8 декабря было печальным днём. Поминали третью годовщину внезапной кончины Советского Союза. Под мокрым снегом собрались немногочисленные митинги под Красными знамёнами. На одной из столичных площадей депутат Марычев совместно со скандально известными народными вождями из бывших чиновников ЦК ВЛКСМ забрили осиновые колья в символические гробы Ельцина, Кравчука и Шухевича — главных подписантов Беловежского соглашения, констатировавшего смерть СССР.

Коммунисты в Думе пытались в очередной раз денонсировать Беловежское соглашение. Уцелевшие поклонники мистического учения Маркса-Ленина всегда считали, что им по плечу всё — вплоть до оживления покойников.

Газета «Российские Вести», учредителем которой являлась администрация Президента, поместила статью под заголовком «Глупость или генеральная репетиция?», в которой пыталась проанализи-

ровать недавние события, связанные со службой безопасности генерала Коржакова, напавшей на столичную мэрию и банк «Мост». Газета задавала резонный вопрос: если люди Коржакова вели себя столь нагло и безнаказанно в самом центре Москвы, то почему они с такой же легкостью не могут изолировать Президента, сделав его заложником собственных решений и действий?

В унисон с газетной статьей по телевизионным каналам прошёл более чем странный репортаж собственного корреспондента РТР и НТВ в Германии Владимира Кондратьева — одного из опытейших тележурналистов, работающих в Германии с незапамятных советских времен. Текст Кондратьева был полностью невинным. Тележурналист рассказывал, что в Германии из-за ветхости предполагается демонтаж памятника советским воинам, погибшим при взятии Берлина в 1945 году. При этом муниципалитет города обязуется закончить ремонт к грядущему 50-летию победы. Кондратьев выражал сомнение, что к данному сроку ремонт удастся закончить даже по чисто финансовым причинам.

В это же время на экране все могли видеть следующую картинку, взятую, видимо, из какого-то закрытого архива и присланного на телевидение для всенародной демонстрации. К памятнику, вокруг которого по какому-то торжественному случаю был построен почётный караул, вышли президент Ельцин и командующий ЗГВ генерал-полковник Матвей Бурлаков.

При этом Президент находился в столь «неадекватном», как принято дипломатично выражаться, состоянии, что, с трудом держась на ногах, встал к памятнику спиной, в то время как генерал Бурлаков стоял по стойке смирно, приложив руку к козырьку к памятнику лицом. Опомнившиеся адъютанты развернули Президента лицом к памятнику и тот застыл в какой-то нелепой позе, выгнув спину и выпятив грудь. Всё это время лилась мелодичная и знакомая скороговорка Владимира Кондратьева о том, что судьба наших военных памятников в Германии отныне отдана полностью на финансовый произвол правительства ФРГ...

Между тем количество войск, сконцентрированных на границе с Чечней достигает критической массы. Центральное телевидение демонстрирует парад в Грозном «воинов Аллаха», объявленных иностранными наёмниками. По площади Шейха Мансура ползет колонна танков, украшенная зелёными знамёнами Ичкерии свободным волком, готовым своими страшными клыками вырвать у кого угодно свою независимость.

Грачёв, Ерин и Степашин вызваны в Думу для отчёта, но ни один из них, естественно, не явился, демонстрируя всем сомневающимся, чего стоит представительная власть демократической России.

Однако настырные журналисты снова отловили генерала Грачёва и задали ему уже чисто риторический вопрос: «Как в Чечню ныне попадают оружие и наёмники?»

«Спросите у Николаева», — тонко улыбнувшись, ответил министр обороны.

Главком пограничных войск генерал-полковник Николаев являлся давним соперником и недругом генерала Грачёва — его многие прочили в будущие министры обороны. Когда пограничные войска вывели из системы КГБ и сделали самостоятельными, Грачёв несколько раз хотел наложить на них свою министерскую лапу. Но генерал Николаев яростно сопротивлялся. Отношения между генералами испортились напрочь — настолько, что, как в мудрой украинской пословице, затрещали чубы у всех подчинённых. Пограничники могли двое суток вести неравный бой с превосходящими силами афганских и таджикских партизан, а стоящая неподалёку танковая часть министерства обороны даже не объявляла у себя состояние тревоги. То есть и в ус не дула.

В свою очередь армейская часть могла быть атакована с тыла на том участке, где, как считалось, граница полностью на замке, и гадать потом «как бандитам удалось на этом участке просочиться?»

Но в данном случае Грачёв явно погорячился. Хотя на всех совещаниях от министерского уровня и до президентского о Чечне уже говорили как об иностранном государстве, пограничники генерала Николаева ещё не стояли на границах Ичкерии. Но вскоре встанут, обозначив этим самым государственную границу России, как сказано во всех уставах и наставлениях погранвойск.

С удовольствием подставив генерала Николаева под огонь средств массовой информации, Грачёв стал собираться в Моздок. У него была масса собственных проблем, чтобы ещё заниматься чужими.

Одной из этих проблем была та же, с которой столкнулись американцы, пытаясь выяснить, где находится Чечня. **У РОССИЙСКОЙ АРМИИ НЕ БЫЛО ПОДРОБНЫХ КАРТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.**

Поговаривали, что все они были брошены то ли в Грозном, то ли в Бамуте при спешном выводе оттуда бывших советских войск. Командирам частей до комбатов включительно были розданы туристские карты, выпущенные в своё время в Ставрополе, и атласы автомобильных дорог бывшего СССР. Чтобы немного ориентировались на местности. На картах не было примерно 75% населённых пунктов и более половины имеющих в Чечне дорог. Естественно не были указаны болотистые и вовсе непроходимые участки, пути нефте- и газопроводов, линий энергопередач и много другого, что составляло (и составляет) военную и государственную тайну в картографии. Никто ведь никогда не думал, что соблюдение этих тайн так больно ударит по собственной армии, которой придётся воевать наощупь.

Но отсутствие стратегических карт Чечни не являлось единственной проблемой генерала Грачёва. Журналисты, даже те, что ему симпатизировали, давно уже прозвали министра обороны России — «министром круговой обороны».

С момента своего назначения на этот пост в 1992 году Грачёв действительно держал круговую оборону. Во-первых, он был выскочкой, а выскочек не любят во всех армиях мира. Во-вторых, он был десантником и занял место, которое, по традиции, уходящей ещё в царские времена, всегда принадлежало общевойсковым (сиречь — пехотным) генералам и маршалам. В-третьих, время было такое, что генерал даже с большим, чем у Грачёва служебным и жизненным опытом, едва ли в такие времена мог бы эффективно контролировать столь сложную, громоздкую и плохо управляемую машину, именуемую бывшими советскими вооружёнными силами. В течение 50 послевоенных лет эти силы были нацелены на мировую войну, проходя соответствующее обучение.

Поражение в Афганистане, крушение всего западного фронта, десятилетиями стоявшего огромной дугой от Германии до Венгрии, и, наконец, распад Советского Союза привёл (и не мог не привести) Вооружённые Силы страны в состояние полного хаоса. На глазах погибал флот, авиационные части чуть ли не втрое вынуждены были уменьшить количество полётных часов. Многие соединения, очутившиеся на обломках империи в виде дюжины независимых и псевдонезависимых государств, просто перестали существовать. Практически перестали существовать и гигантские общевойсковые группировки. Лишённые былых средств, укомплектованные едва на 50%, смешанные с выведенными из Европы частями, брошенные

в чистом поле вместе с ржавеющей техникой, общевойсковые армии, корпуса и дивизии фактически прекратили боевую подготовку личного состава, превратившись в огромные акционерные общества с рабовладельческим уклоном.

С гигантским трудом удалось сохранить на прежнем, как казалось, уровне лишь элитарные части: воздушно-десантные войска, морскую пехоту, несколько бывших спецсоединений КГБ, переведённых в подчинение армии, и, разумеется, стратегические ракетные войска как последнее воспоминание о былом имперском величии. Большая часть огромного советского генералитета после того, как за тюремную решётку попали министр обороны маршал Язов и командующий сухопутными войсками генерал армии Варенников, а начальник генштаба генерал армии Моисеев был уволен в запас, оставили службу, но не потому что признали своё поражение, а потому, что не желали служить «временному оккупационному режиму», как они называли правительство президента Ельцина. Не желая служить новому режиму, они, разумеется, делали всё возможное, чтобы этот режим если не свалить, то дестабилизировать до такой степени, чтобы он развалился сам.

Всевозможные «Союзы офицеров», «Союзы ветеранов» и тому подобные организации разлагали армию дено и ношно. Причём не ту огромную, серую и безликую общевойсковую массу, а именно те элитарные войска, ещё сохранившие былую боеспособность. В части беспрепятственно допуска-

лись не только представители управляемой партии Жириновского, но и фашистские агитаторы Баркашова, не говоря уже о многочисленных прочих партиях откровенно националистического и экстремистского толка, объявивших себя патриотическими.

В частях Дальневосточного и некоторых других округов открыто (с официального разрешения командования) создавались ячейки «Русского Национального Собора», возглавляемого бывшим генералом КГБ Стерлиговым.

Даже зачистившие в войска православные священнослужители больше говорили о всемирном еврейском заговоре и «жидовском иге», погубившем Святую Русь, чем о спасении души. Весь этот напор был направлен конкретно против президента Ельцина в первую очередь и генерала Грачёва — во вторую.

Надеяться на работу Особых отделов, как в былые времена, было смешно. Особые отделы мутили воду в армии одними из первых, скорбя о былых днях всесилія КГБ. Грачёв не мог рассчитывать даже на понимание собственных заместителей и начальника генерального штаба, все из которых так или иначе фрондировали, если выражаться мягко.

Все видели, как долго колебался генерал Грачёв прежде чем открыто выступил на стороне президента Ельцина в дни октябрьского путча 1993 года. И первым, конечно, это видел сам Президент.

Когда-то тоталитарная советская система покоилась на трёх китах: партии, сколоченной её основателем по канонам гангстерской группировки, и двух её боевых отрядов: армии и КГБ. Партия испарилась, бросив свои боевые отряды на произвол судьбы.

Октябрьские события показали Ельцину, сколь мало он может рассчитывать на армию, а проведённое секретное расследование к тому же продемонстрировало, насколько близко к открытому мятежу были именно распропагандированные врагами Президента элитарные части от Москвы до дальних морей. Если этого не произошло, то причиной была скорее не преданность Президенту, а трусость некоторых высокопоставленных генералов, не совсем уверенных в исходе чилийского варианта спасения отечества.

Грачёв потому и сохранил свой пост, что был десантником и пользовался авторитетом именно в воздушно-десантных частях, поскольку командовал ими ещё в советские времена. А нынешний главком ВДВ генерал-полковник Подколзин, хотя и был грачёвским протеже, интриговал против Грачёва, как капитан королевских мушкетёров против кардинала. Страна не понимала своего средневековья.

И Президенту хватило бы одних колебаний Грачёва, чтобы понять, как мало он может рассчитывать на Вооружённые Силы в случае очередного мятежа по образцу хасбулатовского.

Ещё менее он мог рассчитывать на откровенно субтильную ФСК, во главе которой стоял Сергей

Степашин, произведённый Ельциным из полковников в генерал-лейтенанты. Злые языки называли Степашина «пожарником», что совершенно не соответствовало действительности.

Пожарным Степашин никогда не был, а был политработником в системе пожарной охраны Ленинграда и даже защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль партийных организаций в повышении боеготовности противопожарных подразделений».

Когда октябрьские события сожрали сразу двух министров безопасности: Баранникова и Галушко, Ельцин назначил на этот пост Степашина, возможно, не без оснований рассчитывая на его личную преданность.

Но как говорится, «услужливый дурак опаснее врага». Степашин оказался полностью некомпетентным на этом посту, поэтому снабжал все президентско-правительственные структуры дезинформацией, которая подчас была до неприличия очевидной. Это не был злой умысел директора ФСК. Он докладывал то, что докладывали ему, не имея никакой возможности проверить или перепроверить поступающие данные. А подчинённые лгали ему и с большим удовольствием, с нетерпением ожидая, когда от них уберут очередного начальника. Их и так сменилось 5 за четыре года.

Бывший КГБ, сотрудники которого давали специальную присягу умереть за Советский Союз и КПСС, среагировал на гибель страны и родной партии до удивления вяло. Оба путча — августов-

ский и октябрьский — огромный монстр просидел, поджав щупальца под себя с сонно прикрытыми глазами. Никому не удавалось добиться от него какой-либо внятной информации. Часть сотрудников бывшего КГБ ушла в подполье, откуда развернула красный террор против возрождающегося класса предпринимателей и банкиров, действуя с размахом ленинско-сталинских времён и без всякого риска, поскольку оставшиеся на Лубянке «братья» вовсе не собирались их ловить, вполне разделяя пролетарскую ненависть своих бывших коллег в доказательство немеркнувших идей казарменного социализма, во времена которого они имели власть и привилегии, немислимые ни в какой другой социальной среде.

В октябрьские события 93-го все они бросились на защиту Белого Дома, уповая на обещание Хасбулатова-Руцкого повести их всех строем обратно в светлое будущее. После провала авантюры они бежали: романтики — через систему подземных коммуникаций, плана которых, как все помнят, не нашлось ни у одной из государственных структур (также, как и у министерства обороны не нашлось плана Москвы); прагматики вышли — через парадные подъезды, помахав ручками коржаковскому оцеплению, также состоящему из их бывших коллег. И все поклялись отомстить персонально президенту Ельцину, пообещав прикончить его вместе со всей семьей.

Если ко всему этому добавить, что ещё одна спецслужба ГРУ готовила на своих тайных базах

спецназ для Дудаева и консультировала его старших офицеров*, то станет абсолютно понятным, почему президент Ельцин предпочёл укрыться за кремлёвскими стенами и широкими плечами своей личной охраны.

Не в силах распустить окончательно все силовые и контрразведывательные структуры, оказавшиеся в буквальном смысле этого слова забетонированными в коммунистическую систему государственности, что досталась Ельцину по наследству от покойного Советского Союза, Президент не придумал ничего лучше создания параллельных силовых структур власти и управления. При этом он совершенно не подумал о том, что этим самым возвращает страну в раннее европейское средневековье, когда короли боролись, заняв круговую оборону, с мятежными городами, мятежными парламентами и мятежными феодалами, каждый из которых имел собственные вооружённые силы и спецслужбы.

Параллельную службу безопасности Президент при создававшихся условиях мог доверить только одному человеку — генералу Коржакову, своему верному и давнишнему телохранителю, уже не раз доказавшему свою беззаветную преданность лично Ельцину. Фактически только Коржаков и комендант Кремля Барсуков не предали Президента (даже колебаниями) в дни Хасбулатовского мятежа.

Выбор Президента был бы идеальным, если бы

* Обнаружение этого факта стоило жизни Дмитрию Холодову.

не одно существенное обстоятельство. Генерал Коржаков начинал службу в 9-м управлении КГБ под командованием генералов Плеханова и Генералова (оба попали за решётку ещё после августовского путча 91-го года). Генералы поставили дело воспитания личного состава управления, поставившего телохранителей сановным особам и охрану на спецобъекты государственной и оборонной важности (включая дачи) таким образом, что думать офицерам «девятки» возбранялось самым категорическим образом. И это было совершенно правильно. Все мысли и рефлексy телохранителя, доведённые до полнейшего автоматизма, должны быть направлены исключительно на заботу о безопасности того «тела», которое ему доверено. Стоило, скажем, знаменитому генералу Медведеву — начальнику охраны президента СССР Горбачёва — начать думать, как он немедленно предал своего босса и вместе с ядерным кейсом перебежал к путчистам.

Поэтому, когда генералу Коржакову, привыкшему открывать и закрывать дверцы президентских лимузинов, держать над Президентом зонтик, парить своего хозяина в баньке и делить с ним все прочие тяготы и лишения президентской должности, было ещё приказано и думать о государственной безопасности в целом, результаты превзошли все ожидания тех, кто создавал подобную ситуацию.

Схема государственной безопасности, разработанная генералом Коржаковым, разумеется, была на первый взгляд простой и даже обещала быть

весьма эффективной. Безопасность государства — это безопасность Президента. Подобная схема была в своё время разработана для товарища Сталина и привела к массовому истреблению собственного народа, поскольку он (народ) совершенно очевидно таил в себе угрозу для безопасности вождя самым фактом своего существования.

Нынешняя схема ни к чему другому также привести не могла.

Если товарищ Сталин всегда был прав по определению, то президент Ельцин всегда был прав по Конституции, которую ему удалось провести в постоктябрьские дни, когда всё российское общество ещё не оправилось от грома танковых пушек в собственной столице. Эта Конституция давала Президенту, а следовательно и генералу Коржакову, столько власти, сколько не имели короли в краткий исторический период абсолютизма. И, что самое важное, не предусматривала никакой ответственности, поскольку отстранить Президента от власти законным путем было практически невозможно, хотя такая процедура и предусматривалась Конституцией.

Как и следовало ожидать, генерал Коржаков стал трактовать безопасность Президента очень широко. Безопасность Президента, например, зависела от импортных квот на нефть или, скажем, от доходов «Росвооружения», а потому, считал генерал Коржаков, оба этих промышленных монстра следует передать в ведение президентской охраны.

Безопасность Президента, без сомнения, зависела

ла и от того, что о нём осмеливается сообщать пресса и говорить народ. Безопасность Президента зависит и от его рейтинга, который постоянно падал.

И уж, само собой разумеется, что главную опасность для Президента представляла армия, очень долго размышлявшая, когда требовалось прикрыть Президента своими телами от злобных притязаний взбунтовавшегося Верховного Совета. Поэтому армии требовалось занять делом, чтобы она от безделья и нищенского существования не начала решать свои проблемы самостоятельно. Причём занять таким образом, чтобы и сама армия, и все вокруг поняли, чего она стоит, включая и элитарные части. Даже «не включая», а в первую очередь.

Разлагающаяся от безделья и подсознательного понимания, что гибель СССР произошла от её полной ненужности, армия становилась опасной вдвойне, ибо накопившийся в ней запас агрессивной энергии совсем не соответствовал уровню её боевой подготовки.

К сожалению, сложившаяся в мире геополитическая ситуация совершенно исключала возможность использования армии где-нибудь за пределами страны. Поэтому ситуация в Чечне неожиданно стала просто подарком для всех, кто думал о безопасности своего Президента, включая и его самого. Уж, конечно, сам Президент больше всего был заинтересован в собственной безопасности.

Короткий, но сильный и звонкий удар позволял решить проблемы многотрудные и многослойные.

А между тем, создавалась (на всякий случай) и параллельная армия, которой командовал Виктор Ерин — такой же генерал армии как и Грачёв, но, в отличие от Грачёва, не Герой Советского Союза, а Герой России.

Если Грачёв свою Золотую звезду получил за усмирение Афганистана, то Ерин свою — за усмирение Москвы. А потому к концу 1994 года численность войск МВД, не считая милиции и конвойных подразделений, уже достигла 800 тысяч человек, с танками, тяжёлой артиллерией и установками залпового огня.

Безопасность Президента штука очень сложная.

Тем более, что Дудаев пригрозил: если в России не прекратится античеченская истерия, он проведёт в Москве несколько показательных террористических актов.

По данным ФСК, совпадающим с данными СБП, в Москву уже нелегально проникли несколько групп дудаевских боевиков-смертников, готовых на всё. Все спецслужбы были приведены в состояние повышенной готовности. И не напрасно. Именно в этот день — 8 декабря — в Москве произошли два террористических акта, которые вполне можно было назвать показательными. Жаль только, что ни к одному из них нельзя было привязать генерала Дудаева и вообще чеченцев.

Во 2-й класс одной из московских школ неожиданно ворвались двое молодцов в масках. На глазах у изумлённых детей они избили до потери сознания

25-летнюю учительницу и удалились. Выяснилось, что бандитов нанял один из второклассников на деньги, полученные от мамы, чтобы отомстить учительнице за несправедливо поставленную двойку.

Ещё одно событие произошло в другой столичной школе. На этот раз в 1-м классе, куда ворвались два родных брата (27-ми и 20-ти лет) с макетом бомбы и топором. Учительница, пытавшаяся оказать сопротивление, получила топором по голове. Весь класс был объявлен заложниками, за освобождение которых братья потребовали миллион долларов. Повязанные в конце концов прибывшим по тревоге ОМОНОм, братья ничего толком объяснить не могли, припомнив только, что до этого выпили по литру на нос...

9 декабря было объявлено, что в понедельник 12 декабря возобновятся переговоры с Дудаевым. Для этой цели в Моздок снова прилетел генерал Грачёв. Там уже находились и два других «сило-вика» — генералы Ерин и Степашин.

Из Грозного пришли известия, что город готовится к обороне. Запрещена торговля водкой, населению раздадут противогазы.

Демократические фракции Думы послали открытую телеграмму президенту Ельцину (другого способа пробиться к главе государства у них уже не было). В телеграмме они требовали, чтобы Президент выступил по национальному телевидению и определил свою позицию в отношении Чечни. Президент предупреждался, что «кровь и все прочие

последствия» лягут на него, а Россия снова превратится в полицейское государство.

Во всех центральных газетах неожиданно появилось распоряжение Совмина «О мерах по дальнейшему улучшению народного хозяйства Чеченской республики». Возможно, что это был сигнал к выступлению, определявший день Д минус 2, поскольку также за два дня до вторжения в Афганистан, в «Правде» было помещено постановление «О мерах по дальнейшему укреплению советско-афганских экономических отношений».

Глубокой ночью президент Ельцин подписал новый Указ № 2169с (Секретный). Прежний Указ № 2137с (Секретный) от 30 ноября считался отмененным.

В новом указе говорилось: «ВСЕМИ ИМЕЮЩИМИСЯ У ГОСУДАРСТВА СРЕДСТВАМИ ОБЕСПЕЧИТЬ РАЗОРУЖЕНИЕ БАНДФОРМИРОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ». О намеченных на 12 декабря переговорах в указе не говорилось ни слова.

Ещё позже были подняты с постелей и доставлены в Кремль оба «спикера» палат: Рыбкин и Шумейко. С сохранением всех процедур секретного делопроизводства, незыблемых со сталинских времен, оба были ознакомлены под подпись «О неразглашении» с текстом указа.

Потрясенные оказанным им доверием, «спикеры» поклялись хранить молчание. У них даже немного отлегло от сердца. Они думали, что их

ночной вызов в Кремль связан с гораздо более серьезным событием, нежели введение войск в какую-то там Чечню. Чечня их обоих волновала меньше всего на свете. Рыбкин был занят по горло выпуском двухтомника своих речей и завершением докторской диссертации о проблемах российского парламентаризма. Диссертацию с несколько другим названием он начал писать ещё будучи вторым секретарём Волгоградского обкома КПСС. Что касается Шумейко, то сильнее любой войны (даже атомной) он боялся будущих выборов. Разглядев в грядущих событиях возможность их отмены, спикер верхней палаты облегченно рассмеялся.

Суббота 10 декабря выдалась на редкость тихой. Было сообщено, что генерал Дудаев передал генерал-полковнику медицинской службы Чижу всех оставшихся в его руках пленных. В Грозном остался только тяжело раненый рядовой Прящиков, лежавший в одном из тамошних госпиталей. Все силовые министры собрались в Моздоке, готовясь, как было объявлено, к переговорам с Дудаевым, назначенным на понедельник 12 декабря.

В Нальчике открылся съезд «Репрессированных народов», принявший резолюцию о недопустимости военных акций против Чечни.

Неугомонный Сергей Юпенков предупредил, что если вторжение в Чечню все-таки произойдет, то надо немедленно начинать процедуру отстранения Президента от власти.

Как бы в ответ на это предостережение в се-

редине дня было объявлено, что «Президент Ельцин ГОСПИТАЛИЗИРОВАН» в связи с необходимостью сделать операцию на перегородке носа. Указывалось, что Президент проведет в больнице ВОСЕМЬ ДНЕЙ.

Вечером того же дня были отключены телефоны спецсвязи, связывающие палаты парламента с президентской администрацией. Местонахождение главы государства и первых лиц его администрации было неизвестно. Оказались закрытыми все аэропорты Ставропольского края и Северного Кавказа, а чуть позже блокирована и телефонная связь с этими районами страны.

Поздно вечером Президент позвонил генералу Грачёву в Моздок.

Генерал доложил о готовности.

«Чтобы к 20 декабря все было кончено!» — приказал Президент.

«Раньше управимся!» — бодро отрапортовал министр обороны.

На рассвете 11 декабря Российские войска с трех направлений вторглись на территорию республики Ичкерия. Демонстрацией всеокрушающей мощи великой державы колонны бронетехники шли по дорогам Надтеречного района, не встречая ни малейшего сопротивления. Силами трех дивизий они рвались к сердцу чеченского сепаратизма — городу Грозный. Весь мир должен был убедиться, что не только Соединённым Штатам удаются стратегические операции вроде «Бури в пустыне».

Так же четко, быстро и с минимум потерь будет проведена и операция с условным наименованием «Буря в горах».

Правда, в отличие от американской, ее придется проводить на собственной территории. Что ж поделаться?

Охваченные ужасом встрепнулись обе палаты парламента и так называемая демократическая общественность. Сопровождаемые блянием своих «спикеров» и «президентских мудрецов» вроде Пайна и Сатарова, депутаты стали биться, как мухи о стекло, пытаясь дожужжаться хоть до кого-нибудь из властных структур, кто мог бы им объяснить, что происходит.

Кое-кто пришел в ещё больший ужас, понимая, что в руках тех же людей, что развязали войну на собственной территории, находятся и «ядерные кнопки». Что вот так же, в «одно прекрасное утро» Президент и вся его команда скроются в ядерных бункерах, оставив ничего не понимающее население на милость водородных бомб противника...

Одной из необъяснимо мистических загадок нашей новейшей истории является тот факт, что все агрессивные войны Советский Союз, а за ним и Россия всегда начинали в декабре. Так было при вторжении в Финляндию, так было при вторжении в Афганистан, так произошло и при вторжении в Чечню. Всегда зимой, всегда без зимнего обмундирования (в Финляндии в 40-градусные морозы солдаты не всегда имели даже шинели, а в Чечне

было и того чище — многие солдаты не имели даже портянок: дырявые сапоги были одеты на босу ногу) и, что характерно, без продовольствия. Многие солдаты первый раз поели, только очутившись в чеченском плену.

Но аналогия с Финской войной 1939 года была не только в этом. Тогда весь финский народ поднялся с оружием в руках на защиту независимости своей страны, сплотившись вокруг своего военного лидера Карла Густава Маннергейма — бывшего генерала русской армии.

Ныне весь чеченский народ, включая женщин и детей, встал на защиту своей независимости, сплотившись вокруг своего военного лидера Джохара Мусы Дудаева — бывшего генерала советской армии.

Одинаковые ошибки Кремля неизбежно должны были привести и к одинаковым последствиям.

Глава 4

В З Р Ы В

*«...Хотели как лучше,
а получилось... как всегда».*

В. С. Черномырдин

Женщина билась в истерике. Она то падала на землю, сжимая в руках белую простыню, заменяющую парламентарский флаг, то пыталась подняться, тяжело опираясь на руки и снова падая, не прекращая выкрикивать слова, прерываемые рыданиями и тяжелыми всхлипами: «Не стреляйте! Умоляю вас, не стреляйте! Там дети! Много детей! Умоляю! Умоляю! Не стреляйте!..»

За спиной женщины горело трехэтажное здание городской больницы. Горело как-то лениво. Кое-где занялась крыша, пламя вырывалось из некоторых окон, из других валил дым. Но стекла (местами вместе с рамами) были выбиты на всех трех этажах. Повсюду в оконных проемах стояли люди — главным образом, женщины — в белых больничных халатах, размахивающие белыми простынями, наволочками и полотенцами, что-то кричащие или просто воюющие.

У фасада здания лежало десятка полтора трупов в камуфляжной униформе со шлемами на головах. Чуть поодаль догорали две боевые машины пехоты и гусеничная четырехствольная зенитная установка «Шилка».

Женщина продолжала биться в истерике и кричать.

Был близок к истерике и командир спецподразделения «Альфа» генерал Александр Гусев.

Знаменитая, оваянная легендами команда «Альфа» была создана в андроповские времена в системе КГБ для выполнения особо деликатных и рискованных задач без лишнего шума. «Альфе», например, приписывался штурм дворца Амина в Кабуле, когда ей удалось «ликвидировать» президента Афганистана, не потеряв, что особо отмечалось, ни одного человека.

Впрочем, на этот «подвиг» претендовала и аналогичная команда «Вымпел», и команда «Вега»; создавалось впечатление, что все это не более, чем очередной миф, сколоченный в аналитическом отделе КГБ. Но даже этот, постоянно романтизируемый «звездный» афганский час «Альфы» помимо воли создателей мифа показал, что легендарная «Альфа» является, по сути дела, не антитеррористическим подразделением, а классическим инструментом международного терроризма в карательной системе террористического государства.

После августа 1991 года «Альфю» отобрали у КГБ и сделали попытку передать в структуру МВД, что подавляющая часть состава группы вос-

приняла как личное оскорбление. Столь высокой считалась честь службы именно в КГБ.

Но КГБ перестал существовать, а потому добрая половина «альфовцев» предпочла уволиться и исчезнуть в тени, а остальные вскоре были взяты в Управление охраны президента под крыло генералов Коржакова и Барсукова.

Вскоре «Альфу» поздравили и с новым командиром. Им оказался полковник Гусев, служивший ранее в Кремлевском полку, а затем в комендатуре Кремля под командованием генерала Барсукова. Назначенный командиром «Альфы» Гусев и сам вскоре был произведен в генералы по ходатайству своего старого командира.

Днем 14 июня именно генерал Барсуков прервал телефонным звонком послеобеденный отдых генерала Гусева. Голос начальника ГУО был тревожным и возбужденным, но было понятно, что и сам он не полностью владеет информацией. Только что пришло сообщение: группа вооруженных людей напала на город Буденновск. Захвачены РУВД, узел связи, здание администрации. Есть убитые и раненые. «Альфе» надлежит, не медля ни минуты, прибыть на место и взять обстановку под контроль.

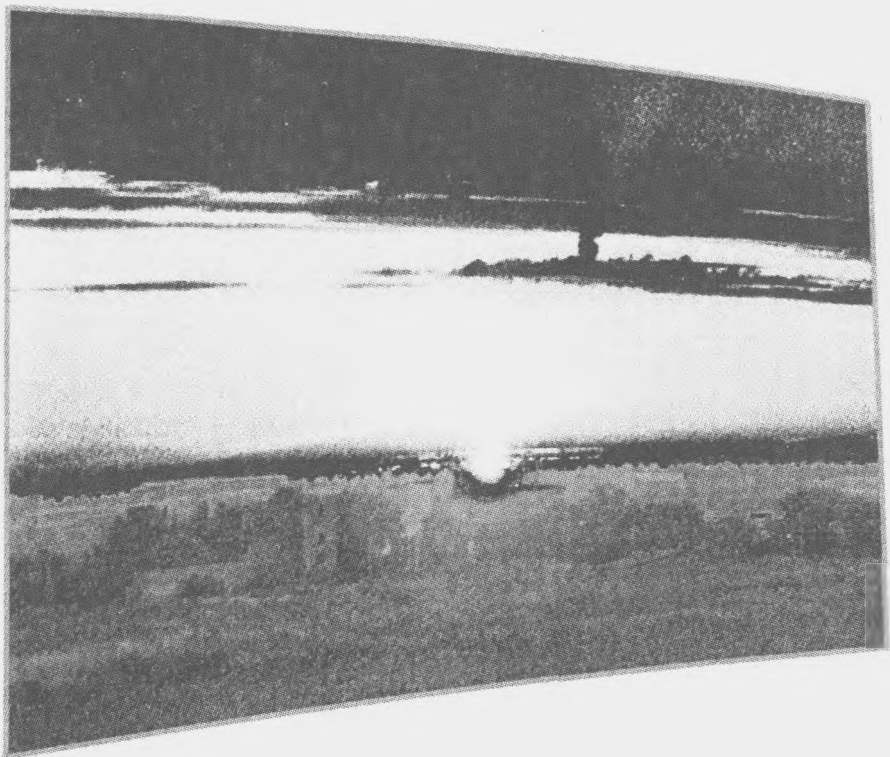
— Где этот Буденновск? — спросил ошеломленный Гусев. Он был уверен, что это где-то под Москвой.

— В Ставропольском крае, — ответил Михаил Барсуков. — Лети прямо в Ставрополь. Там тебя встретят.

— Чеченцы? — поинтересовался Гусев.

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

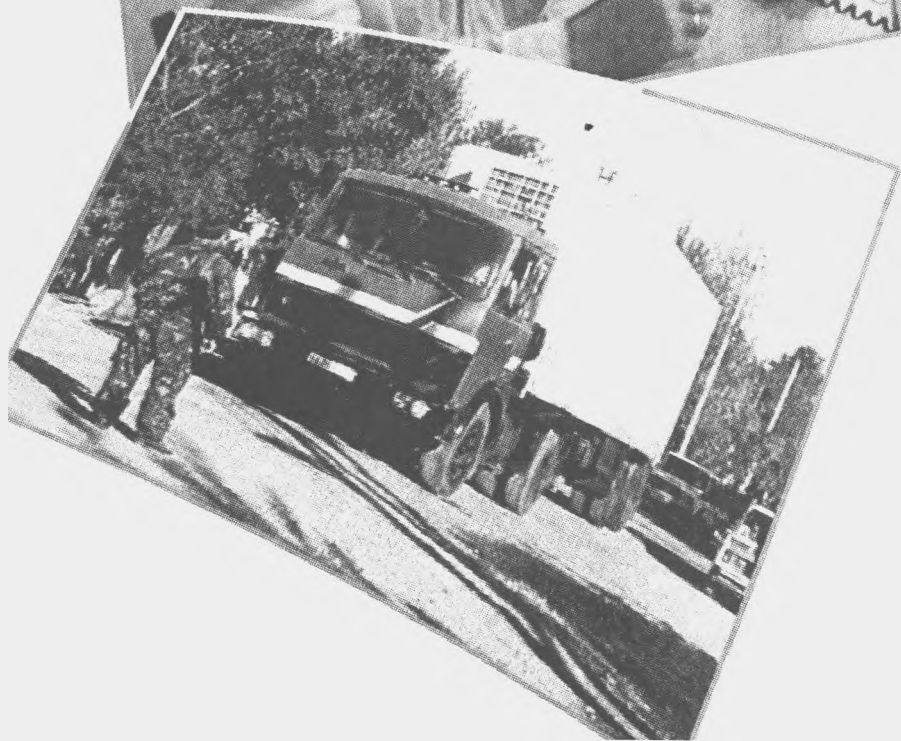
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

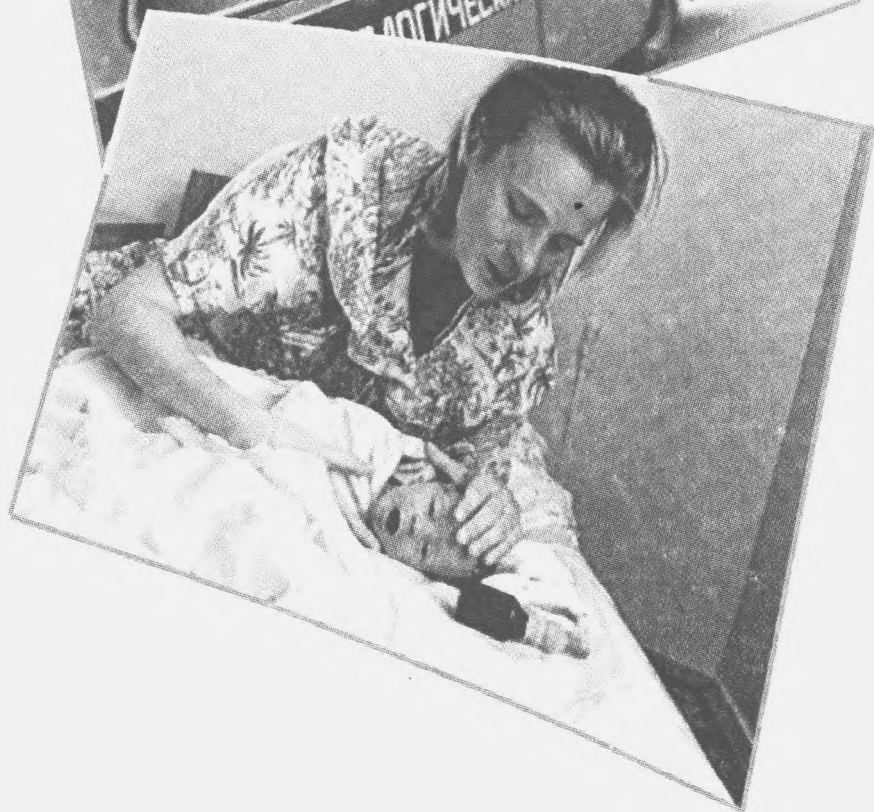
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

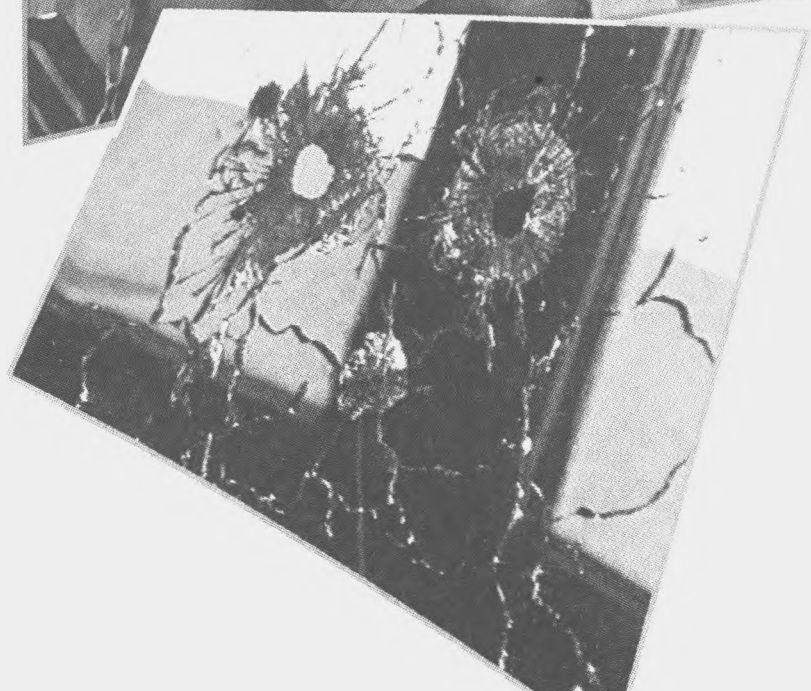
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

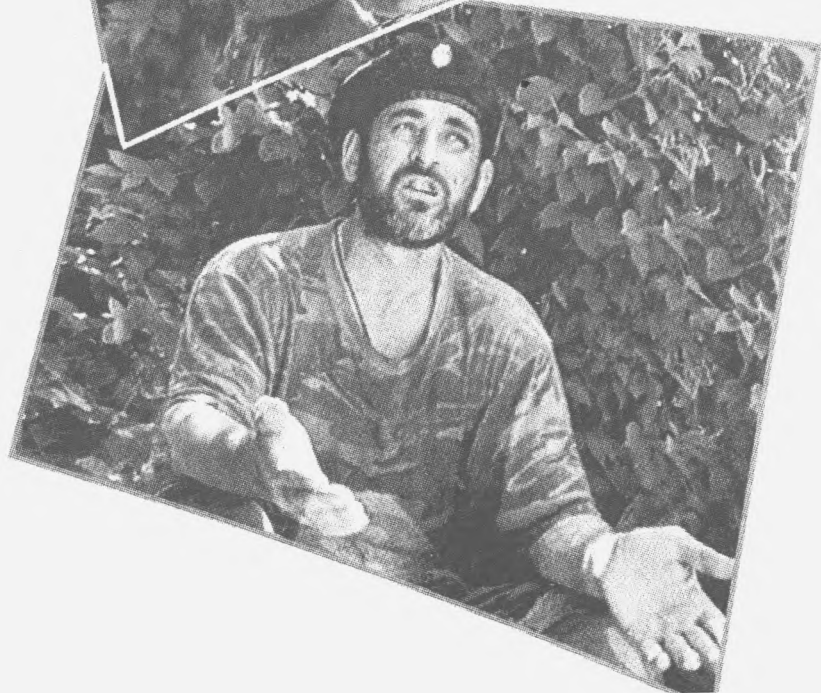
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

— Похоже, что так, — подтвердил начальник ГУО. — Давай не теряй времени.

Шел седьмой месяц чеченской войны, а если быть совершенно точным, ее 187-ой день. Уже 187 дней доблестные чеченцы вели полномасштабную войну с вооруженными силами сверхдержавы; войну, которую генерал Грачев собирался закончить одним полком за два часа, и радовался, получив на эту операцию от президента целых девять дней.

За полгода российская армия успела потерпеть в Чечне несколько позорных и и сокрушительных поражений, обрушив в ответ на маленькую республику и ее народ всю нерастраченную ярость, копившуюся десятилетиями для окончательного торжества коммунизма на планете. Обладая абсолютным господством в воздухе, подавляющим превосходством в артиллерии и бронетехнике, не говоря уже о численности, армия в течение полугода не смогла сломить сопротивление «незаконных формирований» генерала Дудаева, в отместку сравнивая с землей авиабомбами и установками залпового огня города и села, безжалостно истребляя мирное население. Она несла при этом чудовищные потери, главным образом, из-за чрезвычайно низкой боевой подготовки и совершенно бездарного командования.

Четыре месяца длился штурм Грозного. Армейские части, брошенные туда с приказом взять город ко дню рождения генерала Грачева, пьянствовавшего в новогоднюю ночь в Моздоке в компании Сосковца и Егорова, были окружены, уничтожены

или взяты в плен. Груды трупов российских солдат лежали на улицах города, поедаемые собаками, но в мясорубку бросались все новые и новые части.

Артиллерия и авиация методично сносили квартал за кварталом вместе с жителями, подавляющую часть которых составляли русские. На город падали бетонобойные и вакуумные бомбы. Он засыпался термитными, шариковыми и игольчатыми снарядами, запрещенными международными конвенциями, обливался напалмом. Но, несмотря на всю эту адскую поддержку, армия продолжала топтаться на месте, уступая чеченским бойцам в боевой подготовке на всех уровнях — вплоть до дивизионных структур командования и управления в реальных боевых условиях.

Истекшие кровью общевойсковые подразделения были отведены, и в Грозный брошены элитарные части: морская пехота со всех трех флотов — Северного, Балтийского и Тихоокеанского, лучшие части воздушно-десантных войск и знаменитой дивизии, все еще носящей имя Дзержинского. Яростные бои вспыхнули с новой силой, наглядно демонстрируя, что немногочисленным чеченским отрядам по плечу драться и с самыми отборными частями российской армии. Офицер морской пехоты, не стесняясь телекамер, истерически кричал, что если выйдет живым из этого ада, бросит службу к чертовой матери. Полковник воздушно-десантных войск Морев сошел с ума, когда за пять минут боя было уничтожено 80 десантников его части. Сам генерал-полковник Подколзин с расте-

рянным лицом встречал полковника на аэродроме, переведя потрясенного офицера в военкомы. Штаб генералов Рохлина и Бабичева напоминал о самых худших днях обороны Сталинграда: осунувшиеся, небритые лица; земля, сыплющаяся с потолка; непрекращающийся гул канонады.

Снова завывала и застонала Россия от похоронок. Всюду — от Владивостока до Смоленска, от Североморска до Ставрополя плачущая медь военных оркестров сопровождала цинковые гробы, а молодые вдовы прятали в черных платках распухшие от слез лица. Военные госпитали и больницы заполнялись ранеными и искалеченными. Цифры потерь скрывались не только от страны, но и от самой армии. Солдатские трупы не убирались и не хоронились или сбрасывались без учета и счета в братские могилы.

Уже начали попадать в мясорубку легкомысленно развязанной войны первые генералы и полковники. Всех поражала небывалая в истории войн убыль именно офицерского состава, достигавшая, в среднем, чудовищной цифры 20 процентов от общего числа потерь. Солдаты, лишённые офицеров, становились легкой добычей противника.

Постепенно армия стала снимать с себя знаки различия, превращаясь в разношерстное формирование, которое порой уже невозможно было отличить от противника.

Сотни солдатских матерей, чьи сыновья были брошены на убой в нелепой и некому не нужной войне, ринулись в Чечню на поиски своих детей

и увозили найденных с собой, чего также еще никогда не знала история войн.

Бился в истерике и сам генерал Грачев, которого газеты, фактически наплевав на все попытки властей ввести цензуру, называли «самым бездарным полководцем в русской истории». «Гаденьши! — орал Грачев в микрофон на весь мир, имея в виду уполномоченного президента по правам человека Сергея Ковалева и председателя думского комитета по обороне полковника Юшенкова. — Враги России! На них ведь клейма негде ставить!» «Мои солдаты, восемнадцатилетние парни, умирают за Россию с улыбкой на устах! 175 — патетически кричал министр обороны, видимо, временно спятивший, как и полковник Морев, от истинных размеров потерь. Но и он не знал точной цифры.

«Гаденьши и враги России» — Сергей Ковалев и Сергей Юшенков удостоились этих эпитетов от министра обороны все лишь за то, что просили и умоляли прекратить бойню и начать с чеченцами переговоры. Остановить хотя бы для того, чтобы собрать и похоронить собственных убитых. Никто не слышал и не хотел слышать.

Впрочем, это не совсем так. 26 декабря президент Ельцин, вышедший к этому времени из больницы с исправленной носовой перегородкой, на очередном заседании Совета Безопасности, презрительно скривив губы, отозвался о Сергее Ковалеве как о гнусном изменнике, желающем лишить российскую армию законной победы и спасти бандитский дудаевский режим.

Напомним, что Сергей Ковалев — политический узник коммунистических времен, прошедший 10 лет в ГУЛАГе, — занимал пост уполномоченного по правам человека при президенте Ельцине. В тот момент он находился в Грозном, где тысячи русских людей (не говоря уже о чеченцах) уже потеряли основное право человека — ПРАВО НА ЖИЗНЬ — под бомбами и снарядами, которые обрушивал на них президент Ельцин, как Верховный Главнокомандующий.

Все газеты и телеэкраны мира обошли страшные кадры, показывающие восьмилетнего русского мальчика Мишу Еливанцева, которому русской бомбой оторвало обе ноги выше колена. Когда над городом появились бомбардировщики, Миша, как и все мальчишки, выскочил на улицу, чтобы посмотреть на них, и угодил под бомбу. Ему еще повезло — пять его товарищей были разорваны взрывом на куски.

Извинились ли перед его матерью и им самим Президент или министр обороны, или играющий роль интеллигентного аристократа главком ВВС генерал Дейнекин? Даже и не подумали. Помните «старые» времена, когда в дни августовского путча погибли три человека, и президент Ельцин, положив руку на сердце, скорбно заявил: «Простите меня, что я, ваш президент, не смог защитить ваши жизни»? В октябре 93-го, когда жертвы исчислялись уже сотнями, никто не дождался от Ельцина подобных слов. А теперь ему и подавно было уже не до этого. Мать Миши много позднее получит

20 (двадцать!) тысяч рублей компенсации за искалеченного ребенка. А таких были тысячи!

Именно об этом Сергей Ковалев направлял отчаянные призывы из Грозного в адрес Президента, требуя прекратить небывалое безумие и напоминая, что оно происходит в российском городе и на территории, которую Россия считает своей. Президент молчал, и когда Ковалев, в конце концов, пробился к нему с докладом о положении дел в уничтожаемом городе, прося объявить на православное Рождество хотя бы краткое перемирие для уборки трупов и эвакуации раненых, коротко бросил: «Еще рано». Единственное, что мог на это ответить всегда сдержанный и интеллигентный Ковалев, были слова: «Мне стыдно за президента».

А бойня, между тем, продолжалась. После нескольких месяцев героического сопротивления чеченские бойцы были вытеснены из руин Грозного, где еще в течение нескольких недель сражался батальон Шамиля Басаева. Сталинград 43-го года, Дрезден после бомбардировки его союзной авиацией, Варшава после отхода из нее немецкой армии — вот те сравнения, которые можно было применить к городу Грозному, когда над руинами бывшего дудаевского дворца был поднят, наконец, российский флаг. Картина была жуткой до неправдоподобия. Ничего подобного люди не видели после окончания второй мировой войны. Даже бомбардировавшийся в течение 10 лет американцами Ханой и столь же долго русскими Герат — не

дают представления о том, во что была превращена столица республики Ичкерия. Руины Грозного и картины идущих там ожесточенных боев не сходили с экранов телевидения и первых полос газет. Огромные панорамные фотографии уничтоженного города снабжались хлестким заголовком: «Конституционный порядок».

Но с падением Грозного война не окончилась. Она, понастоящему, только началась. Весь мир с ужасом и недоумением смотрел на этот кровавый беспредел, который Москва устроила на территории собственной страны. Европа могла лицедреть, что ждало бы ее, если бы не удалось повернуть этот мощный заряд агрессивного безумия вовнутрь. Взбесившийся хищник в ярости стал кромсать своими страшными когтями самого себя и, рыча, грызть собственный хвост.

Шел третий, четвертый, пятый, шестой месяц войны. Героическое сопротивление чеченцев не прекращалось, вызывая восхищение всего мира. Чеченские бойцы демонстрировали примеры величайшей доблести и самопожертвования. Подрывали себя гранатами, чтобы не попасть в плен, таранили набитыми взрывчаткой грузовиками колонны и штабы русской армии, взрывались вместе с мостами, врезались на поездах в воинские эшелоны.

Все эти долгие дни генерал Дудаев оставался неуловимым. Он ездил по всей Чечне то на дорогах «иномарках», то на бронетранспортере, то на тракторе; выступал перед населением; проводил съезды чеченского народа; выступал по постоянно дейст-

вующему подпольному телевидению; выпускал газету «Ичкерия»; давал многочисленные интервью российским и иностранным корреспондентам; координировал действия своих отрядов, всюду пользуясь спутниковыми системами связи и управления. Стоило Дудаеву неделю не давать знать о себе, как армия устами самого Грачева, а ФСК — устами Степашина, Соболева и Михайлова начинали распускать через средства массовой информации сообщения, якобы пришедшие по их оперативным каналам, о том, что Дудаев либо ранен, либо убит, либо бежал за границу. Один раз генерал Михайлов тонко намекнул даже на то, что Дудаев пойман.

Но через несколько дней Дудаев вновь возникал на экранах телевизоров или звонил по спутниковой связи на «Радио Свобода», давая всем понять, что слухи о его гибели или поимке «оказались несколько преувеличенными». Тогда все генералы, видимо позабыв, что они говорили накануне, начинали успокаивать общественное мнение размышлениями о том, что Дудаева еще не убили и не поймали только потому, что он никому и не нужен, хотя Генеральная прокуратура без суда объявила его государственным преступником, находящемся во всероссийском розыске, украсив портретами генерала милицейские стенды (особенно на вокзалах) даже в Чите, Хабаровске и Владивостоке.

Между тем, вся ярость истекающей кровью армии, как и следовало ожидать, повернулась против мирного населения. Задуманная депортация че-

чеченцев провалилась, но сотни тысяч русских, спасаясь от бомб и снарядов «родной» армии и справедливо опасаясь чеченской мести, в панике бежали из Ичкерии, затопляя Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области. Все имущество и жилища этих людей были уничтожены, родные убиты, судьбы исковерканы, а на территории России, как легко можно было предвидеть, они оказались никому не нужными. Им отказывались предоставить даже статус беженцев.

Что касается чеченцев, то подавляющее большинство их предпочитали погибнуть у родных домов или вместе с ними. Круглосуточно в небе Ичкерии свирепствовали российские штурмовики и боевые вертолеты, обрушивая на набитые беженцами села и аулы смертоносный груз бомб и ракет, а в «освобожденном» Грозном в вырытые экскаватором рвы и ямы навалом сбрасывались обезображенные трупы детей, женщин, стариков и неопознанных русских солдат.

Все попытки журналистов и общественности добиться у президента Ельцина какого-нибудь объяснения происходящего истребления народа наталкивались либо на молчание, либо на ответы, выглядывшие чудовищными на фоне всего того, что люди ежедневно видели на экранах телевизоров и читали в газетах.

«Военные действия, — объяснял президент во время поездки в Липецк окружившим его журналистам, — в Чечне не ведутся. Армия занимается там созидательным и восстановительным трудом».

Через пару месяцев Ельцин почти слово в слово повторил это же выражение в присутствии президента США Клинтона, прибывшего в Москву на празднование 50-летия общей победы во Второй мировой войне.

За это же время генерал Грачев, по меньшей мере, четыре раза объявил об окончании «военной фазы» в Чечне и о передаче всех дел МВД. А, между тем, бои продолжались с нарастающим ожесточением. Однако, по сравнению с декабрем, когда волна кровавого безумия захлестнула Кремль, обстановка изменилась самым радикальным образом, хотя далеко не все это увидели. Чечня сделала мощнейшую заявку на свое право национальной независимости. И отрицать это право столь же обоснованно, как до 11 декабря, уже не мог никто.

В течение всей фиксированной истории человечества никто никому не подносил национальную независимость «на тарелочке с голубой каемочкой». Иначе, как с оружием в руках, ее еще никому не удавалось добиться. Сама Россия билась за свою независимость в течение долгих 400 лет. Москва и другие русские города выгорали как и Грозный, дотла в процессе этой борьбы; кровавыми памятниками истории остались сражения, где русские воины, поголовно погибая, устилали своими костями фундамент русской государственности. А в горящие русские города и села врывались каратели, вырезая жителей и уводя их в вечное рабство.

Почти 50 лет боролись за свою независимость Соединенные Штаты. Горели до основания Филадельфия, Вашингтон. Под гром пушек английских кораблей истребляла население королевская морская пехота. И до сих пор, несмотря на события двух мировых войн, отчужденность отчетливо проявляется между англичанами и американцами, хотя они составляли некогда единый народ с одной верой, традициями и культурой. Ведь тех, кого впоследствии стали называть американцами, послали в свое время из Англии за океан осваивать королевскую колонию; а они взяли и подняли мятеж против короны, а фактически против собственной страны. Им это не до конца забыли до сих пор, хотя прошло уже больше двух веков.

Скоро уже 50 лет, как бьется за свою независимость Израиль, и этой борьбе пока не видно конца.

И если в декабре 1994 года даже президент Клинтон ничего не знал о Чечне и даже не ведал толком, где она находится, то теперь любой фермер из Арканзаса, не знающий, где находится Россия, знал о Чечне, поскольку страшные события, происходящие в этой крошечной республике, он ежедневно наблюдал по телевизору и читал о них в газетных заголовках первой полосы. Чечня оказалась наводненной иностранными корреспондентами. Несколько американских журналистов уже погибли там, или пропали без вести. Делегация ОБСЕ прибыла в Грозный с посреднической миссией. На всех совещаниях и конференциях политические деятели Европы и США говорили о Чечне

и о России все с большей и большей озабоченностью. Оппозиционный Клинтону американский конгресс уже требовал прекратить всякую экономическую помощь России, пока та не выведет из Чечни свои войска. В Европе звучали призывы ускорить прием бывших стран Варшавского пакта в НАТО, пока с ними не поступили, как с Чечней.

Правда, все эти голоса звучали еще недостаточно громко. В принципе, преобладал цинично-холодный политический расчет: если России так нравится воевать на собственной территории, то пусть воюет сколько ей заблагорассудится, пусть подрывает свои последние силы!

Действительно, отдача получилась во много раз сильнее выстрела. Весь мир с нарастающим удивлением следил за тем, как армия, державшая в страхе и напряжении весь мир в течение пятидесяти послевоенных лет, неся огромные потери, не могла победить какие-то экзотические иррегулярные отряды, вооруженные, главным образом, легким стрелковым оружием, при полном отсутствии каких-либо эффективных средств ПВО.

Стало очевидным, на каком низком уровне находится боевая подготовка даже элитарных частей этой армии, как неэффективна и старомодна у нее система связи, контроля и управления, сколь она недисциплинирована и склонна к стремительному разложению.

«И это армия, которую мы так боялись!» — воскликнул один американский генерал и был совершенно прав.

Одним из главных последствий чеченской войны было то, что Россия потеряла остатки какого-либо влияния в мире, еще сохранившиеся с тоталитарных времен.

Глобальный прогноз западных политологов по поводу того, в каком состоянии Россия входит в XXI-й век, гласил: «Бедна, вооружена и очень опасна». Теперь это утверждение развеялось над Грозным, ушло в небеса вместе с дымом многочисленных пожаров. «Бедна, плохо вооружена и опасность представляет только для самой себя».

Между тем, в Кремле, казалось, этого совершенно не понимали и вели себя так, будто война шла, по меньшей мере, где-нибудь в Анголе. Все попытки, предпринимаемые как внутри страны, так и за границей побудить Москву прекратить огонь и начать переговоры с Дудаевым, наталкивались на стереотипные ответы: «Не может быть никаких переговоров с бандитами, кроме переговоров об их безоговорочной капитуляции и сдаче оружия».

Подобное упорство на фоне сплошных военных неудач выглядело, мягко говоря, странным. Тем более, что большинство планов, которые лелеяли развязавшие эту войну, рухнули. Некоторые — через месяц-два после начала войны, когда каждому стало очевидно, что «блицкриг» провалился; другие — сразу, не успев даже потерять запах типографской краски.

Первым «соскочил» Сосковец. В первые дни после вторжения он был очень активен, постоянно

совершая челночные полеты из Моздока в Москву и обратно. Это он первым, отрицая варварские налеты авиации на жилые кварталы Грозного, придумал и запустил в официальный оборот объяснение: боевики Дудаева, чтобы скомпрометировать российскую армию, сами взрывают жилые дома, имитируя бомбежки города, когда над городом появляются самолеты-разведчики. И что бы вы думали? Многие газеты эту версию, которую не изобрел бы и покойный доктор Геббельс, с удовольствием подхватили.

В первые дни войны Сосковец явно находился в творческом порыве. Затем он всенародно объявил, что большая часть российских средств массовой информации куплена Дудаевым. Правительство знает об этом и собирается отобрать у этих средств массовой информации лицензии. Речь шла, разумеется, о независимых изданиях. Но не только о них.

Выяснилось, что Дудаеву удалось купить весь 2-й канал Российского телевидения, генерального директора которого, Попцова, решили немедленно отстранить от должности. Возник грандиозный скандал. Страну забило в лихорадке с первых же дней чеченской авантюры. И хотя президент Ельцин не постеснялся публично в своем обращении к палатам повторить слова Сосковца о «чеченских деньгах» в российской прессе, набросить планируемую удавку на средства массовой информации не удалось.

Последовал раздраженный окрик из-за океана, с которым невозможно было не считаться — очень нужны были деньги. Еще бы! На расползающийся,

как гнилое полотно, государственный бюджет бросили еще многотриллионный груз дополнительных военных расходов. Потому Сосковец как-то потерялся, ушел в тень, «соскочил». На то он и Сосковец.

Следующим пропал Николай Егоров. Первые дни войны министр по делам национальностей, назначенный в Чечню наместником, выглядел одновременно воинственно и смешно. В офицерской шапке с кокардой, в камуфляже, из которого выглядывала тельняшка, наместник своим опухшим лицом, пустыми глазами и влажными кривящимися губами напоминал какого-то бывшего майора конвойных войск, давно выгнанного со службы за беспорядное пьянство и возненавидевшего за все это человечество.

Запомнился он, главным образом, тем, что ежедневно обещал взять Грозный (один раз даже без боя) и поймать Дудаева, но потом внезапно исчез. Правда, не с таким изяществом, как Сосковец. Сообщили, что наместник подхватил на боевом посту воспаление легких и вынужден был лечь в «кремлевку». Против больничного даже Сталин был бессилён, и президенту не оставалось ничего другого, как назначить нового наместника, которым стал, ко всеобщему удивлению, Николай Семенов, бывший некогда 1-м секретарем горкома в Грозном. О существовании Семенова все уже успели позабыть, и напрасно.

«Золотые кадры КПСС» надежно хранились в президентском сундуке, служившем единственным источником пополнения и замещения руководящих

должностей. И при этом все почему-то продолжали удивляться, почему в стране все идет наперекосяк и не в ту сторону.

«Хотели, как лучше, — постоянно восклицал премьер Черномырдин, — а получилось, как всегда!» Эта фраза премьера мгновенно вошла в дружную семью национальных поговорок.

Как бы то ни было, но после бегства Егорова генерал Грачев остался один расхлебывать кашу, которую, Бог свидетель, заварил совсем не он. Какое-то время вокруг него еще были другие «силовики»: Ерин и Степашин.

Они, видимо, так и войдут в историю все трое, одетые в одинаковый камуфляж, прижавшиеся друг к другу на тесной скамейке: в центре — сам Грачев, справа от него — Ерин, слева — Степашин. Как правило, говорил один Грачев, а сидевшие рядом даже не пытались делать при этом умные лица.

Позднее и «силовики» куда-то исчезли. Сигналом послужила попытка чеченского смертника врезаться в здание штаба федеральных войск в Моздоке на грузовике, набитом взрывчаткой. Вскоре два вертолета без опознавательных знаков обстреляли спецпоезд министра обороны. Что это были за вертолеты, так и не выяснили, отлично при этом понимая, что легко нашлись бы пилоты, с удовольствием выполнившие эту работу всего за 2-3 тысячи долларов США. С тех Грачев в Моздоке не появлялся, а уж Ерин со Степашиным — и подавно.

Итак, «триумфаторы», столь грозно выглядевшие в декабре 1994 года, в марте, можно сказать,

разбежались кто куда, но как можно дальше от зоны боевых действий. А бойня, затеянная ими, продолжалась.

Российское общество, как с ним это часто случилось в прошлом, стало к этой бойне привыкать, как к чему-то далекому и не очень его касающемуся. Газетные сводки и телерепортажи с театра военных действий воспринимались как вполне естественный фон российской действительности.

Православная церковь, глядя на братские могилы, набитые трупами русских солдат и чеченских женщин с детьми, искромсанными шариковыми бомбами или обугленными напалмом, хранила торжественное молчание. Патриарх Алексей не командировал ни одного священника на театр военных действий. Возможно, и правильно, поскольку быстро замолчали те, кто хотел объявить эту войну религиозной — христианства с исламом. Ничего не получилось, поскольку было очевидно, что это война мусульман с безбожниками: если на одной стороне был коран, то на другой безраздельно царствовала водка без закуски. Войска постоянно забывали снабжать продовольствием, а то, что посылалось, разворовывалось по пути.

С самого начала бойни все ждали, что скажет Александр Солженицын, чей громкий голос некогда, как Иерихонская труба, немало способствовал крушению коммунистического режима. Ждали, но совершенно напрасно. Солженицын либо молчал, либо говорил что-то невнятное и неубедительное и невразумительное. Обласканный по возвращению на

Родину президентом Ельциным (и удостоенный жить с ним в одном доме) Солженицын, видимо, добился предела мечтаний в своей сорокалетней борьбе.

Между тем, он еженедельно появлялся на телеэкране с разными аспектами темы «Как нам обустроить Россию», рассказывая сладкие истории о великих деятелях земского движения и благороднейших сельских учителях конца прошлого века, совершенно игнорируя тот факт, что в конце века нынешнего на территории России развязана крупномасштабная война. Когда же через «Литературную газету» великому писателю был задан прямой вопрос о его более чем странном поведении, Солженицын с запальчивостью былых времен воскликнул: «О какой Чечне может идти речь, когда русская школа в таком плачевном положении!» Впрочем, беспощадное время и судьба, идущая зигзагом, делают с людьми еще и не такое.

Заткнули рот и Сергею Ковалеву, пытавшемуся, рискуя жизнью, остановить очередную вспышку державного бешенства, добивающего страну. Начал компанию по шельмованию уполномоченного по правам человека, как мы уже говорили, сам Президент, чьи слова были правильно поняты как директивное указание. Начал Президент, а продолжил руководитель Центра общественных связей МВД полковник Владимир Ворожцов.

Собрав пресс-конференцию и поигрывая глумливой усмешкой, полковник провел аналогию между пребыванием Сергея Ковалева в Грозном, где тот пытался наладить переговоры между Ду-

даевым и командованием федеральных войск, и любым русским человеком, который бы в годы Великой Отечественной войны вдруг вздумал бы отправиться в Берлин и вести какие-то переговоры с Адольфом Гитлером. Высокоинтеллектуальный полковник то ли уже забыл, что война идет на территории России, то ли явочным порядком уже признал Чечню иностранным государством, напавшим на Россию, как некогда «сделала» Финляндия.

— Как бы вы отнеслись к такому человеку, коллеги? — продолжая улыбаться, вопрошал полковник Ворожцов. «Коллеги» присмирели. Конечно, с Гитлером мог вести переговоры только очень плохой человек и изменник Родины.

Разъяснительную работу с журналистами провела и армия. Причем, на очень высоком уровне. Неожиданно собрал корреспондентов командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник Леонтий Кузнецов.

Речь шла о прискорбном непонимании, которое сложилось между армией и прессой. Особенно генерал скорбел по поводу той острой критики, которой средства массовой информации подвергают министра обороны Грачева. Тут генерал оторвал свой взор от бумажки, поднял глаза на журналистов и с солдатской прямоотой брякнул: «Этих хамлюг, которые нашего министра обороны поливают, я бы собственными руками расстрелял!»

Журналисты притихли, видимо, не без оснований полагая, что генерал Кузнецов пригласил их именно для этого — сейчас в прямом эфире и

свершится справедливое возмездие за поношение министра обороны. Убедившись, что его отеческие слова дошли до аудитории, командующий столичным округом продолжал поучать прессу:

— Вы понимаете, что Грачев — наш министр обороны! Вот снимите его сначала с должности, и можете что угодно о нем говорить. А сейчас он же в должности! У него же ядерная кнопка в руках! Если его сильно рассердить, он же и долбануть может!

Генерал сделал паузу и обвел взглядом своих лихих светлоглазых глаз перепуганных журналистов. А затем уверенно добавил:

— И долбанет!

Со столь ярким посланием к журналистской общественности собственной столицы не обращались, наверное, и генералы Чингиз-хана. Обещая подвергнуть ядерному удару всех, кто плохо отзывается о его любимом начальнике, генерал-полковник Кузнецов был просто великолепен, напоминая античного героя, угрожавшего уничтожить Рим за «повреждение нравов».

Справедливости ради, нужно заметить, что Грачев более других тогда нуждался в поддержке. Даже его заместители предпочли демонстративно уйти в отставку, нежели разделять со своим начальником ответственность за чеченскую войну. Многие генералы рангом пониже публично и наотрез отказались выполнять приказы министра обороны, полемизируя с ним через средства массовой информации.

Подобного тоже еще не знала ни одна армия

мира. Задерганный подчиненными, прессой и солдатскими матерями Грачев редко показывался на людях, и наиболее яркими событиями в его несколько потускневшей жизни было то, что генерал сначала вспомнил о Боге, а затем о Жириновском. Находясь с визитом в Грузии, генерал принял святое крещение, а через неделю произвел Владимира Вольфовича из капитанов в подполковники с правом ношения военной формы.

Бойня в Чечне зримо стала разлагать российское общество. Люди постепенно начали привыкать к преступлениям, непрерывно творящимся от их имени. Вместе со своими солдатами, воюющими в Чечне, разлагались в тылу и невоюющие генералы, упивающиеся собственной безнаказанностью и возвращением бывшего милитаризма. Общество начало привыкать к войне и похоронкам, как оно привыкло к инфляции и к деньгам с многими нулями. Реакция населения на войну напоминала средневековую реакцию на чуму: не в нашем городе, и слава Богу! Будем молиться, чтобы до нас она не дошла.

А секретные сводки с театра военных действий, поступающие в Министерство Обороны (но почему-то не читаемые Грачевым), уже бьют тревогу, что никакая другая война (даже афганская) не давала такого количества психозов у военнослужащих. Видимо, потому, что такой войны еще не было. Солдаты, даже отведенные в тыл, не могут уснуть. Почти поголовная алкоголизация армии. Солдаты, не колеблясь, меняют оружие и боеприпасы на водку

и наркотики. Разложение коснулось уже и элитарных войск. Почти полностью истреблена морская пехота Северного флота, дважды сменился личный состав балтийцев, трижды — тихоокеанцев. Число дезертиров превысило самые худшие прогнозы.

Но еще большую тревогу была военная контрразведка. Оказывается, чеченцам известны поименно все противостоящие им на данном участке российские военнослужащие. Известны их фамилии и имена, откуда они родом, имена родных и их адреса. Через боевые громкоговорители противник сообщает об этом войскам, грозя вырезать оставшихся в глубоком и как бы безопасном тылу родных и близких. Это самым подавляющим образом действует на и без того низкий боевой дух личного состава.

Откуда противнику становятся известными эти данные? Откуда он узнает о решениях, принятых командованием, а то и правительством, раньше, чем о тех же решениях узнают в штабах собственных войск? Не проникли ли чеченцы в секретнейшую компьютерную систему управления и связи Министерства Обороны? Или их обслуживает мощнейшая «пятая колонна», орудующая во всех силовых министерствах? Эти вопросы хотя и ставились, ни у кого не вызывали ровным счетом никаких эмоций. Особенно у генерала Грачева. Ему было приказано готовиться к помпезному празднованию 50-летия со дня победы над Германией в 1945 году.

Весь мир собирался праздновать 50-летие окончания войны в Европе, но в Москве, раздираемой комплексами неполноценности, решили праздно-

вать победу, и весь праздник прошел под знаком небывалого психоза. Как у солдат, контуженных в Чечне. Ветераны взрывались аплодисментами при упоминании имени Сталина и требовали от Грачева приструнить прессу. Грачев благосклонно кивал. Самым молодым участникам второй мировой войны было уже под семьдесят. Этим старым, больных и смертельно усталых людей решили надуть в очередной раз те же номенклатурные вожди с той же внешностью, с теми же повадками и с теми же аппетитами.

Помпезные парады в Москве никак не повлияли на обстановку в Чечне. Бои продолжались. Начальник генерального штаба республики Ичкерия заявил, что чеченские войска закончили перегруппировку и готовы перейти в контрнаступление, чтобы отбить свою столицу Грозный у противника. Ему вторил Шамиль Басаев, указав, что закончено формирование нескольких диверсионно-разведывательных батальонов чеченской армии, которые, взаимодействуя с основными подразделениями своей армии, вскоре заставят российские войска уйти из Чечни. Никто не услышал этих слов из-за грома фанфар, прославляющих победу полувековой давности.

Никто не узнал и о том, что одновременно с заявлениями Масхадова и Басаева в бою под Шали, считавшимся по сводкам уже глубоким тылом российских войск, почти полностью погибла рота морской пехоты из сводного полка, недавно прибывшего в Чечню. Все рапорты минобороны о непре-

рывных победах в Чечне (а именно эти рапорты стали постепенно единственным источником информации общественности) были, мягко говоря, очень сильно преувеличены. На территории, которую мотострелки могли пройти вдоль и поперек менее, чем за сутки, ожесточенные бои продолжались уже полгода, и это говорило само за себя, даже не нуждаясь в каких-либо подробностях.

Некоторое сомнение вызывали постоянные заявления о том, что вокруг непокорной республики замкнулось железное кольцо блокады. Вдоль условных административных границ между Чечней, Ингушетией, Дагестаном, Северной Осетией и Ставропольским краем уже были выставлены заставы погранвойск усиленного состава. На всех дорогах в визуальной близости друг от друга располагались бетонированные блокпосты МВД, усиленные бронетехникой. Возникал законный вопрос: откуда же чеченская армия продолжает получать оружие, а главное — боеприпасы, чтобы уже полгода вести бои столь высокой интенсивности?

На все эти вопросы многочисленные российские спецслужбы давали столь же «вразумительные» ответы, что и по поводу национальной принадлежности тех спутников, которыми генерал Дудаев и его подчиненные продолжали пользоваться без всяких помех в течение всего конфликта.

Война принимала формы, совершенно невиданные. Армада из 50-ти боевых самолетов и примерно такого же количества вертолетов огневой под-

держки бомбила никому доселе не известное село Сержень-Юрт. С земли село утюжила тяжелая артиллерия и установки «Ураган», атаковали танки. Впавшие в панику федеральные войска на некоторых участках начали применять боевые газы и иприт. Но тут же выяснилось, что подобное оружие есть и у чеченцев, а исправных противогазов нет ни у кого.

Единственное, чего сумели добиться федеральные войска за полгода ожесточенных боев, — это поднять авторитет генерала Дудаева на небывалую высоту. Тот факт, что руководимая им армия в течение столького времени оказывает такое жестокое сопротивление русской военной машине, позволил забыть и простить Дудаеву все его довоенные грехи. На фоне того, что творила в Чечне российская армия, довоенный режим Дудаева даже уцелевшими русскими жителями Грозного вспоминался как идеал свободы и демократии.

А бедствия продолжали сыпаться на Россию.

В ночь с 26 на 27 мая сильное землетрясение потрясло остров Сахалин, полностью разрушив город Нефтегорск, заселенный нефтяниками. «Хрущобы» из гнилых блоков, которые со спокойной совестью строили в зоне повышенной сейсмической опасности, обрушились все сразу, как по команде, погребя под обломками практически все население поселка.

Катастрофа была страшной и странным образом точно совпала с другой незабываемой катастрофой,

происшедшей примерно в том же районе 90 лет назад — сражением у Цусимы. Но японцы, уничтожившие при Цусиме весь русский флот, на этот раз немедленно предложили помощь своих первоклассных спасателей, чье мастерство оттачивалось в ходе многовековой борьбы с последствиями землетрясений.

Президент Ельцин отказался от помощи, мотивируя это так: «Знаете, я подумал: мы их помощь примем, а они потом, понимаешь, потребуют у нас Курильские острова».

Таким образом, вместе с гибелью Нефтегорска начался и международный скандал такой силы, что Ельцин впервые в жизни был вынужден устами своего пресс-секретаря принести японцам публичные извинения. Брякнул, мол, «неподума́мши». С кем, понимаешь, не бывает! В результате наиболее драгоценные часы, необходимые для спасения людей, заваленных блоками «хрущев», были потеряны, и большая часть населения Нефтегорска погибла. Растроганный президент объявил всероссийский траур.

Последнее время все публичные высказывания президента России вызывали, мягко говоря, некоторое недоумение. «Обстановка в России мне нравится», — сказал он, собираясь в железнодорожное путешествие по стране, которое, впрочем, не состоялось.

Это было сказано в тот момент, когда на территории России полыхала война, с которой эшелонами увозили раненых и искалеченных, а число убитых уже приближалось к 8000 человек. Когда

Ельцина в присутствии Клинтона спросили, что он думает о развязанной им войне, президент, не моргнув глазом, ответил: «Никакой войны, понимаешь, в Чечне не идет. Армия там занимается созидательным трудом по восстановлению народного хозяйства».

Красный, как рак, президент Клинтон слушал «своего друга Бориса», уставившись в стол. Он не стал комментировать эти слова ни сразу, ни после в Вашингтоне. Пусть резвятся сколько хотят, если им нравится заниматься самоуничтожением. Тем более, что кто-то уже придумал выражение о «непропорциональном применении силы в Чечне», что выглядело гладко и лакированно. Так некогда массовое истребление собственного народа было названо «необоснованными репрессиями». Главное не то, что ты делаешь, а как ты все это называешь. Еще слава Богу, как показал скандальный случай с норвежской метеорологической ракетой, Кремль, похоже, не контролирует собственное ядерное оружие. А то поводов для беспокойства было бы гораздо больше.

И, как многое другое, конечно, осталось не услышанным заявление генерала Дудаева о его решении перенести войну на территорию России. Чечня уже достаточно заявила о себе на весь мир. Москва же уже проиграла войну по всем параметрам, хотя еще не понимала этого, как не понимала совсем недавно, что проиграла глобальную войну, пока на ее глазах не стал разваливаться Советский Союз.

На дворе было 14 июня 1995 года. Совсем недавно, 11 июня, разумеется, без особых торжеств

отметили полгода со дня начала войны. На следующий день так же скромно отпраздновали так называемый «День независимости России», вспоминая тот памятный день 91-го года, когда Россия совершила самый невероятный кульбит в своей истории, объявив о «полной государственной независимости от Советского Союза», а только что избранный президент Ельцин публично предложил всем субъектам федерации взять столько суверенитета, «сколько они смогут проглотить».

Генералы Куликов и Трошин доложили, что вверенные им войска продолжают успешный штурм горной части юга Чечни. По данным ФСК и армейской разведки Дудаев находился в Шатое, Масхадов — в Нежень-Юрте, а Шамиль Басаев — в ущелье Дарко.

Они появились внезапно — КАМАЗы в сопровождении легковушки, грубо раскрашенной под милицейские цвета, въехали на центральную площадь сонного степного городка Буденновск, находящегося в 220 километрах юго-восточнее Ставрополя и в 150 километрах севернее чеченской границы.

Тем немногим, кто вообще знал о существовании этого города до 14 июня 1995 года, было известно, что в нем находится крупный химический комбинат, кующий, кроме всего прочего, боевые отравляющие вещества, а также крупный аэродром, откуда штурмовики и боевые вертолеты последние полгода уходили на боевые задания в Чечню. Население города составляло, примерно, 60 тысяч человек. На цент-

ральной площади, как и повсюду, возвышалось помпезное многоэтажное здание бывшего горкома партии, а ныне — резиденция администрации.

Часы над входом в здание показывали 12.30 пополудни, когда из грузовиков стали выпрыгивать люди в камуфляже с зелеными повязками на головах, где затейливой арабской вязью было начертано утверждение о том, что «нет Бога кроме Аллаха, а Магомет — пророк его на земле». Вряд ли на 300 миль вокруг кто-либо здесь умел читать арабскую вязь.

Из кабины грузовика выскочил командир отряда — человек среднего роста, одетый в камуфляж с неизменной тельняшкой, и в мягкой шляпе защитного цвета со слегка загнутыми вниз полями. Такие шляпы когда-то носили пограничники, проходившие службу в Средней Азии и Закавказьи. Это был Шамиль Басаев, который по всем сведениям, исходящим от ФСК, ГРУ и МВД, был блокирован в непроходимом ущелье Дарко на юге Чечни и мечтал лишь о том, как спасти свою шкуру, сбежав через Дагестан а Азербайджан.

Через 15 минут над величественным зданием Администрации, которое по нынешней моде именовалось «Белым домом», взвился зеленый флаг «Свободного волка» республики Ичкерия. А на площади грохотали автоматы, кося мирных жителей. Из разбитого подъезда «Белого дома» с поднятыми руками выводились чиновники администрации, перепуганные и бледные, совершенно не понимающие, что происходит. А вид лежащих на

площади трупов, среди которых были женщины и дети, совершенно отбивал охоту что-либо понимать, заставляя думать лишь о собственной жизни.

Одновременно вторая группа нападающих ворвалась в горотдел МВД, ведя огонь длинными очередями от живота. Милиционеры были захвачены полностью врасплох. Был час обеденного перерыва, многие находились в буфете без табельного оружия. В горотделе были и автоматы, но они даже не были распределены между сотрудниками, хранясь на складе в законсервированном виде. Группа офицеров милиции, отойдя от шока, забаррикадировалась на верхнем этаже и начала отстреливаться. Их штурмовать не стали. Чеченцы подожгли здание УВД и выскочили на улицу, открыв огонь по прохожим.

В этот момент по одной из улиц города случайно проезжал автобус с летчиками из авиагородка. В автобус выстрелили из гранатомета, оставшихся в живых офицеров добили из автоматов. После этого обе группы чеченцев соединились, ведя с собой довольно много схваченных на улицах и в домах людей и прикрываясь ими, как живым щитом. Они направились к городской больнице, превратив ее в свой опорный пункт, а всех находившихся там больных вместе с приведенными из города — в заложников. Над зданием больницы был поднят чеченский флаг.

Было 15 часов 10 минут 14 июня 1995 года.

Через час после этого агентство «Интерфакс» передало по своим каналам сообщение об этом

события с заголовком: «Группа террористов выбита из Буденновска. Среди населения есть раненые». В сообщении, в частности, говорилось: «Боевики, захватившие утром в среду ряд зданий органов власти в Буденновске Ставропольского края, выбиты из этого города и разрозненными группами отходят в сторону Чечни, сообщили «Интерфаксу» в правоохранительных органах. Отдельные группки боевиков при отступлении прикрываются захваченными заложниками».

Как раз в это время премьер-министр Черномырдин, проводящий отпуск в Сочи, собрал в своей резиденции рабочую встречу руководителей северо-кавказских автономий: Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, а также Калмыкии. На встрече обсуждались экономические и политические проблемы регионов юга России. По завершении этого совещания премьер у крыльца своей сочинской дачи с видимым удовольствием пообщался со специально приглашенными корреспондентами российских информационных агентств, рассказав им о понимании федеральным правительством проблем Северного Кавказа.

Корреспондент «Вестей» спросил у главы правительства о возможности распространения чеченской войны на другие регионы России. С явными нотками раздражения в голосе, возникающего у любого человека, когда ему задают дурацкие вопросы, Черномырдин ответил: «Это исключено. Совершенно исключено. Все эти прогнозы... Такое

впечатление, что кто-то так и хочет, чтобы это произошло. Нет, не будет этого распространения. Никто этого не позволит. И никаких распространений не будет! Я вам говорю!»

Когда премьер-министр, закончив общение с прессой, вернулся на дачу, один из помощников с бледным лицом подал ему только что сорванное с телетайпа сообщение о нападении отряда Басаева на Буденновск. Впрочем, это сообщение было одним из первых и, видимо, основывалось на лживых докладах перепуганных «правоохранительных органов». В нем говорилось: «Силы правопорядка с боем выгеснили бандитов из города в южном направлении. Отходя, преступники прикрываются мирными жителями, женщинами и детьми. Всего, по имеющимся данным, бандиты захватили около 200 заложников. По данным правоохранительных органов, основная часть террористов уничтожена и рассеяна. Несколько боевиков уже схвачены и дают показания».

Черномырдин грузно опустился в кресло, пытаясь унять сердцебиение. Затем, пересилив себя, взял трубку телефона правительственной связи и соединился с главой администрации президента Сергеем Филатовым. Тот был уже в курсе, но в общих чертах. Президент в Архангельском, готовится к завтрашнему вылету в Галифакс на совещание «Большой семерки». Он сегодня весь день неважно себя чувствовал, но Коржаков обещал все ему доложить по мере выяснения обстановки. Черномырдин поинтересовался: не прервать ли ему

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

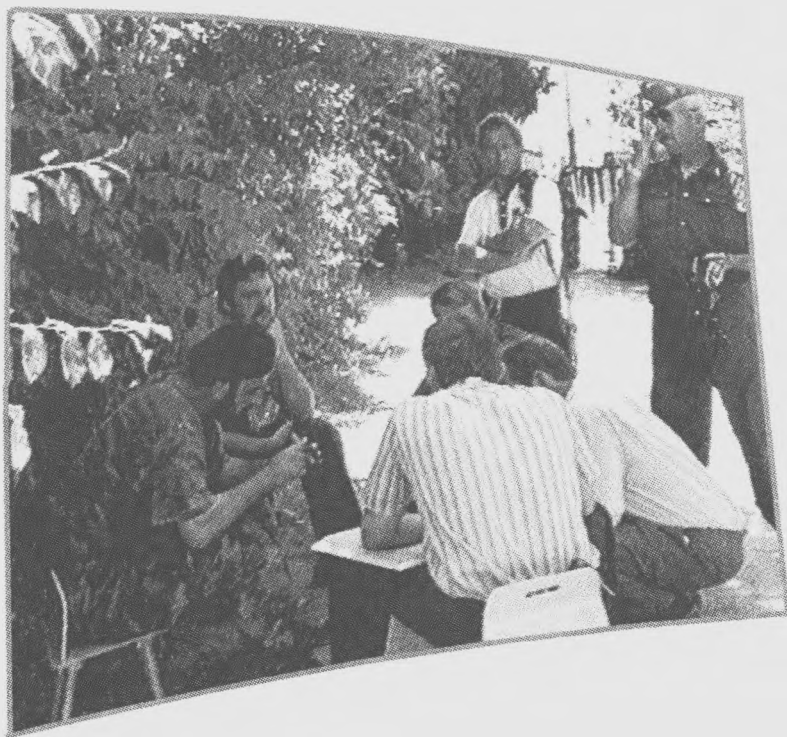
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

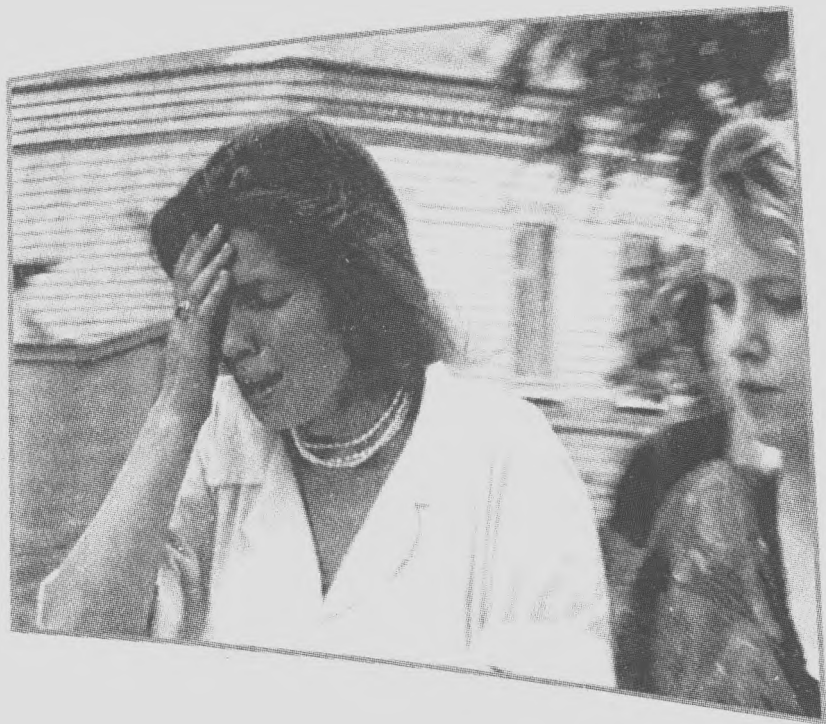
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

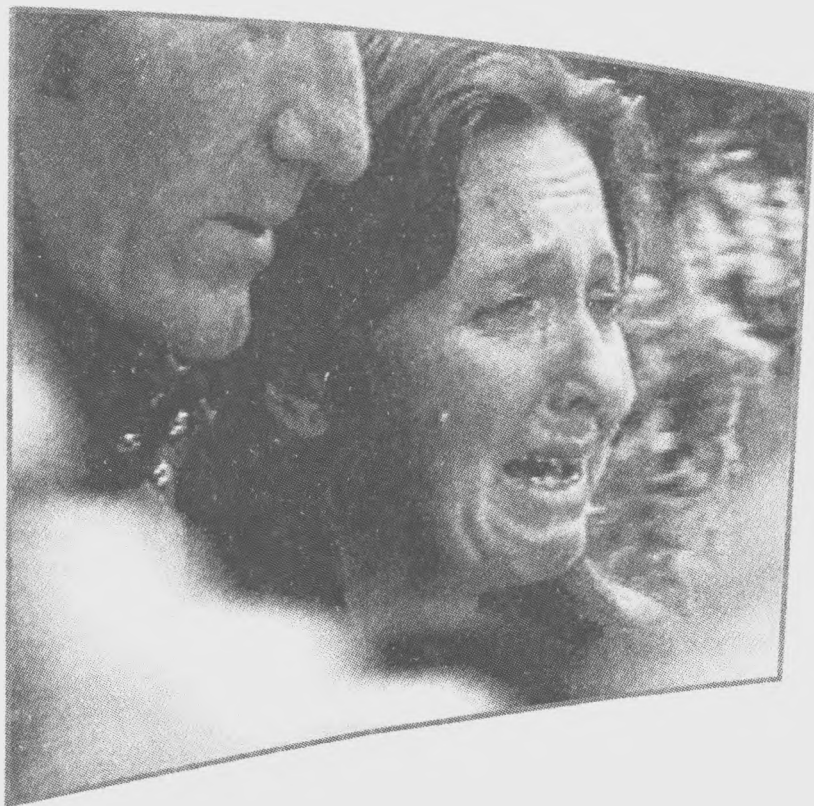
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

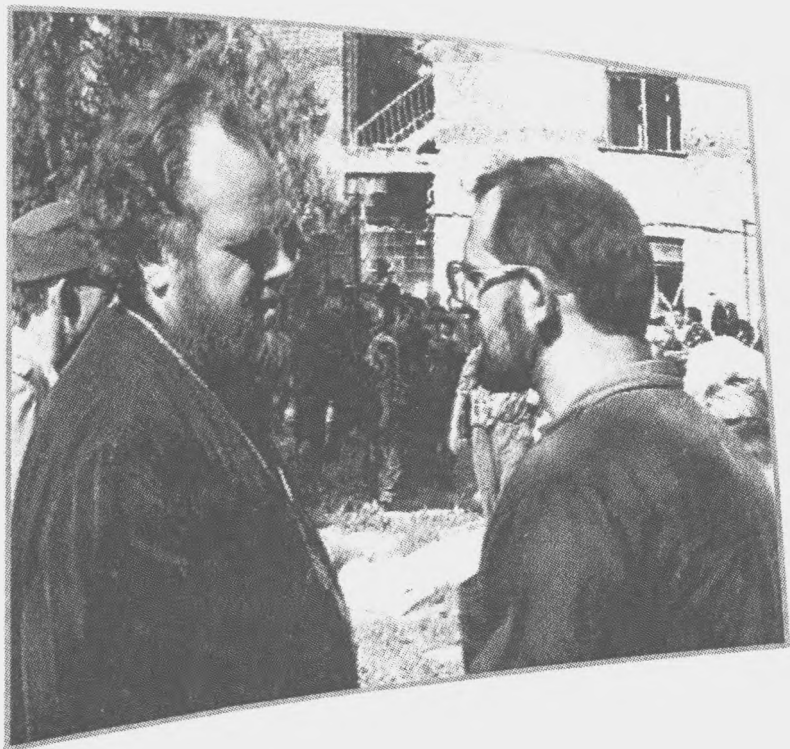
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

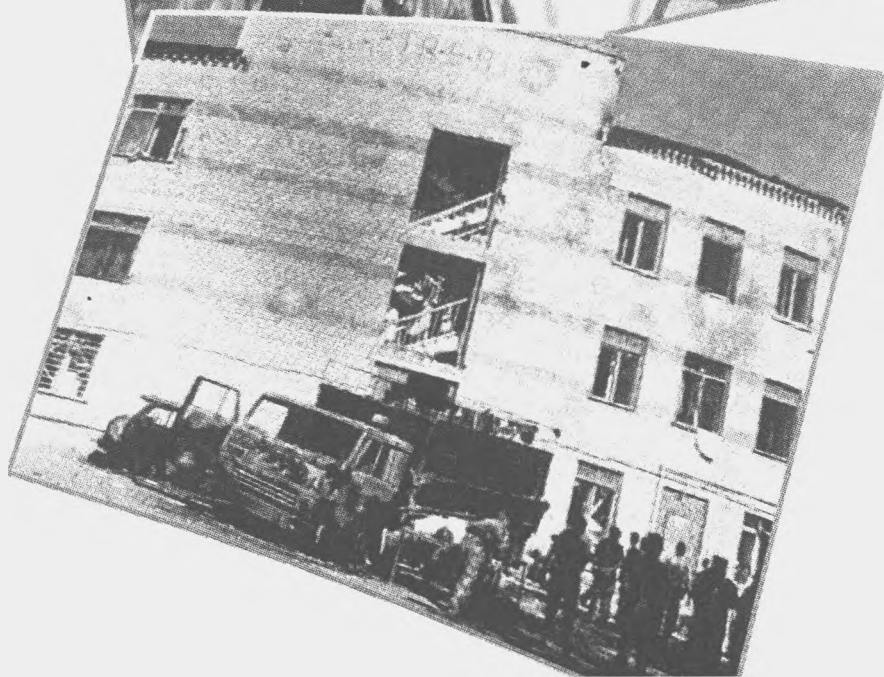
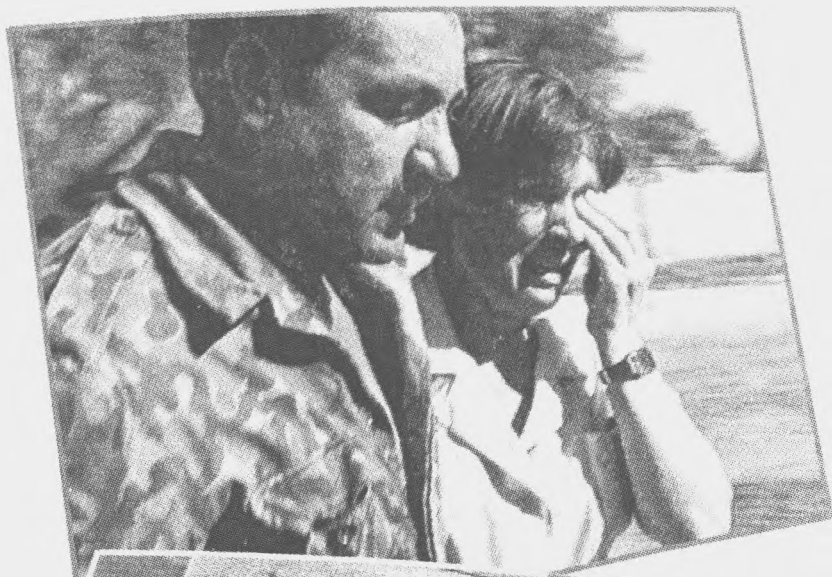
ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БУДЕННОВСКЕ

ФОТОХРОНИКА

отпуск? Филатов ответил, что пока он не видит в этом необходимости.

Затем премьер позвонил в министерство внутренних дел. Министр Ерин находился в Грузии с визитом у Шеварнадзе, и с Черномырдиным говорил один из его заместителей — генерал Евгений Абрамов. В МВД, доложил он, пока поступает весьма противоречивая информация. Генерал Абрамов доложил премьеру, что террористы выбиты из города, но часть из них забаррикадировалась в городской больнице и продолжает удерживать в здании около 300 заложников. Он также сообщил, что руководят террористами лица, «имена которых известны командованию объединенной группировкой федеральных сил в Чечне», и для переговорного процесса уже «привлекаются родственники боевиков». Вместе с тем, он категорически исключил личное участие в операции Шамиля Басаева, который, по всем данным МВД и ФСК, находится на территории Чечни.

Это утверждение заместитель министра внутренних дел повторит еще и на следующий день на брифинге перед журналистами.

Черномырдин связался с находящимся в Тбилиси Ериным.

— Басаев? — удивился простак Ерин. — А как он туда попал?

— Вы меня спрашиваете? — рассвирепел Черномырдин. — Это я вас хочу спросить, как он туда попал?

И бросил трубку.

Олег Сосковец, которому удалось так ловко соскочить с подножки уже летевшего под откос имперского бронепоезда, направленного им в Чечню, был вынужден снова появиться на сцене, хотя по его лицу было видно, с какой неохотой он это делает. Однако, в отсутствие находящегося в отпуске Черномырдина, Сосковец, занимавший к этому времени пост первого вице-премьера, должен был председательствовать на экстренном правительственном совещании, собравшемся вечером 14 июня.

На совещании присутствовал и старый компаньон Сосковца — Николай Егоров, появившийся, как официально сообщалось, после длительного излечения в больнице. Действительно, уйдя со сцены в полном боевом камуфляже, Егоров снова объявился на Божий свет в однобортном костюме и галстукe, растеряв большую часть бывшего воинственного величия. В штатском он выглядел столь же жалко, как и генерал Лебедь. Он печально улыбался каким-то своим мыслям и ничего не говорил, хотя сохранил за собой и пост министра национальностей, и должность вице-премьера. Дела в его министерстве шли блестяще: уже седьмой месяц русские и чеченцы с ожесточением убивали друг друга, обещая сделать этот процесс перманентным.

Что касается Сосковца, то если в декабре и январе его лицо напоминало лик Александра Македонского перед походом в Индию, то сейчас это было недовольное лицо занятого человека, отвлеченного от важных дел какими-то глупостями. В

голосе его уже не было той решимости и железных интонаций, с которыми он совсем недавно обвинял чеченцев в том, что они взрывают дома в Грозном, чтобы создать у мировой общественности впечатление бомбардировок города российской авиацией. Не было и тех разоблачительных прокурорских ноток, с какими он обвинял российские средства массовой информации в том, что все они куплены Дудаевым. Это был раздраженный голос человека, вынужденного в силу обстоятельств заниматься не своим делом.

Сообщив собравшимся, что в Буденновск уже вылетела знаменитая группа «Альфа» и что к городу дополнительно подтягиваются силы МВД, ФСБ, подразделения минобороны и Главного управления охраны, Сосковец объявил, что с «нуля часов» 15 июня в Северо-Кавказском регионе вплоть до особого распоряжения будут закрыты все аэропорты. Летать туда будут только военные самолеты и спецрейсы. Вылеты из Москвы в район Северного Кавказа будут проводиться только по личному распоряжению заместителя министра внутренних дел. Кроме того, еще в ходе совещания Сосковец отдал распоряжение об усилении охраны правительственных объектов, а также детских летних лагерей, находящихся на Северном Кавказе. Попутно он отдал приказ о приведении в состояние полной боевой готовности войск МВД, подразделений ФСБ, пограничных войск и вооруженных сил.

Во всех федеральных ведомствах и учреждениях всех силовых структур устанавливался круглосу-

точный режим работы. Генштабу было предписано привести войска Северо-Кавказского и смежных с ним округов в состояние повышенной боевой готовности, а также усилить охрану всех аэродромов и военных городков.

Затем Сосковец информировал собравшихся, что уже сегодня, 14 июня, с 20.00 правоохранительные органы Москвы переведены на усиленный режим патрульно-постовой службы. Усилена охрана правительственных объектов и метрополитена. Однако, находившийся на совещании представитель московского УВД пояснил, что столичная милиция не в состоянии обеспечить надлежащую охрану 300 важнейших объектов в столице, поскольку у нее для этого не хватает, примерно, 16 тысяч человек. Эти 16 тысяч было решено немедленно перевести в Москву из других регионов России.

Россия реагировала по всем правилам страны, подвергшейся внезапному нападению. Уже в который раз в своей печальной военной истории! А ведь как хорошо начинался сегодняшний день. Курс американского доллара удалось сбить на целых 70 пунктов, доведя до 4766 рублей. Газеты упивались светской хроникой. Наконец, удалось (быстро и без особого шума) выгнать в отставку строптивого генерала Лебеда. Вице-премьер Чубайс попался на многоженстве. Оставив в Петербурге жену и двух детей, он под прикрытием «ваучера» сошелся с собственной секретаршей, нажив с ней еще двух детей. Знаменитую Беллу Куркову приказом Чер-

номырдина отстранили от руководства 5-м каналом телевидения.

Представитель Центра общественных связей ФСБ генерал Михайлов с многозначительной улыбкой поведал телезрителям, что специальное подразделение службы безопасности, имея ордера на арест Дудаева, Масхадова и Басаева, отправилось в горы для совершения правосудия. Правда, Дудаев почти одновременно с Михайловым давал интервью агентству ИТАР-ТАСС, ничего не зная о том, что его уже идут арестовать. С удовольствием продолжал муссироваться слух о скором присвоении генералу Грачеву звания «маршал». Настырные корреспонденты даже проникли в полусекретную мастерскую министерства обороны, где им показали новые маршальские погоны ручной работы.

И вдруг — это известие о Буденновске, свалившееся на Россию с той же неожиданностью, что и недавнее сахалинское землетрясение. Журналисты кинулись в министерство обороны. Там ответили, что ничего не знают.

Более умные помчались на Лубянку. Московское управление ФСБ выразило недоумение: причем тут они? Буденновском занимается федеральная служба, а здесь, в Москве, все спокойно. Ситуация контролируется.

В федеральной службе и вовсе отказались хоть как-то комментировать ситуацию, проинформировав лишь, что начальник ЦОСа генерал Михайлов как раз именно сейчас занят подготовкой заявления для прессы, которое будет передано в информагентства.

В Управлении специальных операций подтвердили, что спецподразделения «Альфа» и «Вымпел» находятся уже на месте событий в полном составе вместе со всем руководством, а о деталях происходящего здесь, в управлении, ничего не известно.

Федеральная служба погранвойск сообщила, что у нее застав на территории Ставропольского края нет. Обращайтесь в МВД.

В МВД царил паника и неразбериха. Сотрудник центра общественных связей полковник Рябцев (знаменитого полковника Ворожцова журналистам разыскать не удалось) высказал оригинальное мнение по поводу случившегося. Во всем виноват легкий доступ всех желающих к камуфляжной форме. Круг пользователей камуфляжной формой, пояснил полковник, настолько велик, что отличить его истинных носителей (то есть МВД, ФСБ и армию) от неистинных (то есть таможен, различные службы безопасности, военизированные отряды, а тем более, чеченских террористов) практически невозможно. Это и позволило боевикам преодолеть с полной выкладкой столь большое расстояние от охраняемых границ Чечни до совсем не охраняемого Буденновска.

Не удалось корреспондентам услышать вразумительный ответ и от исполняющего обязанности начальника Управления охраны общественного порядка столицы подполковника Меньших. Растерянный подполковник честно признался, что понятия не имеет о том, какие распоряжения и кому от-

давал господин Сосковец. В частности, о том, что в Москве милиция должна взять под усиленную охрану все жизненно важные объекты, все выезды и выезды из столицы, а также метрополитен.

И никто, конечно не мог дать ответа на самый главный вопрос: как сотня до зубов вооруженных боевиков смогла из неприступных гор южной Чечни, где она была якобы блокирована, проехать по территории равнинной Чечни, якобы контролируемой федеральными войсками, и добрых полторы сотни километров по Ставропольскому краю, где блок-посты ОМОНа стояли в визуальной близости друг от друга; а затем фактически захватить русский город и несколько часов держать его под своим контролем; захватить, как тогда еще считали несколько сотен заложников и забаррикадироваться с ними в городской больнице.

Было совершенно очевидно, что все многочисленные спецслужбы были полностью захвачены врасплох, несмотря на то, что сам генерал Дудаев много раз предупреждал, что намерен перенести войну на территорию России. Казалось бы, бесчисленные сотрудники ФСБ, МВД, военной разведки и контрразведки, затопившие, по их собственным уверениям всю Чечню, отслеживают каждый шаг дудаевских боевиков по мере «медленного победного шествия» федеральных войск по территории умиряемой Чечни и регулярных спектаклей с водружением российского флага над обугленными руинами очередного села.

Налицо был очередной провал спецслужб вооб-

ще, и в Чечне — в частности. Пока корреспонденты бегали от одного силового ведомства к другому, пытаясь узнать подробности случившегося, пришли свежие новости из Буденновска. Выяснилось, что у захвативших горбольницу чеченцев имеется телефон спутниковой связи, по которому они уже сделали первое заявление.

Объявив, что в их распоряжении находятся более трех тысяч заложников, они потребовали немедленного прекращения военных действий в Чечне, вывода оттуда российских войск и начала переговоров между Дудаевым, с одной стороны, и Ельциным и Черномырдиным — с другой. В противном случае все заложники будут расстреляны.

Количество заложников, объявленное чеченцами, сразу вызвало недоверие. Даже по самым пессимистическим оценкам количество захваченных составляло, от силы, 300 человек с учетом персонала и пациентов городской больницы. Кроме того, все отлично понимали, что ни три тысячи невинных людей, ни тридцать тысяч не остановят власти в их слепом пути по дороге безумия. И это подтвердилось.

К вечеру стала известна реакция президента Ельцина. Устами своего пресс-секретаря Сергея Медведева президент выразил «возмущение» по поводу того, что подобное вообще могло произойти, и повелел Ерину, Степашину и Егорову немедленно вылететь в Буденновск и лично возглавить операцию по уничтожению террористов. Не по спасению заложников, а именно по уничтожению террористов.

Президент был вне себя. Он собирался улететь в Галифакс, где надеялся на основании лживых сообщений своих приближенных объявить лидерам западных стран, что в чеченской войне уже поставлена точка. Президент уже заявлял подобное, по меньшей мере, три раза. И вот нападение на Буденновск превращало желанную точку в злоеющее многоточие...

Между тем, федеральная служба безопасности, опомнившись от кратковременного замешательства, устами генерала Михайлова сообщила, что чеченские боевики имели своей целью взорвать находящийся в Буденновске крупный химический комбинат, что имело бы эффект не меньший, чем в Чернобыле. Однако, благодаря принятым «чекистами» мерам, это удалось предотвратить. Тогда боевики в бессильной злобе кинулись в город, хватая в заложники мирных граждан.

Это была не очень продуманная ложь, рассчитанная только на серость родного населения. Разведке генерала Дудаева было хорошо известно, что завод «Ставропольполимер» уже не принадлежит России, а перепродан голландцам через известный банк «Менатеп». А задевать Запад Дудаев не желал ни при каких обстоятельствах. Кроме того, чеченскому отряду, взявшему на три часа в свои руки целый город, прорваться к практически не охраняемому заводу не стоило никакого труда, как и расстрелять огромное количество цистерн с бензином и мазутом, сгрудившихся на подъездных путях предприятия.

Зачем им было взрывать завод, когда их целью было взорвать Россию?! И это было уже частично сделано.

Первые же сообщения из Буденновска повергли страну в состояние паники и истерики. Беспрерывно звонили телефоны оперативных дежурных МВД и ФСБ от городского уровня до участковых. Взволнованные звенящие голоса граждан сообщали страшные подробности. Чеченских террористов видели то у атомных станций, то у газо- и нефтепроводов, то в районе отдыха детей, а то и у самой кремлевской стены, где они собрались с явным намерением через эту стену перелезть. В Ростове и Волгограде сыпались сообщения, что в разных местах обнаружены целые колонны КАМАЗов с боевиками,двигающиеся по шоссе в разных направлениях; целую группу террористов видели у плотины Цимлянской ГЭС; пилот вертолета в течение четверти часа наблюдал, как колонна боевиков продвигалась по направлению к Краснодару.

Вскоре стало ясно, что силами одной милиции Москву и другие города России не отстоять. В столицу было решено ввести две бригады воздушно-десантных войск. Руководители других городов также потребовали от командующих округами ввести в города войска для охраны русского населения. На Красной площади Москвы и в самом Кремле, грозно ворочая орудийно-пулеметными башнями, встали боевые машины десанта и БТРы. Десантники оседлали кольцевую дорогу, взяли под усиленную охрану аэропорты и подъезды к ним.

Во все отделения УВД полетела директива: «начать профилактику лиц кавказской национальности». Мероприятие было уже отработано.

Если в Москве, не особенно разбираясь, хватало на улицах всех брюнетов («Тяжело брюнетом быть в России!» — заметил еще Чехов), то в Ставропольском и Краснодарском краях все было уже гораздо «круче».

Когда глубокой ночью Ерин, Степашин и Егоров прибыли в Буденновск, город напоминал осажденную крепость, подвергшуюся одновременно землетрясению и наводнению. Набитый войсками и всевозможными спецподразделениями, с заревом каких-то непонятных пожаров, оглашаемый выстрелами на неосвещенных улицах, какими-то толпами людей, стоявших с дикими глазами у неубранных трупов — сонный степной городок, казалось, посвоему переживал последний день Помпеи.

Прибывшие министры немедленно развернули свой штаб в помещении местного УВД, примерно в двух километрах от захваченной больницы. Здание УВД с выбитыми стеклами, простреленными стенами и частично сгоревшими помещениями мало подходило для нормальной работы сановных особ, прибывших из Москвы.

Ерин и Степашин выслушали доклады своих подчиненных. Судя по всему, боевиков от 40 до 60 человек. Вооружены легким стрелковым оружием и гранатометами. Удерживают в больнице около 200 человек. «Альфа» и «Вымпел» уже

прибыли. Завтра разберемся получше в обстановке и будем брать объект штурмом.

Министры с жаром приступили к обсуждению деталей предстоящей операции. Особенно оживлен был генерал армии Ерин. Еще до приезда сюда он сподобился поговорить по телефону с самим президентом. «Всех этих падл уничтожить, — со свойственной ему гениальной простотой приказал президент. — Сутки-полтора подготовьтесь, как следует, чтобы что-нибудь там не натворить, понимаешь, во вред себе».

В отличие от Ерина и никогда не унывающего Степашина, «миннац» Егоров был печален и неразговорчив. Если в январские дни он напоминал впечатлительному Шурику Невзорову «вельможу екатерининских времен», то сейчас это был печальный, уставший, задержанный и не совсем здоровый чиновник эпохи Николая I. Ему страшно не хотелось сюда ехать. Он надеялся, что о нем забудут, как забыли о Сосковце. Ан нет!

До Сосковца, занимавшего пост министра еще во времена СССР, бывшему краснодарскому участковому было так же далеко, как и генералу Дудаеву. Тем более, что чеченская война, планировавшаяся на девять дней, а продолжающаяся уже седьмой месяц, привела дела «Кубанского банка» в полное расстройство. На хвосте у банка сидел «Интерпол», его трясла налоговая полиция, и хотя Николай Егоров считался гражданином республики Кипр, пользуясь в качестве такового налоговыми льготами, это ему мало помогало как на Кипре,

так и в России. В Краснодаре сожгли его дом, а на территории подмосковной дачи было найдено мощное взрывное устройство. Долг составлял около 20 миллионов долларов, и кто охотится за ним — чеченские или московские компаньоны — он не знал. А потому был очень печален. Никогда бы не ввязался в эту авантюру, знай, как пойдут дела.

Как министр национальностей Николай Егоров также выслушал доклад представителей местных властей, которые ещё до его появления инициативно поработали на ниве национального согласия и дружбы народов.

Сразу же после того, как чеченские боевики вместе с заложниками забаррикадировались в городской больнице, в Буденновске и ближних селах, где проживали чеченцы (больше всего их было в поселке Терском), начались повальные обыски и аресты. Многие чеченцы бежали из города. В чеченских семьях, в основном, остались женщины, дети и старики. К вечеру большую группу чеченских женщин и детей привезли в РОВД Буденновска и заперли в подвале, после чего Басаеву было предложено обменять их на заложников, грозя в противном случае всех расстрелять. Басаев холодно ответил: «Это не чеченцы, это граждане России. Хотите — расстреляйте».

Подобными ультиматумами с Басаевым начала обмениваться официальная администрация города и края. Античеченская истерия захлестнула город, перекидываясь на соседние районы. «Смерть чеченцам! Истребить всех поголовно!» — скандиро-

вали на митингах. Многих можно было понять: они только что потеряли родных и близких, часть трупов которых была еще не убрана с улиц города. «Выселить всех чеченцев из района!» — требовали более умеренные.

Казачий атаман Буденновска Маевский, который сам сорвал флаг Ичкерии с крыши здания городской администрации, лично доложил министру по делам национальностей и региональной политике, что после завершения операции по освобождению заложников он намерен «поднять народ на выселение этой беспокойной нации из всех населенных пунктов края».

Все это было в русле именно той национальной политики, которую разработал Николай Егоров, еще будучи губернатором Краснодарского края. То, что для такой страны, как Россия, подобная политика самоубийственна, Егорову не могла бы доказать и целая команда профессоров, этнологов и политологов. Учиться надо в молодости. Тем более, что местные чиновники показали министру листовки, которые уже, примерно, в течение месяца распространялись по территории Ставропольского и Краснодарского краев.

Листовки были подписаны аббревиатурой НОР-ДОС («Независимый особый разведывательно-диверсионный отряд смертников»). В листовке говорилось: «Мы — воины Аллаха. И прежде, чем начать боевые действия, мы решили обратиться к народу России и довести до него наши цели и задачи».

Из текста листовки вытекало, что в задачу отрядов НОРДОС входит «проведение терактов на территории России, подрывная деятельность, уничтожение стратегических объектов, живой силы и военной техники; а также есть план по ведению бактериологической войны: отравление водоемов, пастбищ. ЕСЛИ ПОГИБНЕТ ЧЕЧНЯ, ТО МЫ ГОТОВЫ ПОГУБИТЬ И РОССИЮ. Сегодня в Чечне убивают наших матерей, отцов, братьев и сестер ваши отцы и сыновья. И если они не останутся, то и они узнают чувство, когда гибнут их близкие, ни в чем не повинные люди. Одумайтесь! Остановите эту войну и надвигающийся массовый террор...»

Хотя эти листовки уже около месяца кочевали по югу России, Егоров, Степашин и Ерин впервые ознакомились с их содержанием только в простреленном здании РОВД Буденновска, что еще раз подтверждало «блестящую» работу российских спецслужб. Особенно «приятно» это было читать именно Егорову, поскольку, снова появившись на политической сцене, он не переставал повторять, что «никакой партизанской войны в Чечне быть не может уже хотя бы потому, что у Дудаева для ее ведения нет никакой социальной базы».

Исходя из этого убеждения, а также из аксиомы, что чеченский народ — это сплошная банда преступников, и опираясь на собственный богатый опыт обхождения с чеченскими террористами в районе аэропорта Минеральные Воды, Ерин, Степашин и Егоров, посоветовавшись, пришли к «гени-

альному» умозаключению: нужно предложить Басаеву в обмен на заложников (а министры уже знали, что их минимум — тысяча) два миллиона долларов и самолет, готовый доставить их любую страну по собственному выбору. Это предложение и было сделано Басаеву еще до рассвета.

К великому удивлению «силовики», искренне считавших себя тонкими психологами, столь заманчивое предложение Басаевым было отвергнуто. Он снова повторил свои прежние требования:

1. Прекращение Россией боевых действий в Чечне.

2. Вывод российских войск из Чечни.

3. Проведение переговоров непосредственно между Дудаевым и Ельциным или Черномырдиным.

Подобного в истории международного терроризма еще не было! Как не было и такого числа захваченных заложников. Басаев уверял, что их пять тысяч. В Буденновске полагали, что их тысячи две.

С рассвета 15 июня над Буденновском появились боевые вертолеты. Все улицы были вспаханы и забиты бронетехникой.

Басаев предупредил, что за каждый облет вертолетом здания больницы он будет расстреливать по заложнику. Кроме того, выяснилось, что командир чеченского отряда уже знает о прибытии в Буденновск группы «Альфа» и предостерег власти от возможного штурма больницы, заявив, что намерен расстреливать по пять заложников за каждого своего раненого и десять — за каждого уби-

того. Это, как и следовало ожидать, пропустили мимо ушей, ибо уже существовал приказ о штурме здания. Единственное, что необходимо было обеспечить — это внезапность атаки; а потому всех, кто бы ни подвернулся под руку министрам, уверяли, что никаких планов штурма не существует. Только переговоры, главной темой которых является исключительно освобождение заложников.

Между тем, спецгруппы «Альфа» и «Вега» готовились к штурму. «Альфовские» снайперы заняли ближние подступы к больнице в 110-135 метрах от здания. В бинокли, стереотрубы и прицелы хорошо просматривались позиции чеченцев. Бойцы «Альфы» насчитали пять точек крупнокалиберных пулеметов ДШК и не менее десятка снайперских постов. Огневые точки были замаскированы по всем правилам военной науки. Секторы обстрела перекрывали друг друга. Таким образом, впереди была профессионально организованная круговая оборона. Непрерывный сбор разведанных о противнике, к некоторому удивлению генералов Гусева и Корнилова (командир «Веги»), показал, что террористов больше, чем бойцов «Альфы» и «Веги» вместе взятых, хотя только Гусев привез с собой 130 человек. Методики ГРУ работали без сбоев.

Помимо этого, разведка установила, что у чеченцев имеются несколько тяжелых станковых пулеметов и даже станковые гранатометы, способные утопить крейсер. В дополнение ко всему, у них были бинокли и прицелы ночного видения и миниатюрные японские радиостанции с шифрованным

каналом. Ничего подобного у нищей «Альфы», разумеется, не было.

Генерала Гусева уже мучил вопрос не о том, как Басаев из ущелья Дарко добрался до Буденновска, а то, как он притащил с собой такую уйму тяжелого вооружения. Прослужив большую часть жизни в кремлевском полку, командир «Альфы», разумеется, очень мало знал о настоящей технике диверсионного дела, где Советский Союз преуспел даже больше, чем в тиражировании трудов классиков марксизма, хотя и без рекламы. Оставалось предположить, что все это вооружение складировалось заранее на территории больницы, что еще раз говорило о профессионализме родных спецслужб.

Однако, от предположений и версий легче не становилось. Еще ни одна антитеррористическая группа в мире не попадала в подобную ситуацию. Тысячи заложников в тесном пространстве заминированного здания. Взрывчатка — тротил и кислородные баллоны из больничных запасов — была установлена так, что было ясно: в случае взрыва главный корпус больницы рухнет сразу и похоронит всех под своими обломками. Удалось выяснить, что у бойцов Басаева есть и новинка, еще не поступившая на вооружение российской армии — мина направленного действия МОН-50, при взрыве которой ее начинка (стальные шарики) буквально выкапывает все живое в секторе поражения. Эти «сюрпризы» Басаев выставил на наиболее вероятных направлениях возможной атаки. Все это создавало тупиковую ситуацию.

Впрочем, «Альфе» было не впервой отказаться от выполнения приказа. Так она периодически поступала после скандала в Вильнюсе в 91-м году, в августе 91-го и в октябре 93-го года. Тогда «Альфа» и слушать ничего не хотела по поводу штурмов Белого Дома один раз — когда там сидел сам Ельцин, второй раз — когда Ельцин этот приказ отдавал.

И будь у «Альфы» ее прежний командир, так бы, наверное, и произошло, поскольку он доказал бы собравшимся министрам, ничего не понимающим в подобных делах, что штурм в данных условиях без поддержки танков и авиации невозможен, вполне сознавая при этом, что именно его в итоге сделают виновным в гибели заложников.

Но генерал Гусев так поступить, разумеется, не мог. Это было его первое боевое задание, полученное от самого, понимаешь, президента. Единственное, что он мог еще сделать — это протянуть с началом штурма, ссылаясь на необходимость все спланировать и обдумать...

А тревожно пробудившаяся Москва была несколько успокоена новым заявлением Олега Сосковца, сообщившего, что «в ближайшее время группа чеченских бандитов, напавших на Буденновск, будет ликвидирована, а заложники освобождены». Сосковец в этом не сомневался точно так же, как некогда не сомневался в том, что покорить Чечню удастся за девять дней.

Однако у него было и без того достаточно дел, чтобы заниматься такими мелочами, как налет на

Буденновск. И он настоял на том, чтобы премьер Черномырдин прервал свой отпуск в Сочи и возвратился в Москву. Тем более, что президент Ельцин собирался в Галифакс, и по неписаному закону премьер должен был остаться за него.

Пока ржали и гадали, откажется ли Ельцин, озабоченный судьбой такого числа российских граждан, ставших заложниками «кровожадных бандитов», от поездки в Галифакс, президент рассеял все сомнения, появившись в аэропорту полным решимости улететь из Москвы.

На лице президента еще оставались явные следы вчерашнего недомогания (не следует забывать, что 12 июня был «День независимости», который, по праву, можно считать личным праздником президента), но держался он бодро и уверенно.

Сообщив корреспондентам, что он долго (прямо, как еврей из анекдота, собирающийся в Израиль) колебался — ехать или не ехать ему в Галифакс — он решил ехать. «Дудаевцам, — подчеркнул президент, — не сорвать внешнеполитических планов великой державы. Беспрецедентная по жестокости разбойная акция ставит точку в дискуссии о характере бывшего дудаевского режима. Теперь весь мир увидел, за что и против кого воевали российские солдаты в Чечне». Переведя дух, президент продолжил: «Еще предстоит разобраться в том, как стал возможен подобный варварский акт; почему те, кто отвечает за сохранение законности и правопорядка, выпустили ситуацию из-под контроля».

Такое обещание президента разобраться с теми,

кто снова окунул родину-мать лицом в дерьмо, вызвало целый хор оправданий высокопоставленных «правоохранительных» чиновников.

Заместитель министра внутренних дел генерал Абрамов заявил, что «по имеющимся сведениям, боевики просочились в Буденновск через Дагестан». В этом объяснении наиболее замечательным был глагол «просочились»: с тяжелыми пулеметами и станковыми гранатометами на двух (а по некоторым сведениям — на трех) многотонных грузовиках.

Федеральная погранслужба России полностью опровергла измышления МВД. На границе Чечни и Дагестана уже были развернуты заставы погранвойск. Там никто не мог «просочиться». Боевики, наверняка, шли через границу Ставропольского края.

Генерал Грачев, еле скрывая свою радость по поводу того, что все «силовики», кроме него, оказались в дерьме, решил их еще слегка притопить, сказав со смешком: «Ясно, что террористы ехали через блок-посты, и досмотр транспорта проводился, если он вообще проводился, формально».

Еще до этого Управление печати и информации минобороны дало всем понять, что военного ведомства этот вопрос вообще не касается, отметив, что «вооруженные силы Российской Федерации не принимают непосредственного участия в ликвидации террористов».

Ну, а Федеральная Служба Безопасности оказалась верна своим традициям. Она всех заранее предупреждала о готовящихся «акциях возмездия»,

но ее никто не слушал. Можно было добавить, что Дудаев тоже всех предупреждал.

Позднее всех высказался МИД устами самого министра Козырева. Министр, с самого начала инстинктивно пытавшийся запачкаться в чеченской бойне, а потому измазанный круговой порукой президентского окружения с ног до головы, также был весьма категоричен. «Западу, — заявил он, — вместо того, чтобы читать России нравоучения (Запад всегда «журил» Россию за постоянное желание истреблять собственный народ), следовало бы присоединиться к нам в борьбе с международным терроризмом и изменить свое одностороннее критическое отношение к действиям России в Чечне».

Реакция в самой Чечне тоже была весьма оригинальной, явно свидетельствуя о том, что везде торжествовала одна советская школа, которую прошли все — и русские, и чеченцы. Бывший спикер чеченского парламента Юсуп Сосланбеков заявил, что нападение на Буденновск это «провокация Москвы», которой нужно «подготовить общественное мнение к геноциду чеченцев в России и за ее пределами. Без согласия федеральных органов через пропускные пункты без осмотра не пройдет ни один человек».

Утренние газеты в России и за рубежом отреагировали на событие кричащими заголовками: «Гражданская война на территории России началась», «Дудаев перенес военные действия на территорию России», «Буденновск: удар по тылам. В России началась партизанская война!», «В России

все больше спецслужб, а террористы захватывают города», «Чеченский флаг над русским городом!», «Юг России втягивается в конфликт, подобно североирландскому», «Москва своим решением начать войну против собственного народа загнала себя в угол — выхода у нее уже нет», «Чеченцы убивают наших женщин и детей! Остановить геноцид русского народа!»

Хлынувшие в Буденновск корреспонденты всех информационных агентств срывающимися от возбуждения голосами передавали с места событий: «Буденновск в течение нескольких часов был в распоряжении людей Басаева. По предварительным данным убито 49 и ранено 85 человек. Со всего города на территорию больницы сгонялись заложники, которых, как выясняется, более 1500 человек, включая летчиков авиагородка из состава штурмового и вертолетного полков. Пять офицеров-летчиков уже расстреляны по приказу Басаева «за преступления против чеченского народа».

Руководитель ЦОС ФСБ генерал Михайлов в ответ на вопросы журналистов только пожимал плечами. А что вы хотели? У нас мало сотрудников — всего 176 тысяч, и нет денег. У нас отобраны все спецподразделения, и нет денег. Впрочем, мы предупреждали. И даже предотвратили несколько аналогичных случаев.

Оснований для беспокойства нет никаких. Бандиты будут ликвидированы в самом ближайшем будущем...

А в самом Буденновске события начали развиваться ещё более странным образом. Пока генерал Гусев, ссылаясь на необстрелянность своих людей, делал все, что в его силах, чтобы оттянуть начало штурма, а Егоров, Степашин и Ерин уверяли всех присутствующих, что никакого штурма не будет, в Буденновск прибыл Шеврани Басаев — родной брат Шамиля и был беспрепятственно пропущен в больницу.

После этого отставной генерал КГБ Андрей Черненко, ныне ходящий в заместителях у министра Егорова, неожиданно объявил, что «боевики требуют встречи с российскими и зарубежными журналистами». Он отметил, что «федеральные представители согласны пойти на это и обеспечить такую встречу, если будет подтверждена гарантия безопасности репортеров, но настаивают, чтобы провести эту встречу на нейтральной территории, а не в помещении больницы, как того требуют боевики». Басаев заявил, что если встреча с журналистами не состоится до 20 часов, будут расстреляны 5 заложников. Об этом сообщила местный хирург Вера Чепурина, которую чеченцы специально выпустили из больницы с этой новостью. Но и после этого «силовики», по непонятным причинам, продолжали тянуть время.

Возможно, тут сыграло свою роль разведывательное сообщение, прошедшее по каналам секретной связи и утверждающее, что «Басаев в настоящий момент находится на юге Чечни, где руководит основными дудаевскими силами в Веденском районе».

Люди всегда теряются, когда сталкиваются с мистикой.

Генерал армии Ерин, справедливо полагавший себя старшим среди примчавшихся в Буденновск министров, собрал вокруг себя импровизированный митинг, половину участников которого составляла его личная охрана. Поблагодарив горожан за мужество и героизм, Ерин успокоил их, заявив, что Буденновск находится в тройном кольце оцепления и никому не удастся пробиться в город или вырваться из него. В этом все могут быть совершенно уверены. Обстановка в самом городе контролируется силами милиции и армейскими подразделениями. Временно не работают магазины и предприятия. Он советует жителям не толкаться на улицах, а сидеть по домам. Это был странный призыв к людям, почти у каждого из которых кто-нибудь из родных и близких находился среди заложников в захваченной больнице.

В больнице располагалось и акушерско-гинекологическое отделение, где лежало около 150 рожениц. Часть из них — уже с грудными детьми, часть — в ежеминутном ожидании родов, часть — на сохранении беременности. Было в больнице и детское педиатрическое отделение, где находились матери с малолетними детьми. Их родственники требовали у министра ответа, как он думает их освободить? Будет ли штурм?

— Успокойтесь, граждане! — уверял Ерин. — Никакого штурма не будет. Он даже не планируется. Только переговоры! И не волнуйтесь. Все идет нормально...

Как раз в этот момент пришло сообщение, что Басаев приказал расстрелять пять захваченных летчиков за неприбытие вовремя к нему обещанных журналистов.

Бойцы «Альфы» с занятых ими постов наблюдали за расстрелом. По их словам, они наблюдали, стиснув зубы, потому что стрелять без приказа никто из бойцов «Альфы» не имел права...

Басаев весьма бесцеремонно демонстрировал, кто является хозяином положения, предупредив, что за каждые полчаса задержки будет расстреливать по пять человек. К развернутому в РОВДе штабу неожиданно прибыли заместитель главврача больницы Костюченко и заведующий хирургическим отделением Скворцов, умоляя поспешить с журналистами, поскольку, если прессу не доставят в больницу к 20.00, погибнут ещё 10 заложников.

Автобус с журналистами, наконец, отъехал от штаба. У всех корреспондентов взяли расписку, что они едут в больницу добровольно и что никто отныне не отвечает за их безопасность. Расписки отбирал прибывший вместе с Ериным в Буденновск знаменитый полковник Ворожцов, которого тщетно искали в Москве. При этом полковник продолжал загадочно и глумливо ухмыляться, как человек, владеющий высшей тайной бытия.

На последнем перед больницей российском посту журналистам приказали покинуть автобус, не объясняя причин. Видимо, в страхе за казенное имущество. Далее — около километра — предстояло пройти пешком. Впереди шли врачи в белых

халатах, размахивая руками. Приближающийся главный корпус больницы казался вымершим. При входе на больничных двор журналисты увидели в некоторых окнах одетых в камуфляж чеченцев с автоматами в руках. Из некоторых окошек выглядывали девушки в белых халатах — медсестры и санитарки.

Прозвучал приказ остановиться и началась медленная процедура проверки документов и досмотра. Басаев не без оснований опасался, что под видом прессы в больницу сделает попытку проникнуть «Альфа».

Но «Альфа» мудро никаких попыток не делала. Пара агентов местного ФСБ, получивших приказ внедриться под видом заложников в больницу, была мгновенно разоблачена и расстреляна по приказу Басаева.

Не успели чеченцы досмотреть и треть из числа прибывших журналистов, как со стороны города загрохотали автоматные очереди и над головами корреспондентов засвистели пули. Забаррикадированное здание ошетинилось ответным огнем. Охваченные ужасом репортеры стали напирать на чеченский контрольно-пропускной пункт. Чеченцы разрешили напиранию толпе втиснуться в узкий проход и заперли дверь на железный засов.

Представителей прессы провели на второй этаж, где все пространство было забито сидящими и лежащими заложниками, среди которых преобладали женщины и дети.

Больничных парикмахер стриг несколько заросших в горах басаевских бойцов. Те с удовольст-

вием подставляли свои черные шевелюры под струю освежающего «Шипра».

Не успели дико озирающиеся журналисты хоть как-то привыкнуть к увиденному, как у властей, возможно скрежетавших зубами от ярости за вынужденное выполнение требований Басаева, случился новый приступ истерии. По окнам больницы ударили автоматнo-пулеметные очереди. Еще полчаса назад, наблюдая за расстрелом заложников, «Альфа» не осмелилась открыть огонь, поскольку не имела приказа. Сейчас, когда в здание больницы вошли журналисты, кто-то видимо, этот приказ отдал.

Корреспонденты рухнули на пол, наверное, вспомнив улыбку, с которой полковник Врождцов брал у них расписки о снятии с властей какой-либо ответственности за их жизни. Зазвенели осколки стекла, раздались крики, стоны и все перекрывающий истерический плач детей.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. Воспользовавшись паузой, матерящиеся по-русски чеченцы, переправили журналистов, лежавших на полу вперемежку с заложниками, в подвал, где в окружении нескольких своих офицеров их встретил Шамиль Басаев.

Примерно полтора десятка телекамер были направлены на него, когда спокойным и тихим голосом он сказал:

— У нас маленькая надежда, что хоть кто-то из вас может сказать правду... Я, полковник Шамиль Басаев, командир разведывательно-диверсионного батальона армии Республики Ичкерия. Мы

не собирались захватывать Буденновск. У нас была другая задача. Мы хотели добраться до Москвы, там немножко повоевать и посмотреть, как российские власти будут бомбить Москву. Но вся наша операция сорвалась из-за алчности и жадности постовых гаишников. У нас просто не хватило денег добраться до Москвы. Вот таким печальным образом город Буденновск оказался в заложниках.

Повторив свои требования к российским властям прекратить чеченскую войну, Басаев добавил: «Мы абсолютно не собираемся убивать никого из заложников. Мы расстреляли работников госучреждений — их у нас хватает — в ответ на то, что снайперы ранили нескольких наших товарищей. И дальше будем расстреливать. А женщин и детей расстреливать не будем — мы не маньяки. В крайнем случае, если не будут выполнены наши условия, **МЫ ЗАСТАВИМ ЭТО СДЕЛАТЬ РОССИЙСКИЕ ВОЙСКА.** Пускай приходят и штурмуют. Нам надоело смотреть, как убивают наших женщин, стариков, детей, бомбят наши села... И мы пришли в села российские».

Завершив свое заявление, Басаев выразил готовность ответить на вопросы, которые посыпались со всех сторон.

- Встречалось ли с вами высокое начальство?
- Нет. Ни высокое, ни низкое.
- Кто заложники?
- Граждане Российской Федерации, в том числе чеченцы. Иностранцев мы отпустили.
- Почему вы покупали посты ГАИ?

— От 100 долларов за всех до 5000 рублей за каждого.

— Каковы ваши потери?

— 8 убитых и двенадцать раненых.

— Если ваши требования будут удовлетворены, не продолжают ли чеченцы мстить россиянам?

— Мы мстим потому, что нас довели до крайности. Я не говорю о наших близких, детях, которых убили, о беременных женщинах, о 65 тысячах русских, которых уничтожили, о моих двух братьях, двух дочерях, жене, сестре, которых убили. 11 моих родственников погибли. Дайте нам свободу!

— Вы смертники?

— Все мы с вами смертны. Но для нас не важно, когда умирать. Важно — как.

— Вы смогли бы сделать то же самое в Москве? И какими силами?

— Кремль захватить могли и этими силами, несмотря на 40 тысяч охраны вместе с Коржаковым.

— Почему вы выбрали именно больницу для захвата?

— Сначала мы хотели воевать в центре города, но врачи «скорой» оказались людьми чести и долга. Невзирая на бой, они хватали раненых, в том числе и наших, и увозили в больницу. И мы пошли за своими ранеными товарищами, чтобы ваши солдаты их не добились, как они постоянно поступают.

Корреспонденты пытались выяснить численность басаевского отряда. Тот пояснил, что с ним в рейд отправились 210 человек.

Он снова подчеркнул, что собирался добраться до Москвы, но с сожалением отметил, что «когда нас остановили у Буденновска, у меня в кармане оставалось только 100 долларов».

«Здесь в больнице, — продолжал Басаев, — они устроили фильтрационный лагерь по примеру российских в Чечне. Кандидаты на расстрел отфильтровываются в первую очередь из числа военнослужащих и работников милиции. Он не собирается расстреливать простых людей, а предоставит сделать это российским войскам в случае штурма».

Далее, касаясь стрельбы по больнице в момент нахождения там журналистов, Басаев предположил, что «российские военные лупили именно по журналистам. Если бы он не проводил тщательной проверки внизу и журналисты без промедления проследовали в подготовленную для встречи комнату на втором этаже, то потери среди работников прессы были бы неизбежны, ибо огонь велся именно по этому помещению».

Закончив беседу с журналистами и сообщив на весь мир свои требования, Басаев позвонил в штаб «трех министров», сообщив им, что журналисты сейчас пойдут обратно. Желательно по ним не стрелять.

Из штаба дали разрешение на возвращение прессы.

Гуськом корреспонденты шли по зловеще темной улице, пока не услышали грозный оклик: «Стой! Двигаться по одному! Дистанция 10 метров. Приготовить документы для проверки!» Это уже были свои.

Многих журналистов тут же начали допрашивать по поводу наличных сил отряда Басаева, их вооружения и размещения по этажам.

К этому времени директор ФСБ Степашин пришел к выводу, что и он должен внести свою лепту в дело сохранения военной тайны и достижения элементов внезапности в связи с предстоящим штурмом.

А потому он дал интервью газете «Комсомольская Правда», которой его ведомство всегда покровительствовало и даже рекомендовало не менять своего названия, хотя никакого комсомола в стране уже давно не было. «Чтобы потом не стыдно было», — говорили «чекисты», намекая на то, что вскоре комсомол вернется на руках у обожаемой партии...

«Какие действия будут предприниматься в ближайшее время?» — спросил Степашина корреспондент, на что шеф ФСБ ответил:

— Будем вести переговоры. Задача одна: СПАСТИ ЛЮДЕЙ.

Между тем, появление Шамиля Басаева на телевизионных экранах всего мира, помимо всего прочего, поставило крест на версии, что налет на Буденновск — это «провокация Москвы» или «новый Гляйвиц», как выразился министр иностранных дел Дудаева — Шамседин Юсеф.

Если в самом начале акции Басаева Дудаев, еще не зная, как повернутся события, полностью откестился от участников рейда, заявив, что «ни я, ни администрация, ни правительство, ни отдельные службы Чечни не отдавали приказа на проведение подобного рода акций на территории России», то

уже 15 июня вечером, министр юстиции Чечни Руслан Имаев в телефонном интервью признал: «Мы неоднократно предупреждали Российское руководство, но оно не вняло разуму».

Почти одновременно ответственность за события в Буденновске взяла на себя доселе неизвестная организация «Воины Ислама», претендующая на то, что действует от имени всего мусульманского населения бывшего СССР. «Жестокость и убийство чеченской нации заставляют нас встать на путь Джихада».

«Будем честны, — призывала Галина Ковальская на страницах «Нового Времени», — Буденновск — не совсем тот террор, который нам обещал Дудаев, не совсем то, чего мы с затаенным страхом ждали. Террористическая группа в 200 человек, разбеется она на тройки и начни работать по методу какой-нибудь ИРА... Страшно подумать, во что могла превратиться жизнь российских крупных городов...»

Жизнь российских крупных городов и так трясло от напряжения.

Милиция и ОМОН хватили на колхозных рынках всех, хотя бы отделённо напоминающих выходцев с Кавказа. В центре Петербурга была задержана группа итальянских туристов; в Москве — схвачена делегация студентов Алжира. Конечно, перед ними приходилось извиняться и затем отпускать, но от этого правоохранительные органы свирепели еще пуще. Один из милицейских начальников, в чьей голове в связи с последними событиями перепутались все понятия и инструкции, сказал в телеинтервью: «Простите мне мой АНТИСЕМИ-

ТИЗМ, но мы получили приказ задерживать и проверять всех лиц кавказской национальности».

В самом же Буденновске Николай Егоров попытался связаться с Басаевым по телефону. Говорить ему пришлось с одним из заместителей Басаева — майором Асламбеком Абдулхаджиевым, бывшим в свое время военным комендантом Шали.

Егоров снова предложил чеченцам деньги и самолет в любую точку земного шара в обмен на освобождение заложников. Абдулхаджиев подтвердил министру по делам национальностей требования, уже несколько раз декларируемые Басаевым, повторив, что в больнице 5000 заложников и они все будут уничтожены, если условия Басаева не будут удовлетворены. Егоров попросил выпустить хотя бы детей. Абдулхаджиев напомнил, что у всех, кто входит в отряд Басаева, дети родные погибли под русскими бомбами. И они пришли сюда не торговаться, а умирать. Мысленно все воины Ислама уже расстались с жизнью.

На это Николаю Егорову было совершенно нечего ответить, кроме как громко выругаться. За ним еще хвостом ходил выпущенный из больницы заместитель главного врача Костюченко, постоянно напоминая, что в руках у чеченцев не менее 2000 человек, умоляя министра пойти на уступки, прекратить облеты и обстрелы здания. Раздраженный Егоров приказал врача более к себе не подпускать.

Между тем, президент Ельцин в самом лучшем расположении духа прибыл в Шотландию, готовясь

к перелету в Галифакс. Если до отлета Российский Президент уверял всех и каждого, что «фактически «большая семерка» уже стала еще большей «восьмеркой», то его ждало быстрое, глубокое и болезненное разочарование.

Премьер-министр Канады Жан Кретъен специально предупредил Ельцина, чтобы тот не появлялся в Галифаксе раньше пятницы пополудни. Некому встречать, некому привечать. На лицах западных лидеров читалось откровенное недоумение: как можно покидать свою страну в такой момент, когда под угрозой жизнь тысяч россиян, даже если уже не считать россиянами чеченцев. Никто из них так поступить бы не мог, хотя бы из чувства ответственности перед своими гражданами и избирателями. А с чем, собственно, Ельцин поехал в Галифакс?

С общими словами обеспечения ядерной безопасности и с «новаторской» идеей достижения быстрого мира в Боснии, в которую никто, кроме него самого не верил.

Поэтому, по прибытии в Галифакс, Президента России повезли в цирк, где он отвел душу, хохоча до слез.

С утра 16 июня разразился грандиозный скандал в Государственной Думе, собравшейся на чрезвычайное заседание. Вся повестка дня была посвящена Буденновску. Приглашенные на заседание замминистра внутренних дел Евгений Абрамов и заместитель директора ФСБ Николай Ковалев что-то блеяли с трибуны, ясно показывая, что не владеют

абсолютно никакой информацией о Буденновске, кроме официально опубликованной. Зато оба, воспользовавшись случаем, подняли очередной плач по поводу нехватки людей и денег у своих служб. Николай Ковалев пошел даже дальше, подчеркнув необходимость восстановления для службы безопасности тех функций и прав, которыми обладала госбезопасность в период существования СССР.

Иначе работать невозможно, подчеркнул высокопоставленный «чекист».

Это произвело впечатление, однако, далеко не на всех. Дума, раздраженная своей полной бутафорностью, когда важнейшие государственные решения принимались не только без ее одобрения, но даже и без ведома, взорвалась, требуя отставки правительства, и, в первую очередь, силовых министров. Отделенная от Президента чем-то напоминающим звуконепроницаемое стекло, она попробовала хотя бы сейчас, в столь трагедийной обстановке, докричаться до Главы государства, пригрозив ему импичментом.

Спикер Думы Иван Рыбкин, которого Президент ввел в свой Совет Безопасности, имел задачу «укрощать» наиболее буйных депутатов, но сейчас, перед лицом Буденновской трагедии, он не мог сделать ничего другого, как попытаться отвести направленный на Президента удар в сторону «силовиков».

«Прорыв террористов из Чечни в Буденновск произошел при попустительстве МВД и ФСБ, — заявил он. — 12 и 13 июня руководителям правоохранительных органов, служб безопасности и во-

инских подразделений была направлена шифровка о возможных прорывах бандитских группировок». При этом «спикер» не пояснил, кто направлял эти шифровки в ФСБ и МВД. Казалось, это они должны были отправлять подобные шифровки во все инстанции?

Маневр Рыбкина остался без внимания, и вышедший на трибуну лидер фракции ДПР Сергей Глазьев (наследник знаменитого Травкина), потребовал немедленного голосования вотума недоверия правительству, ссылаясь на то, что у него уже есть необходимые подписи депутатов. Выступивший следом лидер фракции «ЯБЛоко» Григорий Явлинский, открыл атаку на Президента, гневно воскликнув: «Борис Ельцин должен был не в Галифакс ехать, а в Буденновск!»

Его неожиданно поддержал лидер коммунистов в Думе Геннадий Зюганов, сам метивший в президенты. «Президенту надо не в Галифаксе сидеть в качестве «шестерки» в предбаннике у «семерки», а в Буденновске!» Потребовав немедленной отставки правительства, Зюганов предложил депутатам список альтернативного органа управления, блистающего фамилиями провокаторов и проходимцев, известных еще с августовского путча: Сергея Бабурина, Светланы Горячевой, Николая Губенко, Василия Стародубцева и Амелды Тулеева.

Однако, эта попытка коммунистического прорыва к власти была внезапно отражена главным либералом страны Владимиром Жириновским, который обвинил Зюганова в попытке создать ГКЧП-2,

а власти — в создании нынешней ситуации на Северном Кавказе, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение и не допустить проведения выборов.

«Все идет по сценарию, — заверил лидер ЛДПР коллег-депутатов, — нужна война, чтобы сорвать выборы». Затем Жириновский со свойственной ему безапелляционностью заявил, что вскоре президент Ельцин будет смещен и власть в стране захватят Михаил Горбачев, Гавриил Попов и Александр Лебедь. Избежать такого развития событий можно только восстановив КГБ, доведя его численность до миллиона сотрудников, увеличив при этом и армию до четырех миллионов человек, перейдя попутно к губернскому административно-территориальному делению страны и разрешив ношение оружия депутатам.

Затем в Думе, как всегда бывало после выступлений главного либерала, началась ругань, грозящая перейти в драку. Обстановку разрядил кто-то из коммунистов, злорадно крикнув: «А где же Сергей Ковалев? В Грозном он постоянно появлялся, а что-то в Буденновск не спешит!»

Поднявшийся Егор Гайдар информировал депутатов, что уполномоченный Президента по правам человека уже на пути в Буденновск.

Сергей Ковалев, которого Дума уже успела отстранить от поста председателя комитета по правам человека, находился в это время в Германии, в связи с присуждением ему Премии Свободы имени Хоккера. Едва услышав о событиях, он немедленно прервал поездку и вылетел в Москву, а оттуда в

Буденновск. К нему присоединились депутаты от «Выбора России» Михаил Молоствов, Александр Осовцов и Юлий Рыбаков, которые всю зиму сидели вместе с ним под «родными» бомбами в Грозном. К ним также присоединился депутат от фракции «ЯБЛоко» Валерий Борщев.

Подоспевшие к этому времени газеты разных направлений продолжали взывать к общественному мнению страны броскими шапками заголовков: «Кровавый вызов всей России! Зеленый флаг Чечни над русским городом должен всем открыть глаза на простой факт: несдающего врага необходимо уничтожить!»

«Война в Чечне закончилась — началась бойня в России!»

«Русский город — заложник чеченцев», «Отныне Россия незащищена перед терроризмом». «Москва увязла на годы в кровавом болоте».

«Выходом из тупика, — отмечала парижская «Либерасьон», — являются переговоры с Дудаевым, но это — политическое самоубийство для любого российского политика».

Тем временем ФСБ, раздираемая желанием принести какую-то пользу в начавшейся общенациональной борьбе с чеченским терроризмом, неожиданно совершила налет на отделение «Чечен-Пресс», расположившееся в одном из домов в самом центре Москвы и функционировавшее в течение всех прошедших шести месяцев с момента начала войны, хотя было создано несколько раньше. Там же находилось официальное представи-

тельство Чечни в Москве, возглавляемое личным представителем Дудаева — Хаматом Курбановым, имевшим со своим президентом спутниковую и компьютерную связь.

Хамат Курбанов вместе с женой Ольгой жил в Москве около 15 лет и лишь в октябре 1994 года согласился представлять в Москве правительство генерала Дудаева. При этом он не только не скрывался, но вместе со своим пресс-атташе Рамзаном Музаевым посещал многих должностных лиц в Москве, всем предъявляя подписанные Джохаром Дудаевым верительные грамоты, объясняя политику своей страны и прилагая усилия, чтобы избежать войны.

16 июня существовавшее более полугода отделение «Чечен-Пресс» было объявлено «резидентурой дудаевской разведки», а Хамат Курбанов, естественно, «резидентом». В помещении «Чечен-Пресс» и на квартире Курбанова были проведены обыски. Никаких следов оружия и боеприпасов там не обнаружили, зато нашли камуфляжную форму, фотографии, блокноты с записями телефонов, в том числе приемной Ельцина, а также досье из газетных вырезок на политических лидеров различных направлений.

Все это уже не вызывало ничего, кроме горького смеха. Особенно учитывая, что все эти действия творились на основании указа Президента об усилении борьбы с бандитизмом. Точно также, как указ Президента об усилении борьбы с фашизмом привел к обыску не, скажем, в Русском Нацио-

нальном Единстве, чьи ребята откровенно носят свастику на рукавах, а, непонятно почему — у Валерии Новодворской. Такая уж у нас власть...

Наступившая пятница не принесла никаких видимых результатов в деле освобождения заложников. Представители федеральных силовых ведомств каждый четный час связывались с Басаевым по телефону, настойчиво предлагая ему два миллиона долларов и самолет в Ливию. С такой же монотонностью Басаев повторял свои прежние требования.

Созвонившись с Москвой, «силовики» подняли сумму до трех миллионов долларов. Басаев снова отказался. Сколько же он хочет? Степашин, Ерин и Егоров многозначительно переглядывались. Ну и аппетит у этого волка!

Во время многочисленных инцидентов с «чеченскими» террористами в аэропорту Минеральные Воды с ними всегда удавалось договориться на сумму, не превышающую два миллиона долларов, а то и за половину. Правда, Дудаев что-то там говорил, что это провокация Москвы с тем, чтобы подготовить общественное мнение страны к вооруженному вторжению в Чечню. Но кто его слушал? Какое вторжение? С ума что ли сошел этот чеченский маньяк? А, оказывается, он просто хорошо знал методы, в которые Москва сама и поверила. Где это видано, чтобы чеченец отказывался от двух миллионов долларов. Единственной причиной может быть только то, что он хочет больше.

И они продолжали торговаться, давая возмож-

ность «Альфе» подготовиться как следует к штурму, чтобы «понимаешь, не сделать чего-нибудь там во вред себе».

«Альфа» готовилась, хотя и без всякого энтузиазма. Среди бойцов «Альфы» (о, времена, о, нравы!) шныряли корреспонденты различных агентств, включая и западные. Одни офицеры от них раздраженно отмахивались — вас только сейчас и не хватало! Но другие охотно давали интервью.

— Сколько погибнет заложников, если вы пойдете на штурм? — спросил корреспондент «Радио «Свобода» одного из «альфовцев».

— Все, — не задумавшись даже на мгновение, ответил офицер.

— А вас сколько погибнет в этом случае? — поинтересовался журналист.

— Три к одному, как минимум, — вздохнул боец «Альфы». — Мы же не можем использовать артиллерию и авиацию в данных условиях.

Он помолчал и добавил: «Пусть лучше политики разбираются. Они эту кашу заварили. У них уже должны быть «мальчики кровавые» в глазах».

«Альфовец» не зря скорбел об отсутствии у них артиллерийской и авиационной поддержки. Полгода чеченской войны уже успели продемонстрировать такую разницу в боевой подготовке чеченских бойцов и российских солдат, что любой так называемый «контактный бой» с чеченцами приводил только к огромным потерям с российской стороны

убитыми, ранеными и пленными, не давая никаких, что было особенно обидно, даже тактических результатов. Пара дюжин чеченских ополченцев могла в течение месяца держать оборону населенного пункта, отбивая из автоматов и гранатометов все попытки российских войск этим селом овладеть, да еще умудряясь ездить на ближайший базар, где российские солдаты торговали боеприпасами.

Поэтому чеченцев, по всем правилам лжтеории покойного генерала Дуэ, решили «выбомбить» из войны, благо в классическом случае применения этой теории, предлагающей вести войну исключительно военно-воздушными силами, у противника не должно было быть авиации вообще.

Именно так в Чечне дело и обстояло. Бомбы и снаряды сыпались на населенные пункты каждые 15-20 секунд. Только от одного грохота взрывов синели и умирали от разрыва сердца дети, не считая тех, кого убивало осколками и обломками рухнувших домов. В некоторых случаях подобная тактика срабатывала: мирное население, не выдержав этого ужаса, само просило повстанцев уйти из села и отдавалось на милость победителей. Например, в Самашках или в станице Асиновская.

Но в большинстве случаев применение в полном объеме тактической теории старого итальянского генерала только множило количество бойцов армии генерала Дудаева. Потеряв детей, отцы — вчера еще мирные крестьяне — решительно брались за автоматы. Они не любили генерала Дудаева, но убийц своих детей — ненавидели, а Дудаев был

единственным символом национального сопротивления уже совершенно отчетливой политике геноцида со стороны обезумевшего московского руководства. Случись то, что произошло в Буденновске, где-нибудь на территории Чечни, здание больницы без секунды колебаний разнесли бы в щепень бомбами вакуумного взрыва и тяжелыми снарядами дальнобойной артиллерии, сколько бы там ни было больных и заложников.

Но в Буденновске рассчитывать на поддержку авиации и артиллерии, главным образом из-за перепуганного и растерявшегося руководства, не приходилось.

К сожалению, в Буденновске поллюбоваться на дело рук своих собрались не все, кто полгода назад столь легкомысленно «вляпался», по словам министра иностранных дел Козырева, в чеченскую авантюру.

Егоров, Степашин и Ерин — и это было весьма символично — пытались, на этот раз нервно и испуганно, расхлебать заваренную ими же кашу. Но какие из них были бойцы, если вспомнить, что двое в прошлом являлись участковыми, а третий — преподавателем марксизма-ленинизма в Пожарном училище.

Ведь как не хватало в Буденновске генерала Грачева!

Как бы они замечательно смотрелись все вчетвером, как в славные дни штурма Грозного!

У генерала Грачева, следившего за бездарными действиями своих сообщников, по его собственным словам, «руки чесались приехать в Буденновск поруководить», и можно себе представить, что бы осталось от города, когда в небе над ним появилась

бы поднятая Грачевым авиация для нанесения точечных ударов по больнице.

Думается, что будь президент Ельцин в тот момент в Москве, он бы разрешил Грачеву немного поруководить. Но Президент, по словам Геннадия Зюганова, к счастью, сидел «шестеркой» в предбаннике у «семерки», а Грачев, которого не пустили в Буденновск, с удовольствием одаривал общественность своими комментариями происходящего. Сообщив для начала, что он бы освободил больницу в Буденновске за час(!) — довольно большое время, если вспомнить, что всю Чечню генерал собирался освободить за 2 часа*.

Грачев, как бы отвечая на выдвинутые Басаевым условия, добавил: «Переговоры с лидерами чеченских вооруженных формирований вестись больше не будут**». Необходимо проведение «специальной операции». Я бы не хотел, чтобы события в Буденновске повлияли на ситуацию в Чечне».

Таким образом, как ни крути, «Альфа» была брошена на произвол судьбы без авиации и даже без артиллерии и танков. Правда, можно было надеяться на поддержку боевых машин пехоты и четырехствольных зенитных установок «Шилка», способных беглым огнем мгновенно уничтожить любую стационарную цель.

* По аналогии можно предположить, что под руководством Грачева сражение за больницу в Буденновске продолжалось бы 3 месяца.

** Речь идет о переговорах, которые безуспешно пыталась наладить ОБСЕ.

Генерал Гусев, перебирая в уме различные приемы борьбы с терроризмом, несмотря на столь огромное количество заложников в здании, а может быть именно поэтому, поскольку аристотелева логика здесь неуместна, решил остановиться на наиболее эффективном — так называемом методе «шквального огня». Все, занимающиеся борьбой с терроризмом (а опыт уже был накоплен огромный) знают, что террористы, внезапно захватывающие какой-нибудь объект, в силу самой специфики своих действий, не могут притащить с собой большое количество боеприпасов. Ну, скажем, не более пяти-шести автоматных рожков на брата плюс несколько гранат. В то же время предполагается, что антитеррористические подразделения имеют неограниченный запас боеприпасов, который им постоянно подвозят. Поэтому антитеррористическая команда, открыв по террористам шквальный огонь, либо создает условия, когда те не могут высунуться из-за укрытий и под прикрытием огня врывается в здание, либо, вызвав ответный шквальный огонь, ждет, когда у террористов кончатся боеприпасы и берет их голыми руками. Этот прием всем хорош кроме одного: жизнь заложников тут в расчет вовсе не принималась, поскольку все жертвы списывались на убитых террористов.

Не спешите только обвинять генерала Гусева, а тем более — его подчиненных в безжалостности и тому подобных вещах. «Альфовцы» — люди служивые и обязаны только выполнять полученные приказы точно и в срок, как того требует Устав.

Если в последние годы их мысли часто уходили куда-то за пределы получаемых приказов, то это — результат общего падения дисциплины не только в армии, но и в стране в целом.

Поэтому вспомним, что Президент по телефону Ерину, а чуть позже — всенародно по телевидению приказал: «Всех этих падл уничтожить!» И хотя он не разъяснил, кого именно он имел в виду под этим изящным термином, ясно было одно: Президент никого спасать не велел, а велел уничтожить «падл», скорее всего имея в виду чеченцев Басаева. Что «Альфа» и собиралась сделать без особого, повторяем, энтузиазма, но методом «шквального огня».

Снайперы «Альфы» уже время от времени постреливали по окнам больницы, когда в них появлялись любопытные головы, главным образом — женские, и, как правило, не промахивались, подтверждая свое высокое профессиональное мастерство.

А однажды какой-то БТР, как будто всбесившись, вдруг стал бить по окнам из своего крупнокалиберного пулемета. Потребовалось минут пятнадцать, прежде чем удалось успокоить солдат, у которых, по вполне понятным причинам, сдали нервы. Поэтому где-то к обеду Басаев объявил, что у него уже накопилось около 30 трупов, вид которых нервирует живых, и попросил их вывезти. Как ни странно, но распоряжающиеся всем «силовики» немедленно согласились. При этом соблюдался какой-то странный ритуал.

Из больничного двора выехал груженный трупами мебельный фургон. Откинув задний борт, он

вплотную подошел к подъехавшему задним ходом огромному рефрижератору. Обе машины были оцеплены солдатами спецназа. Как из фургона передавались в рефрижератор трупы погибших — никто не видел, но на землю упал залитый кровью смятый погон подполковника авиации. Машины стояли долго. Затем мебельный фургон поехал обратно в больницу. Позднее по Буденновску прошел зловещий слух, что из рефрижератора, приняв трупы, передали Басаеву цинки с патронами и новенькие гранатометы.

Между тем, впавшие в отчаяние жители города, чьи родственники находились в больнице в числе заложников, собрались на стихийный митинг, требуя, чтобы кто-нибудь из руководства «штабом» объяснил им ситуацию и шансы на освобождение их близких. После двух часов истерических криков, переходящих в массовое рыдание, перед несчастными людьми появился Николай Егоров. Ему сейчас бы очень пошла камуфляжная форма с тельняшкой, как в январе. В штатском министр национальностей выглядел не столь убедительно. Видимо, он руководствовался не столько состраданием к буденновцам, сколько желанием обеспечить внезапность удара «Альфы», поскольку поклялся, что высшая цель для прибывших из Москвы министров — жизнь заложников.

За эту цель, пояснил он, федеральные власти готовы заплатить любую цену. Будет сделано все, уверял Егоров, чтобы не допустить продолжения

кровопролития. «Правительство, — патетически восклицал министр по делам национальностей, — готово выплатить любую сумму за жизни заложников». Более того, оно готово предоставить им самолет в Минеральных Водах и обеспечить возможность их беспрепятственного вылета в любую страну, готовую их принять.

Говоря это, Егоров уже отлично знал, что Басаев успел за это время три раза отказаться от денег и отлета в «любую страну». Он также знал, что штурм неминуем, что в ходе него погибнут много родных и близких тех людей, что жадно слушали его слова, и тем не менее на конкретный вопрос о штурме вице-премьер и министр по делам национальностей Николай Егоров в присутствии нескольких сотен жителей Буденновска и журналистов ответил следующим образом:

Вариант штурма неприемлем. По оперативным данным, в больнице по всем этажам развешены связки толовых шашек и расставлены канистры с бензином. В подвале же здания, пояснил Егоров со знанием дела, находится 16 баллонов со сжатым кислородом, обложенных взрывчаткой. Если вся эта взрывная мощь сработает, спасти будет уже некого.

Обеспечив сохранение военной тайны, Егоров покинул митинг и поспешил на совещание, которое проводил с руководством города прибывший губернатор Ставрополя Евгений Кузнецов.

На совещании обнаружилось факты, которые создали истерическую атмосферу. По поступавшим

секретным данным от местного и центрального руководства ФСБ, Буденновск неизбежно должен был в самое ближайшее время подвергнуться новому нападению чеченских отрядов, спешащих на выручку Шамилю Басаеву. Кто и зачем снабжал Буденновск подобной «дезой», точно установить не удалось, но, сдаётся, этим занималась ФСБ для создания видимости своей бурной деятельности. Однако, цели своей они достигли — городское руководство было приведено в состояние полной паники. Не стесняясь присутствия сановных посланцев Москвы и губернатора, руководители города кричали, что Буденновск, по существу, не охраняется.

В микрорайонах нет света, они никем не патрулируются — даже милицией; нет ни одного БТРа хотя бы на перекрестках. Все силы сконцентрированы вокруг чрезвычайного штаба в здании РОВДа, где собралась высокопоставленная рать из Москвы. Трудно себе представить, что произойдет, если в город ворвутся новые отряды чеченской армии?!

Даже сейчас, когда в окрестностях города находятся боевики (очередная «деза», полученная от ФСБ), жизненно важные городские объекты охраняются лишь символически. В любую минуту на любом из них можно ждать беды.

Буквально при этих словах в кабинет, где происходило совещание, вбежал растерянный начальник районных электросетей, сообщив о том, что в районе подстанции завязался бой с новым отрядом боевиков. Паника достигла предела. В район боя были немедленно брошены армейские подраз-

деления и часть «Альфы». К счастью, удалось быстро выяснить, что никаких новых боевиков там нет. Перестрелку затеяли две группы ОМОНа, не знавшие в темноте друг друга.

Местные начальники ждали, что скажут прибывшие из Москвы руководители. Тем сказать было решительно нечего. Это были уже не руководители, а отвратительная накипь долгой лжи и военных неудач, сметенная в Буденновск надвигающимся разгромом...

Местное начальство, потеряв всякий чиновный страх, стало говорить прибывшим министрам и генералам все, что оно о них думает. Было высказано мнение, что «Надо их отправить обратно в Москву и заниматься освобождением заложников самим и только через переговоры. Раз профукали — надо идти на уступки, а то нам московские генералы здесь такого натворят — не расхлебаем!»

Евгению Кузнецову с трудом удалось привести совещание к должному чиновочитанию, но позднее этот чиновничий бунт стоил губернатору должности.

Около 8 часов вечера в Буденновск прибыла группа депутатов Государственной Думы во главе с Сергеем Ковалевым. Группа сразу же направилась в чрезвычайный штаб, но не была туда пущена охраной. Не помогли никакие депутатские удостоверения, ни требования, ни уговоры. «Таков приказ!» — отвечали суровые парни в шлемах, бронежилетах и с автоматами.

Группа Ковалева отправилась в здание администрации, где отчетливо виднелись следы недавнего на-

лета, и оттуда пытались дозвониться до штаба, что находился в двух кварталах от них в здании УВД.

Все попытки не привели ни к чему: либо было занято, либо никто не брал трубку.

Тогда Ковалев позвонил в Москву Егору Гайдару, прося употребить все его связи и влияние, для того чтобы Ковалев и его товарищи были допущены в штаб, где смогли бы предотвратить все попытки силового решения и предложить свои услуги на переговорах с террористами.

Неизвестно, какие свои связи использовал Егор Гайдар, но вскоре Ковалеву позвонил сам Егоров. Он очень любезно приветствовал Сергея Ковалева, хотя недавно публично называл его «врагом России № 1», и сказал, что сейчас приедет в здание администрации для совещания с делегатами.

Однако вскоре Егоров перезвонил снова и, извинившись, сообщил, что приехать не сможет. Не сможет он принять группу Ковалева и у себя в штабе. Идут важные совещания, которые, по всей видимости, будут продолжаться всю ночь. Утром он готов встретиться с уважаемым Сергеем Адамовичем. Не надо ни о чем беспокоиться. Он позвонит сам.

Министр по делам национальностей был сама любезность. Он сообщил, хотя никто его об этом не спрашивал, что на переговорах с Басаевым достигнут значительный прогресс, что возрастает надежда на бескровное разрешение вопроса об освобождении заложников.

«А утром, — закончил Егоров, — авторитет группы Ковалева среди чеченцев вполне может

оказаться полезным и тогда начнется наша совместная работа».

Сладкий голос, которым миннац говорил с Ковалевым, нисколько не успокоил уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации, а скорее наоборот. Он слишком хорошо знал Егорова. Однако усталость от длительного перелета из Германии в Буденновск взяла свое. Ковалев упал на диван и заснул, как убитый.

Вскоре, однако, он был разбужен раскатами артиллерийской стрельбы. Ковалев посмотрел на часы: было пять минут шестого утра. Брезжил рассвет. Он вскочил на ноги и подбежал к окну. Над больницей поднимались клубы черного дыма.

Первой реакцией Ковалева было немедленно бежать к месту событий. Однако даже площадь у здания Администрации была оцеплена и депутатов через цепь не пропустили. Поднявшись на крышу здания, Ковалев увидел языки пламени, вырывающиеся из крыши и окон городской больницы. Он понял, что сбылись его самые худшие предчувствия. «Альфа» начала штурм.

Глядя на бьющуюся в истерике женщину, размахивающую простыней, и слыша ее крики, молящие о пощаде, генерал Гусев и сам был близок к истерике. Ему также захотелось упасть на землю и, рыча, бить кулаками по камням, биться головой об опаленный дерн и ругаться матом так, как умеют ругаться русские люди в припадке буйного отчаяния.

Избранная им тактика «шквального огня» при-

вела к тому, что у «Альфы» кончились боеприпасы, а террористы отвечали таким огнем, как будто в больнице были развернуты склады боепитания по меньшей мере на целую общевойсковую дивизию.

План операции предусматривал три этапа. Врываться в саму больницу на первом этапе не собирались: стратегия операции заключалась не в захвате террористов, а в их вытеснении из здания «изнуряющим боем». На этом этапе группе «Вега» отводилась роль прикрытия.

На втором этапе, по замыслу, «Альфа» врывалась в здание и завязывала с отрядом Басаева комнатные бои по методу легендарного сержанта Павлова в Сталинграде.

На третьем этапе остатки «басаевцев» предполагалось вытеснить на улицу, где их должны были добить СОБРы, армейские части и подразделения внутренних войск, взявшие больницу в тройное кольцо оцепления.

Как водится, всю операцию провалил сам «чрезвычайный штаб», давший по радио открытым текстом приказ службе «Скорой помощи» собрать все бригады к зданию больницы к 5 часам утра.

Переданный в эфир текст был такой: «Начало в 5 утра. Надо собрать к объекту все «кареты». У чеченцев, как известно, были японские рации с шифроканалами (т.е. их переговоры перехватить было невозможно), а кроме того, в их руках была диспетчерская «скорой помощи», находящаяся в здании больницы. Кроме этого, они слушали все переговоры «Альфы» друг с другом и с подразде-

лениями поддержки, быстро поняв, что ничего более элегантного, чем «изнурительный бой со шквальным огнем», «Альфа» придумать не сумела. А именно к такому развитию событий отряд Базаева был готов лучше всего.

Что делали в тот момент Федеральное агентство правительственной связи и информации и Служба радиоконтрразведки ФСБ, отвечающие за контроль эфира, почему они не приняли элементарных мер по скрытности связи, не знает никто.

Прежде всего это хотелось бы знать генералу Гусеву.

В результате уже в 04.50 перемещение «альфовцев» было обнаружено чеченцами, которые открыли по двум передовым группам тот самый шквальный огонь, который готовила «Альфа». Таким образом, внезапность начала штурма, от которой во многом зависел исход задуманной операции, была сразу же потеряна. Причем плотность открытого чеченцами огня была такой, какую ветераны «Альфы» не видели никогда.

Даже при легендарном захвате дворца Амина в Афганистане. Группа, пытавшаяся обойти больницу с другой стороны, была уложена на землю перекрестным огнем из двух тяжелых пулеметов ДШК. Лейтенант Бурдяев — снайпер, попал под пулеметную очередь, когда бежал на помощь пятерке бойцов, пытавшихся выдвинуться на исходные позиции и попавшие в «огневой мешок» с невиданной ими доселе плотностью огня. Пули, пройдя между латами бронезилета, прошили бок, разворотили легкое и печень. Лейтенант умер мгновенно.

В этот же момент генерал Гусев услышал по рации голос майора Владимира Соколова — одного из опытнейших бойцов «Альфы». «П... ц, кажется, — как-то буднично сообщил майор. — Руку оторвало». Уже потом его обнаружили мертвым. Лейтенанту Дмитрию Рябину снайперская пуля угодила в горло. Более 15 человек были уже ранены. Таких потерь «Альфа» не несла еще никогда, а штурм фактически еще и не начинался. Началось только выдвижение на исходные позиции.

По плану операции, после занятия исходных позиций, по больнице должны были ударить из своих скорострельных орудий две БМП и четырехствольная «Шилка», делающая 1500 выстрелов в минуту. Под прикрытием этого огня «альфовцы» наносили удар из гранатометов по дверям и окнам первого этажа и врывались в здание, пока БМП и «Шилка» крушили окна и стены верхних этажей.

Однако, «Альфа» была положена на землю, не успев выйти на исходные позиции, а подошедшая бронетехника, открыв убийственный огонь по верхним этажам, была почти сразу же уничтожена залпами станкового гранатомета. И «Альфа» осталась вовсе без прикрытия, захлебываясь, как образно выразился один из участников штурма, кровью и свинцом.

Гусев бросился в штаб и стал требовать у армейского командования поддержку бронетехникой. Армейские чины, пряча глаза от командира «Альфы», уверяли, что у них больше нет здесь исправных машин. Все на внешнем кольце оцепления города.

Эти объяснения выглядели более чем странно,

поскольку вокруг помещения «чрезвычайного штаба» просто места не было от стоявших вплотную друг к другу бронетранспортеров (БТР) и боевых машин пехоты (БМП), напомилавших стадо испуганных слонов в загоне у браконьеров. Только один полковник честно сказал Гусеву: «Я своих людей в это пекло не пошлю. Хотите, берите машины и действуйте».

Гусев приказал именно так и поступить. Заняв не очень удобные позиции, чтобы не попасть под огонь гранатометов Басаева, «альфовцы», оседлав одолженные БТРы, открыли огонь по окнам больницы.

Потом, по словам одного из снайперов «Альфы», начался вообще кошмар. Стоявшие в оцеплении войска, которых замучила совесть при виде истребления «Альфы», открыли по больнице шквальный огонь, впрочем, с довольно приличного расстояния.

Случилось то, о чем предупреждал Басаев: «Я не буду никого расстреливать из женщин и детей. Их расстреляют сами российские части, когда пойдут на штурм больницы». Так и произошло.

Чеченцы поставили у окон захваченных людей и именно на них пришлась вся ярость открытого «Альфой» и другими подразделениями огня. Заложники — главным образом женщины — стояли в оконных проемах под дулами чеченских автоматов, отчаянно крича, размахивая простынями, умоляя прекратить огонь. Но их никто не слышал.

Скошенные очередями, разрываемые снарядами с боевых машин и бьющих в упор четырехствольных установок, они падали убитыми и ранеными

на окровавленный пол больничных палат, усыпанный осколками кирпичей, битым стеклом и кусками штукатурки рушащихся потолков. В некоторых помещениях вспыхнули пожары. Крики и мольбы были тщетны. Их никто не слышал.

Николай Егоров, взбешенный и перепуганный, метался среди обезумевших офицеров и солдат, сам напоминая безумного, грозя расстрелять всех и каждого неизвестно за что.

В этот момент Басаев, видя, что штурм захлебнулся, даже толком не начавшись, послал трех медсестер-добровольцев к российскому командованию с предложением прекратить огонь.

При выходе из больницы все три женщины были скопены очередами.

Все-таки нужно отдать должное «Альфе». Даже положенная шквальным огнем на землю, она не лежала без дела. Профессионал — он на то и профессионал, чтобы вести огонь при любом положении тела и оружия. Но, к счастью (видимо, и для самой «Альфы» тоже), где-то к 9 утра у «альфовцев» кончились патроны и гранаты. КАМАЗ с боеприпасами, предназначенный для «Альфы», куда-то таинственным образом исчез и отыскался только на следующий день где-то на окраине города, охраняемый одним милиционером. Такая команда как «Альфа» имеет право на собственные маленькие тайны.

«Альфа», провожаемая дружным огнем чеченцев, отошла под прикрытием огня БТРов, хотя и поспешно, но с достоинством.

Басаев прекратил огонь. Возможно, что именно он и купил «альфовский» КАМАЗ с боеприпасами, но нечего было транжирить их впустую.

И тогда все увидели стоявших в окнах заложников, кричащих и размахивающих простынями.

Но не это волновало генерала Гусева. Его волновал вполне законный вопрос: откуда у Басаева столько боеприпасов?! Откуда у него тяжелое вооружение, о котором «Альфа» узнала только в момент открытия огня.

В самом деле — откуда?

«Альфа», которая, начиная с 1991-го года, не могла толком выполнить ни одного порученного ей задания, подставляя политиков, естественно, желающих оставаться в тени, поражений не признает и постоянно твердит, что политики подставляют ее. Идет интересная игра, где все участники с удовольствием постоянно наступают на одни и те же грабли.

Взбешенный генерал Гусев позднее придумал версию о том, что городская больница в Буденновске была облюбована Басаевым еще полгода назад. Готовясь к операции, чеченская разведка организовала при больнице кооператив «Ирбис», арендовавший там подвал, куда в течение нескольких месяцев завозились оружие и боеприпасы...

Но как бы то ни было, штурм, к которому так долго готовились, провалился.

Через некоторое время из главного корпуса больницы вышли двое врачей с белыми простынями. Одна из них женщина-хирург стала биться в

истерике и кричать: «Не стреляйте! Умоляю, не стреляйте! Там дети! Много детей!»

В этот момент в «чрезвычайном штабе» появился Владимир Жириновский, который прибыл в Буденновск вместе со знаменитым врачом-гипнотизером Кашпировским, сказавшим публично в Думе: «Если я приеду в Буденновск, все заложники будут освобождены». Способности Кашпировского были известны на всю страну.

Что касается Жириновского, который никогда не отличался особым тактом, то увидев в штабе министра внутренних дел генерала Ерина, он с некоторыми нотками злорадства в голосе спросил: «Ну, что? Слышал я — штурм провалился».

Генерал армии Ерин никогда не терял самообладания. Он не стал выяснять, почему нарушен строжайший приказ — никого в штаб не допускать без особого разрешения. Почему-то этот приказ безукоснительно выполнялся, когда речь шла о Сергее Ковалеве, а Жириновского никто даже не осмелился остановить.

«Почему провалился? — с недоумением в голосе спросил Ерин. — Мы занимаемся выдавливанием чеченцев из здания...»

Поскольку Ерин, Егоров и Степашин имели на штурм «высочайшее» повеление, их больше беспокоило то, что «повеление» выполнить не удалось. Но время еще было. Поэтому в Москву пошло победное донесение, составленное, правда, в слегка осторожных выражениях.

В нем говорилось, что бандиты, согнав всех заложников на верхний этаж больницы, начали их массовый расстрел, одновременно предприняв попытку покинуть больницу и вырваться из города. В последовавшем затем бою бандиты были отброшены обратно в здание больницы, «Альфа» захватила первый этаж, предотвратила взрыв здания и начала просачиваться на верхние этажи. Полная нейтрализация бандитов ожидается в ближайшее время. Несколько позже было добавлено, что «Альфе» удалось освободить 127 заложников.

В действительности, если «Альфе» что и удалось — так это вынести из-под огня своих раненых и убитых.

Здание больницы продолжало гореть. Удушливый дым распространялся по палатам и «грозное» сердце воинов Ислама не выдержало. Басаев приказал выпустить на свободу всех рожениц, беременных и женщин, лежавших в больнице вместе с малолетними детьми.

Это было потрясающее зрелище, когда колонна женщин с грудными и малолетними детьми на руках, женщин, поддерживающих руками свои животы, где созревала новая жизнь, появилась из ворот больницы и двинулась по направлению к городу. Эта реальная картина «выхода жертв из ада» потрясла всех, кто ее видел.

Молодые женщины находились на грани полного нервного истощения, но тем не менее все они умоляли солдат не стрелять по больнице, поскольку основными жертвами стрельбы становятся заложники. Они уверяли, что с ними и их детьми обращались хорошо. Они — эти молоденькие, про-

винциальные женщины, почти девочки — поняли больше, чем все политические деятели, засевшие в «чрезвычайном штабе» и устроившие эту бойню. Все, что просят чеченцы — это перестать истреблять их народ и дать свободу их родине.

Их, разумеется, в «штабе» не услышали, а лишь включили освобожденных рожениц в число достижений «Альфы», чтобы провалившийся штурм не выглядел совсем бессмысленным. А более сотни погибших заложников, напротив, списали на Басаева. Именно для спасения их жизней «Альфа» и ринулась на штурм, не жалея себя.

В таком виде сообщение было отправлено в Москву и в Галифакс, где, как известно, находился президент Ельцин.

Получив это победное сообщение, Президент еще раз с очень довольным видом на весь свет подтвердил, что «штурм был предпринят по распоряжению, которое он отдал еще до отлета из Москвы». По словам Ельцина, решение было согласовано с руководителями соответствующих министерств, в частности, с Ериным.

Воспрял духом и Черномырдин, оставшийся за президента в Москве.

Все прошедшие полгода премьер пытался всеми силами дистанцироваться от чеченской бойни и даже делал робкие попытки эту бойню прекратить, начав переговоры. В связи с этим даже возникло выражение: «Вся страна в Чечне, а Черномырдин — весь в белом». Это было не совсем так,

но премьер со своим нефтегазпромом был очень заинтересован, чтобы безумие в Чечне как-то наконец завершилось.

Поэтому, получив сообщение за подписью троих буденновских триумфаторов о близкой победе, Черномырдин в качестве исполняющего обязанности главы государства призвал к «освобождению всех заложников в кратчайший срок».

«Я убежден, — пояснил премьер, — что даже те, кто сочувствует дудаевскому режиму, кто осуждал войну в Чечне, сегодня наглядно убеждаются в том, что происходит и что произошло. Сегодня еще раз хочется сказать и обатить внимание всех на то, кто причастен к этим всем делам. Нужно остановиться... Еще раз могу сказать, что организаторы, которые планировали эту операцию, планировали эту террористическую акцию, задумывали внести дестабилизацию на юге нашей страны, на Северном Кавказе, **ЧТО ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА И КРОВАВАЯ ЦЕПОЧКА ПРОТЯНЕТСЯ НА ВСЮ РОССИЮ. НЕ БУДЕТ ЭТОГО! НЕ БУДЕТ НИКАКИХ КРОВАВЫХ ЦЕПОЧЕК И НЕ БУДЕТ НИКАКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН В СТРАНЕ.** Правительство все делало и будет делать, чтобы в стране был порядок. Сегодня в Буденновске находятся представители правительства, уполномоченные, которые наделены всеми правами, чтобы вести переговоры, чтобы сесть за стол переговоров».

Никто ничего не понял, что хотел сказать Черномырдин. Какие переговоры, с кем переговоры?

Ведь только что в Галифаксе выступал Прези-

дент и строго приказал, понимаешь, всех уничтожить. Он даже выразил неудовольствие в связи с тем, что со штурмом затянули: он хотел им сам руководить с борта самолета. Тщетно лидеры «большой семерки» убеждали Ельцина, что десятилетия событий в Ольстере, на Ближнем Востоке и других местах говорят о том, что проблему, подобную чеченской, силой решить невозможно.

Нужно вести переговоры, пусть очень трудные и продолжительные, но переговоры. Возьмите хотя бы Израиль и палестинцев. Кто-нибудь разве мог предположить, что Рабин и Арафат сядут за один стол? Ельцин слушал, улыбался и кивал. Он производил впечатление человека, очень довольного собой. Ни тени озабоченности не было на его лице.

Пресс-секретарь Президента Сергей Медведев чуть позже заявил, что после произошедшей на глазах всего мира трагедии мирного населения в городе Буденновске, ни о каких переговорах с чеченцами не может уже идти речи. С бандитами может быть только один разговор: либо они сдаются и их вину определяет суд, либо их уничтожают.

Почему-то мало кто обратил тогда внимание на столь разную оценку ситуации Президентом в Галифаксе и премьером в Москве, где Черномырдин уже однозначно сказал о необходимости переговоров.

Не подлежит сомнению то, что Черномырдин имел уже к этому времени информацию, которой не имел Президент. Информированность Президента о многих происходящих с стране событиях — это вообще отдельная и детективная тема, поскольку

ку не существует более тяжелого государственного преступления, чем сознательная дезинформация главы государства. А это означает, что тюрьма плачет практически по всему президентскому окружению, включая и астрологический отдел Службы Безопасности...

Что же касается Черномырдина, то несмотря на то, что средства массовой информации создали ему имидж эдакой посредственности: троечника в школе, помощника бурового мастера с огромным трудом кончившего ВУЗ, способного с грехом пополам заниматься только хозяйственными вопросами, необходимо было всегда иметь в виду, что подняться до черномырдинских высот в системе покойной КПСС, а тем более в системе византийских интриг ельцинской администрации, мог только ловкий и, главное, хорошо информированный политик, которому совершенно необязательно было кончать школу с золотой медалью.

В день налета на Буденновск, т.е. всего три дня назад, Черномырдин, отвечая на вопрос о возможности именно такого развития событий, как все хорошо запомнили, ответил: «Не будет этого! Мы никогда не допустим!»

Сейчас примерно в тех же выражениях он говорил о «кровавой цепочке», которая уже спутывала русские города: «Не будет этого! Никаких «кровавых цепочек» не будет!», но не потому, что «мы этого не допустим», а потому, что «сядем за стол переговоров».

Действительно, «кровавая цепочка» уже тянулась от одного русского города к другому, создавая

пока еще невидимую паутину. Ее не видели еще ни многочисленные спецслужбы, ни, тем более, находящийся в Галифаксе Президент. Если говорить честно, ее в тот момент не видел и Черномырдин, но уже чувствовал ее на своем горле.

Президент же к этому времени получил новую реляцию из Буденновска, подписанную генералом армии Ериным как старшим в звании. Этой новостью Ельцин с удовольствием поделился с журналистами в холле отеля «Цитадель». Если утром Президент был весел и бодр, то сейчас выглядел очень уставшим. Видно было, что он снова занемог. Но тем не менее он радостно сообщил: «Ерин докладывает, что чеченцы переоделись в белые халаты в больнице и пытались бежать. Их всех, понимаешь, уложили». И Президент радостно засмеялся.

Затем Ельцин ошарашил журналистов поистине сенсационной новостью. «Мы получили сообщение, — поведал он, — что Дудаев попросил политическое убежище в Турции. Мы не будем возражать. Пусть едет куда хочет. Лишь бы подальше от России!»

Кто подсунул Ельцину подобную «мульку», какая из многочисленных спецслужб, видимо, останется одной из тайн чеченской войны.

Хотя турецкое посольство в Канаде, а затем и МИД Турции немедленно опровергли эту «утку», до Президента, наверное, из-за прогрессирующего недомогания это опровержение не дошло. Тем более, что верный Козырев, напоминающий теперь повадками главного евнуха при гареме эмира, под-

твердил, что «да, у нас есть очень надежная информация о бегстве Дудаева за границу».

В это же время президент США Клинтон получил по каналам госдепа и ЦРУ сообщение, что в Буденновске уже провалился не один штурм, а два. Клинтон отложил пресс-конференцию, которую он должен был дать совместно с Ельциным, и провел быстрое совещание со своими помощниками. Давно прошли уже те времена, когда любой «чих» из Москвы вызывал в Вашингтоне повышенное беспокойство: президенты прерывали отпуск, срочно (часто ночью) собирался Совет Национальной Безопасности; армия приводилась из состояния 5-й готовности сразу во 2-ю, а журналисты штурмовали двери госдепа, стараясь узнать хоть какие-нибудь новости и тому подобное. Ныне, а особенно после начала войны в Чечне, московская кухня никого в Штатах по большому счету, не интересовала. Московские политические новости печатались на пятых или шестых полосах газет, и даже такие журналы, как «Тайм» и «Ньюсвик» могли в нескольких номерах подряд не напечатать ни одного сообщения своих корреспондентов из Москвы.

Однако, на этот раз сообщение было очень тревожным. Резидент американской разведки в России докладывал, что чеченский рейд на Буденновск служил всего лишь отвлекающим маневром для начала операции с условным наименованием «Красная цепочка», которая, если ей дать начаться, может в течение двух-трех недель привести Россию в состояние полного хаоса. Об этом, по словам

резидента и одобрявшего его действия директора ЦРУ, уже поставлена в известность Федеральная Служба Безопасности России. Однако, учитывая ее очень низкий профессионализм и ярко выраженную тенденцию к саботажу, трудно ожидать, чтобы она смогла взять обстановку под контроль. ЦРУ рекомендовало Клинтону информировать обо всем в Галлифаксе президента Ельцина, поскольку в данном конкретном случае времени терять было уже нельзя.

Можно ли провести какую-либо связь между «Красной цепочкой», о которой докладывала из России американская разведка, и «Кровавой цепочкой», о которой говорил Черномырдин? Не исключено, что получив эти сведения от американцев через ФСБ, (а, возможно, и по другим каналам) российский премьер сознательно изменил наименование, поскольку в данном сочетании слова «красный» и «кровавый» были совсем не синонимами и имели к независимости Чечни весьма отдаленное отношение.

Ибо вскочивший на ягодище фурункул вполне может устроить сепсис всему организму, тем более столь ослабленному. А ни в чьи планы не входила столь быстрая смерть пациента.

А в Буденновске тем временем продолжалась стрельба, поскольку посланные в центр победные репортажи нуждались в каком-то конкретном воплощении. Оскорбленная «Альфа» в боевых действиях больше не участвовала, предоставив честь овладения больницей спецназу МВД. «Должностной страх прежде всего парализует разум», — мрачно пошутил один из наблюдателей.

Новая попытка взять здание больницы штурмом началась в 14.30.

Здание горело в нескольких местах. Позднее родилась версия, что солдаты, опасаясь, что все заложники сгорят заживо, пошли на штурм. Таким образом, чтобы заложники не сгорели, их решили перестрелять, так как несчастных продолжали держать у окон.

Все это было среди бела дня, на глазах у сгрудившихся вокруг больницы родственников.

Из окон больницы заложники продолжали отчаянно размахивать белыми простынями, отчаянно крича: «Не стреляйте! Не убивайте нас!» Крики эти были слышны за квартал, их не могла заглушить даже залповая стрельба.

Наконец, потеряв еще 10 солдат убитыми и 30 ранеными, убив около сотни заложников, «триумфаторы» приказали прекратить огонь, возобновив переговоры с Басаевым, снова предложив ему деньги и самолет в любую страну. Басаев ответил, что он больше переговоры вести не будет, но попросил прислать в больницу пожарную команду, чтобы потушить пожар. Что и было немедленно исполнено.

Наступила зловещая тишина, время от времени нарушаемая одиночными выстрелами где-то в городе. Кто в кого там стрелял — неизвестно.

Было 15 часов 20 минут. 17 июня 1995 года.

«Суббота 17 июня, — передал из Буденновска корреспондент «Московских новостей», — войдет в анналы истории борьбы с терроризмом как день безумия, непрофессионализма военных и полного идиотизма их начальников».

Срочно собравшийся в Пятигорске казачий круг под председателем бывшего обкомовского секретаря, а ныне «атамана» Мартынова, предъявил Басаеву ультиматум: если до 00 часов 18 июня он не освободит заложников, казаки «отловят и уничтожат втрое больше чеченцев, живущих на Ставропольщине».

По краю уже шли «стихийные» погромы чеченского населения. Они выбрасывались на улицу, а казаки, оседлавшие бульдозеры, сносили их дома. Многие из этих чеченцев вообще никогда не были в Чечне. Родившись и получив образование в России, они много лет работали в крае.

Все это время группа Сергея Ковалева, в отличие от группы Жириновского, не только не была допущена в штаб, но и вообще не пропускалась через оцепление. Депутаты лишь слышали периодически возникающую стрельбу, которая затихла около половины четвертого.

Ковалев несколько раз звонил в Москву Егору Гайдару, но тот признался, что в данных условиях ничего сделать не может.

Дело уже шло к вечеру, когда неожиданно зазвонил телефон в помещении, где находилась группа уполномоченного по правам человека. Сергей Ковалев снял трубку и, к своему большому удивлению, услышал голос премьера Черномырдина. Премьер сказал, что Ковалев получает полномочия вести с Басаевым переговоры от имени правительства. «Берите с собой кого хотите, — приказал глава правительства, — и действуйте. Времени терять нельзя!»

Ковалев немедленно перезвонил в штаб. На этот раз там сразу же сняли трубку. У телефона оказался начальник УВД Ставропольского края генерал Медведицкий. Генерал сказал Ковалеву, что Ерин, Степашин и Егоров в настоящее время очень заняты, чтобы иметь возможность принять Сергея Ковалева, но дал ему телефон, по которому можно было связаться в больнице с Шамилем Басаевым. Ковалев и Басаев знали друг друга еще со времен штурма Грозного. Ковалев предложил чеченскому полковнику в качестве заложников себя и свою группу в обмен на освобождение мирных жителей. Басаев не очень обрадовался подобной перспективе (уничтожить Ковалева и членов его группы в глубине души мечтали все собравшиеся в Буденновске начальники), но обещал подумать.

Примерно в 20.30 Басаев сообщил, что готов вести переговоры об освобождении заложников с депутатом Государственной Думы Сергеем Ковалевым. Для этого он требует временного прекращения боевых действий на территории Чечни и подтверждения от федеральных властей полномочий Ковалева на ведение таких переговоров.

Егор Гайдар по просьбе Ковалева пытался весь вечер связаться с премьером, но это ему не удалось. Время шло, приближаясь к полуночи, и полная неопределенность продолжала висеть над Буденновском как театральный занавес перед последним актом трагедии.

А на другом краю земли, в Галифаксе, где время приближалось к 18.00, началась долгожданная со-

вместная пресс-конференция президентов США и России: Билла Клинтона и Бориса Ельцина.

Президент России находился в состоянии сильнейшего недомогания. Предполагалось, что речь пойдет о высоких материях вроде международной ядерной безопасности и взаимовыгодном сотрудничестве, при освещении которых все политические деятели любят говорить общими, ни к чему не обязывающими словами. Но журналистов интересовала исключительно Чечня и, в частности, вопрос о заложниках в Буденновске.

Превозмогая недомогание и воздев руки к небу, Президент почти закричал: «Чечня — это центр международного терроризма, коррупции и мафиозности!»

«Чеченцы, — продолжал он, размахивая руками, — это же все бандюги, понимаешь!» Президент покрутил пальцем вокруг собственной головы: «Эти черные повязки, понимаешь, навязали на головы! Всех их будем уничтожать!»

Пока ошалевшие корреспонденты пытались сообразить, почему зеленые головные повязки чеченцев с текстом из Корана представились занемогшему Президенту черными, сам Президент последним усилием воли напряг глаза и увидел отчаянные знаки, которые подавали ему, оставаясь за кадром, Козырев и пресс-секретарь Медведев.

Поднеся палец к губам, Ельцин несколько раз послушно кивнул и более спокойным голосом сообщил собравшимся снова, что Дудаев попросил политического убежища в Турции. Это заявление было немедленно опровергнуто сотрудниками аме-

риканского президента, но Ельцин, казалось, этого не услышал.

В это время один из российских тележурналистов задал вопрос Клинтону, не изменил ли тот свое мнение о Чечне вследствие захвата больницы на юге России?

Придя снова в бешенство и не давая Клинтону ответить, Ельцин — в состоянии повышенной нервозности, по словам американских корреспондентов, снова почти заорал, что он сам является заложником этого кризиса, а его друг Билл поддерживает российскую акцию подавления мятежа.

Голос Ельцина поднялся до уровня крика. «Генерал Дудаев, — упрямо твердил он, — попросил политического убежища в Турции и Турция согласилась. Нам все равно, куда он денется!»

Однако, попытка Ельцина опереться на дружеское плечо Билла Клинтона с помощью утверждения, что «мой друг Билл» поддерживает российские методы подавления чеченских повстанцев, на этот раз не прошла.

Президент Клинтон, явно отворачивавший голову, когда «друг Борис» дышал в его направлении и мрачно молчавший во время ельцинского монолога, заявил, что его позиция по поводу чеченского конфликта абсолютно не та, что приписывает ему Ельцин. Конечно, он против всякого терроризма, но не односторонне, не в пользу одних против других.

Терроризм — если уж применять это слово — начался с нападения российских вооруженных сил на Чечню, он был присущ всему способу ведения

этой войны; то, что произошло в Буденновске, лишь логическое развитие событий.

«Поведение Президента в Галифаксе, — передавал в Москву один из российских журналистов, — его пустые и напыщенные речи, его безответственные заявления вроде фантастической лжи о намерении Дудаева бежать в Турцию, разыгранная им при встрече с Клинтонем сцена, изображающая «бандитов в черных (?) повязках», смотреть на которую было еще более стыдно, чем на берлинское дирижирование, неожиданно обернулась удачей для страны, поскольку в Москве «на хозяйстве» остался Черномырдин».

Поздно вечером 17 июня бригада российского телевидения была срочно вызвана в здание правительства. Время приближалось к полуночи, и перепуганные журналисты гадали, что могло произойти. Какое правительственное заявление сейчас пойдет в эфир? Такого еще не было никогда, даже во времена Карибского кризиса, когда СССР и США балансировали на грани ядерной войны.

Что же произошло сейчас? Может быть, вошедшие в раж армия и спецслужбы в отместку за неудачу в Буденновске и за все другое прочее решили развязать мировую войну по принципу: семь бед — один ответ?

То, чему стали свидетелями тележурналисты, а через них вся страна и весь мир, действительно не имело аналога в истории. По крайней мере в истории борьбы с терроризмом.

Взяв телефонную трубку, премьер произнес: «Шамиль Басаев? Говорит Черномырдин...»

Премьер-министр страны **ЛИЧНО** начал переговоры с «главой банды террористов», согласившись выполнить если не все, то главные условия, выдвинутые Басаевым. Подобного развития событий не ожидал никто.

Несмотря на то, что Виктор Черномырдин в течение всех прошедших шести месяцев и пытался дистанцироваться от чеченской бойни, ему как главе правительства это удавалось далеко не всегда. Публичные же заявления премьера, особенно последнее время, становились все жестче.

Накануне нападения на Буденновск, 6 июня, находясь в Краснодаре, премьер, стоя на фоне ухмыляющегося Николая Егорова, заявил, что «вести переговоры в Чечне не с кем». Он де уже испробовал все варианты. «Нельзя вести переговоры с бандитами», — нравоучительно изрекал премьер.

На следующий день, 7 июня, Черномырдин снова высказался по Чечне, заявив, что происходящие там события, по сути, являются вооруженным восстанием против единства России, а потому должны быть подавлены военной силой. «Война в Чечне, — подчеркнул премьер, — будет продолжаться в том же объеме. С бандитами нельзя вести никаких переговоров».

И, наконец, Черномырдин отыскал себе партнера для переговоров.

Если совсем недавно бандитами, не говоря уже о самом Дудаеве, безапелляционно считались и образованнейший юрист Имаев, и интеллигентней-

ний журналист Удугов, и умнейший политик Яндарбиев, и скромный воин Масхадов, то что можно сказать о Басаеве, на руках которого, как бы к нему ни относились, была кровь более трехсот убитых и покалеченных мирных жителей.

А затем быстро начавшиеся переговоры, закончившиеся триумфальным возвращением отряда Шамиля Басаева в Чечню, где он стал национальным героем со славой никак не меньшей, чем у его легендарного тезки — имама Шамиля; прекращение огня в Чечне, быстро налаженные переговоры, за словесной мишурой которых явствует только одно: **РОССИЯ ПРОИГРАЛА ВОЙНУ В ОДНОЙ ИЗ СВОИХ ПРОВИНЦИЙ!** За ритуальное разоружение Москва готова выплатить Чечне контрибуцию в размере 6 миллиардов долларов, предварительно ухлопав столько же на ведение боевых действий.

Что же произошло?

И наша, и зарубежная пресса наперебой комментировали это невероятное событие.

«Если точка и поставлена, — писал политический обозреватель «Нового Времени» Кронид Любарский, — то только в вопросе о том, каков тот режим, который осуществил вторжение в Чечню. В течение полугода он отказывался прислушиваться к голосам тех в нашей стране и зарубежом, кто требовал немедленно прекратить военные действия и начать прямые переговоры с теми, от кого единственно зависит возможность урегулирования — с правительством Джохара Дудаева, как бы мы к нему ни относились. Доводы о непомерной

цене, которую приходится платить жизнями россиян, не принимались во внимание. Над словами о нарушении прав человека смеялись. О потере Россией лица в глазах мирового сообщества не заботились. Тяжким бременем, которым чеченская авантюра ложится на экономику; решили пренебречь. О расколе, вызванном в обществе войной, отказывались и слушать.

Начали слушать только тогда, когда их силе противопоставили силу. Типичная реакция уголовного пахана.

Российские власти спровоцировали преступную войну и вели ее преступными методами, осуществляя фактически геноцид чеченцев, пробуждая в них гнев, ненависть и глухое отчаяние людей, которым уже нечего терять, заставляя даже своих бывших союзников в Чечне братья за оружие и вступать в ряды сопротивления.

Безграмотные и самоуверенные, не знающие ни истории, ни национального характера народа, они не понимали и не хотели понимать, что на всей территории бывшей Российской (и Советской) империи не было места, где развязывание войны против народа было бы большим безумием, чем в Чечне. Упоенные своей силой и властью, они думали, что можно безнаказанно поливать из огнеметов подвалы, где прячутся дети, бомбить школы и больницы, пытать в фильтрационных лагерях, мародерствовать и насильничать, не вызывая ответных действий. Полгода российская армия творила в Чечне такое, на что не решились диверсанты в Буденновске.

О том, что чеченская авантюра абсолютно неизбежно приведет к полномасштабной гражданской войне, которая перекинется и за пределы Чечни в Россию, предупреждали едва ли не все журналисты-аналитики, политологи, ученые и ведущие политики... Правительство и генералы были к этим предупреждениям полностью глухи. Грачев и Куликов, Ерин, Степашин и Егоров с присущей им наглой безапелляционностью со смехом отмахивались от них. Черномырдин решительно отвергал такую возможность буквально за день до начала трагедии. Цену их проницательности, интеллекта и политического чутья мы теперь видим... «Силовики» вкупе с правительством продемонстрировали полную неспособность выполнять свои прямые задачи, действовать хоть в малой степени профессионально. Об угрозе перехлестывания войны в Россию было известно уже давно. Тяжело вооруженный многочисленный отряд, среди бела дня преодолевающий сотни километров территории, наводненной сотрудниками спецслужб, внутренними и регулярными войсками — это не притаившийся в подъезде киллер, появляющийся без предупреждения.

Когда же трагедия уже произошла и не «принять мер» было уже невозможно, первое и единственное, что решили они предпринять, был штурм больницы, при котором ценой уничтожения Басаева и его товарищей могло быть только уничтожение всех заложников. Но что им, убившим десятки тысяч в Чечне, было уничтожение еще одной тысячи...»

Однако прекрасно сделав предварительный анализ, Любарский на вопрос, почему же все-таки

власти пошли на переговоры, отвечает с некоторой наивностью: Черномырдин де испугался, что Дума отправит правительство — и его лично — в отставку и для него наступит «политическая смерть». Мы видели к чему привела робкая попытка Думы поступить таким образом, когда президент Ельцин, усмехнувшись, заметил: «Пусть Дума подпишет сама себе приговор».

Уж чего-чего, а этого Черномырдин совсем не боялся!

«В Буденновске, — отмечала влиятельная французская газета «Монд», — Кремль, пытавшийся использовать взятие заложников, чтобы повернуть общественное мнение против чеченцев, попробовал — ничего другого не умея — применить силу. И теперь вынужден делать вид, что готов на переговоры. Чтобы российские власти согласились вести переговоры, потребовался кровопролитный и неудавшийся штурм больницы российскими вооруженными силами, бойня в самой больнице. Чеченцы отказались от денег и от предложенной возможности бегства и добились прекращения военных действий и немедленного начала переговоров с Москвой».

Конечно, можно провести историческую аналогию. Вид семи автобусов «Икарус», на которых отряд Шамиля Басаева, оставив в Буденновске 182 свежих могилы, возвращался под восторженные крики местных жителей в Чечню, оказал на нервное русское общество такое же впечатление, как некогда вид семи сдавшихся русских кораблей, входящих под японскими флагами в бухту Майдзуру под восторженные крики местного населения, высыпавшего на

берег. Это побудило русское правительство закончить войну с Японией, которую также планировали завершить за две недели захватом Токио.

Но Япония все-таки была иностранным государством, а не собственной провинцией.

И если унижение от тогдашнего позора не забывается до сих пор, то, смею вас уверить — унижение от того позора, которым доблестный полковник Басаев покрыл крылья российского орла, также никогда не забудется. И также поколение за поколением будет задавать себе вопрос: как подобное могло произойти?!

Речь идет не о том, как мог произойти налет на Буденновск, а о том, как мог Басаев, совершив этот налет, с триумфом вернуться в родные горы на любезно предоставленных ему семи экскурсионных «Икарусах», над которыми были подняты зеленые флаги «Свободного волка», и все «железные кольца» оцепления безропотно расступались перед ним?

«Воистину акбар!» — как заметил один журналист-цинник, давая полковнику Ворожцову расписку «о добровольном присоединении к бандитской группе Басаева».

Возможно, ближе всех к истине оказался немецкий журнал «Шпигель» — всегда осмотрительный и тщательно проверяющий информацию — отметивший в редакционной статье: «Уже начались сомнения — действительно ли трагедия в Буденновске была результатом отчаянной вылазки чеченцев, или ко всему этому приложили руку влиятельные российские круги».

Еще перед началом конфликта американская раз-

ведка докладывала, что готовится не война с Чечней, а война на территории Чечни двух полярных российских политических сил. Крошечной головкой айсберга выглядели при этом различные российские части, прибывшие в Чечню под трехцветным российским флагом и под серпасто-молоткастым красным знаменем бывшего СССР. При любом контакте эти части всегда открывали друг по другу огонь, а в дни многомесячного штурма Грозного просто истребляли друг друга якобы открытым по ошибке артиллерийским огнем или ошибочно наведенной авиацией.

Но, повторяю, это лишь маленькая головка айсберга.

СССР — последняя средневековая империя — рассыпавшись на феодальные домены, породил в качестве неизбежного следствия своего крушения огромное число разномастных баронов-разбойников. Генерал Дудаев, которому удалось сконцентрировать на себе внимание страны, а затем — и всего мира, был далеко не единственным и не самым опасным, поскольку действовал под знаменем священного права любого народа на самоопределение. Он сам стал игрушкой в руках тех сил, которые ставили перед собой гораздо более масштабные задачи.

Огонь войны стал затухать, когда американская разведка получила сообщение о начале операции «Красная цепочка» (или «Кровавая цепочка», как о ней проговорился Черномырдин).

«Красная цепочка» — вот что напугало всех обитателей Кремля, а не какие-то Думы или гря-

душие выборы, на которые им всем в высшей степени наплевать...

После того, как Сергей Ковалев был наконец допущен в больницу и начал переговоры с Басаевым, в ходе которых они оба постоянно консультировались с Черномырдиным, в Буденновске побывало много всякого известного люда.

Кое-кого, конечно, пропускали через три кольца оцепления вокруг города. Журналистку Наташу Алякину, например, имевшую все пропускные документы и аккредитации, убили выстрелом в спину прямо на конт-рольном пункте второго кольца, предварительно пожелав ей счастливого пути. Но так круто поступали далеко не со всеми.

В Буденновске появился даже Станислав Говорухин. В больницу он допущен не был, но прогуливался между сгоревшими и целыми бронетранспортерами, непрерывно восклицая: «Боже мой, какой бардак!»

На фоне Говорухина, Жириновского, Кашпировского и прочих не менее известных лиц, как-то незаметно прошло появление в Буденновске в самый разгар переговоров между премьером России Черномырдиным и полковником ичкерийской армии Басаевым нашего старого знакомого генерал-полковника Владислава Ачалова. Прославленный командир армейских спецназов и парашютно-диверсионных подразделений, он в октябре 93-го пытался наладить оборону Белого Дома, но был переигран и нейтрализован «президентскими заточками» вроде полковника Терехова и рядового Бабурина, попав на некоторое время за решетку следственного изолятора. Выйдя вскоре на свободу по амнистии, лихой

генерал, хотя и дал подписку более не заниматься политикой, поклялся отомстить и взять реванш.

Плох тот барон-разбойник, который не мечтает стать королем, особенно, когда сам король постоянно, понимаешь, недомогает.

В качестве кого Ачалов приезжал в Буденновск и каким образом он был пропущен через три кольца внешнего оцепления города, большого значения не имеет, поскольку, прибыв в Буденновск, отставной генерал-полковник был не только пропущен через три внутренних кольца оцепления, но и в саму больницу.

Тут важно заметить, что в захваченную больницу пропускали вовсе не тех, кому это разрешали генералы Ерин, Степашин и Егоров, а исключительно тех, кого желал видеть полковник Басаев.

Жириновскому и Говорукину тоже разрешили проход через «кольца» как депутатам. «Силовики» их пропустили, но Басаев не пустил и ничего не вышло.

В случае с Ачаловым наблюдалось полное единство взглядов, ибо всем было понятно, что генерал приехал лично высказать свое восхищение человеку, которого он был вправе считать одним из своих способнейших учеников.

Сразу же после визита в Буденновск генерала Ачалова на страницах столичной прессы вынырнул анонимный специалист «по государственным переворотам, диверсиям и международному терроризму», которого сотрудник газеты просил прокомментировать события в Буденновске.

«Как профессионал, — не без гордости заявил аноним, — могу засвидетельствовать, что операция по захвату заложников в Буденновске была подго-

товлена и проведена блестяще. Анализируя действия диверсантов, я не нахожу экспромта. Каждый из них выполнял свою задачу, что позволило реализовать задуманное очень быстро. Приведу только один пример. Прибыв в Буденновск, отряд Басаева рассредоточился на несколько групп, каждая из которых выполняла свои функции: одни расстреливали отделение милиции, другие брали заложников и т.п. Тем не менее в назначенное время все они собрались в одном назначенном месте — в горбольнице. Если бы не было заранее отработанного и согласованного плана, все закончилось бы сумбурными и безрезультатными для диверсантов действиями. Наглядный пример тому — штурмы российской армией Грозного в декабре-январе, когда военные подразделения истребляли друг друга, не имея понятия кто где находится и что атакует.

И официальная, и басаевская версии о том, как столь многочисленный отряд продвигался по территории, которая находится под особым контролем силовых ведомств, не выдерживают никакой критики. Очевидно, что в двух грузовиках никак не разместишь две сотни бойцов, которые к тому же должны везти с собой достаточно большой арсенал оружия, боеприпасов и взрывчатки... Значит, либо диверсанты ехали не на двух грузовиках, а большой автоколонной (минимум 7-9 машин), либо оружие и боеприпасы были складированы в условленном месте в Буденновске.

Кем? Чеченцами в спортивных костюмах, о которых сообщалось как о прибывших заранее? Во-первых,

сколько должно было приехать в Буденновск «спортсменов», чтобы в руках привезти такой арсенал?!

Во-вторых, представим, что в небольшой провинциальный город, где большинство населения друг друга знает, прибыла большая группа чеченцев. Это неминуемо бы вызвало настороженную реакцию местных жителей, а тем более представителей правоохранительных органов, которые регулярно получают ориентировки о возможных контактах со стороны дудаевцев. Если учесть, в каких сложных отношениях находятся ФСБ, МВД и армия, нетрудно предположить, что сотрудники этих структур наперегонки стали бы докладывать наверх о подозрительной концентрации чеченцев.

ВЫХОДИТ, ПОДГОТОВИТЬ ТАЙНИКИ С ОРУЖИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ (ЕСЛИ БАСАЕВЦЫ НЕ ПРИВЕЗЛИ ВСЕ ЭТО С СОБОЙ) ДОЛЖНЫ БЫЛИ ТЕ ЛЮДИ (ИЛИ СТРУКТУРЫ), КОТОРЫЕ НЕ ВЫЗВАЛИ БЫ ПОДОЗРЕНИЯ НИ У МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ, НИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИЛИЦИИ, ФСБ И АРМИИ.

Особо хочу сказать о марш-броске басаевцев. Пробивная сила денег, учитывая состояние дел в МВД, действительно может быть внушительной. Но в данном случае ее нельзя преувеличивать. Такой искушенный в подобных делах человек, как Басаев, не мог двинуться в путь, надеясь исключительно на продажность российских постовых. Наличие огромных средств влечет еще большую опасность для перевозчиков, чья задача — оружие. Если бы басаевцы «засветили» бы на первом же посту в

Чечне свои мешки с деньгами, постоянно мародерствующие бойцы ОМОНа тут же перестреляли бы их, конфисковав деньги в свою пользу. Скорее всего, басаевцам был обеспечен **КОРИДОР** для проезда...»

Добавим от себя, что не один коридор, а множество, через которые пропускались «красные цепочки» смертельной болезни, сыпью покрывшие страну.

И только когда взрыв Буденновской трагедии осветил окрестности, эту сыпь заметили. Единственным спасением было попытаться вернуться к положению, существовавшему на 11 декабря 1994 года, уже не думая о возможных последствиях позорнейшего военно-политического поражения в войне против собственного народа.

К сожалению, мы лишены возможности сообщить подробности операции «Красная цепочка» по многим причинам. Во-первых, и нам известно далеко не все. А то, что известно, должно уточняться, требуя более объективного анализа. И, конечно, мы боимся подвести наши источники. Но, кажется, что сказанного и процитированного достаточно, чтобы читатель сам смог сделать вывод, сколь слаба и уязвима наша родина, если противник с неизмеримо меньшей весовой категорией может, хоть временно, но отправить ее в нокдаун.

Однако, чтобы самые непонятливые лучше осознали опасность, приведем только один (из тысячи) возможных сценариев дальнейшего развития событий.

В ходе боевых, а уж тем более диверсионных действий, совсем необязательно проводить какие-либо мероприятия для сдерживания противника.

Часто достаточно всего лишь о них объявить — либо официально, либо с помощью инспирированной утечки информации.

Скажем, чтобы закрыть для плавания противнику какой-нибудь пролив, не обязательно там ставить мины. Достаточно объявить, что они поставлены. Вряд ли противник в этот пролив сунется, не проведя трудоемкой и рискованной минно-тральной операции.

Не обязательно в зоне действия армии противника травить колодцы. Надо объявить, что они отравлены. А человеческая психология такова, что даже если кто-то из солдат противника рискнет напиться, он обязательно будет отправлен в госпиталь со всеми симптомами отравления.

Те, кто слушали многочисленные «послебуденновские» интервью Шамиля Басаева, которые он давал нашим и иностранным журналистам, слышали его утверждения о наличии у него контейнеров с радиоактивным, биологическим и бактериологическим оружием. На вопрос, откуда они у него, Басаев со свойственной ему напускной непосредственностью, ответил: «Сейчас в России купить что угодно можно. Давай деньги — я тебе куплю». С той же непосредственностью и искренностью он говорил одному из корреспондентов еще в Буденновске: «Если у тебя есть 30 тысяч долларов, одевай зеленую повязку, клади автомат на колени и поезжай, ничего не бойся. Тебя пропустят до самого Кремля и в Кремль пустят».

Но в данном случае уже не имеет значения — есть у него эти контейнеры или нет. Главное, что Басаев объявил — они у него есть.

Теперь ему уже не обязательно даже совершать рискованные рейды в русские города. Достаточно объявить, что, скажем, на Таганке в Москве открыт контейнер с бактериологическим оружием и бацилла чумы (или чего-нибудь пострашнее) пошла гулять по столице.

Власти, разумеется, немедленно и категорически это опровергнут.

Но учитывая традиционную веру народа к заявлениям властей, можно представить, какая начнется паника в столице!

Или объявить, что в Петербурге открыт контейнер с радиоактивным веществом, а поскольку в любом месте города счетчики Гейгера трещат как в Хиросиме 45-го года, то можно представить, насколько кто-нибудь поверит властям, что ничего не произошло. Я уже не говорю о том, что у тысяч людей начнут проявляться симптомы заявленных болезней и поражений. Охваченное паникой население, сметая кордоны ОМОНа, бросится бежать из городов: москвичи на север, питерцы — на юг. Таким нехитрым способом, учитывая нервное состояние населения, можно быстро привести в состояние хаоса всю страну.

А уж если, как обещал тот же Басаев, при этом использовать смертников, то вообще страшно подумать, чем все это может кончиться.

Так что поверьте — Черномырдин знал, что делал, и меньше всего боялся, что Дума проголосует вотум недоверия его кабинету.

Если в России правители вообще когда-нибудь

будут бояться разных «вотумов», то не раньше, чем лет через 300.

Чтобы дальше не идти по неверной дороге военнополитических прогнозов и фантазий, пока что можно констатировать, что в результате рейда Басаева (или «теракта» — как хотите) бойню в Чечне удалось хоть временно, но остановить. Россия вынуждена была сесть за стол переговоров с представителями Дудаева. Сам Дудаев также жив и здоров, чего, видимо, и всем желает. Пока он все еще находится во всероссийском розыске, но уже не один. После Буденновска всероссийский розыск объявлен и на Басаева, что не мешает последнему почти ежедневно давать интервью. Настроение у него бодрое — Дудаев произвел «национального героя Ичкерии» в генералы.

Русская же армия фактически брошена в Чечне на произвол судьбы. Ей давно уже не занимаются ни министры, ни даже их замы, а какие-то никому ранее неизвестные генералы с тревожными лицами и бегающими глазами. За что погибли тысячи солдат и офицеров, а другие тысячи стали инвалидами — никто внятно объяснить не может, поскольку генерал Дудаев как был президентом Ичкерии, так и остался.

Никто не может объяснить, за что были искалечены судьбы нескольких сотен тысяч русских жителей Чечни, бежавших из Грозного, лишившихся близких, жилья и имущества. Возможно, что таким вот хитрым способом проводилась их депортация, чтобы сделать дудаевскую Ичкерию не только независимой,

но и мононациональной. Чтобы к нему не лезли с разными глупостями из Москвы, как в странах Балтии. Нет русских и притеснять некого.

На все эти вопросы ответил, пожалуй, только один Шахрай, давая показания на слушаниях о Чечне в Конституционном суде. Он сказал, что вторжение было необходимо, чтобы упредить Дудаева, который собирался вторгнуться в Россию. И предъявлял какой-то документ с дудаевским аналогом «плана Барбаросса». Ошеломленный Суд признал ВСЕ УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА КОНСТИТУЦИОННЫМИ, совершив, таким образом, за три неполных года своего существования второе преступление перед Россией.

Первое произошло, когда Конституционный суд еще под председательством Валерия Зорькина не допустил признания КПСС преступной организацией, спас «золото партии» в иностранных банках и обрек страну на конвульсии, продолжительность которых не поддается временному определению.

Второе — под председательством Туманова Суд совершил сегодня, создав прецедент, дающий право Президенту засыпать бомбами и снарядами территорию России по собственному усмотрению, даже в состоянии тяжелого недомогания.

Из всего этого можно сделать один не очень утешительный вывод.

Созданная совместным гением Ленина и Сталина страшная машина, работающая только на топливе из человеческих трупов, вовсе не перестала существовать в свободной России. Она только слегка изменила свой цвет, став вместо красной местами

розовой, а местами — коричневой. Полиняла слегка, но сохранила свои прежние аппетиты. Она любит убивать нас и по одному, и всех вместе.

Священника Меня — топором. Журналиста Холодова — бомбой. Телеведущего Листьева — выстрелом в затылок. Банкира Кантора — ножом. Предпринимателя Кивилиди — ядом. Тысячи россиян — (чеченцев и русских) бомбами, снарядами и напалмом. Машина набирает обороты и ей нужно все больше и больше топлива — наших жизней и жизни наших детей.

Мы настолько увлеклись абстрактными размышлениями, что забыли о трех главных героях книги: Егорове, Ерине и Степашине, которые так bravо начинали войну в Чечне и которых капризная судьба привела в Буденновск, где эта война пока что закончилась.

Сразу после начала переговоров Черномырдина и Басаева, вся эта «тройка» затеяла новый фарс на тему: «Кто дал приказ о штурме, в ходе которого погибло много заложников?» Игра была затеяна, видимо, для того, чтобы продемонстрировать Президенту свою верноподданность, поскольку всем было известно, что приказ о штурме отдал лично Борис Ельцин еще перед отлетом в Галифакс.

Игра эта с удовольствием была принята средствами массовой информации, которые со всех каналов и страниц вопрошали: «Кто отдал приказ о штурме?»

Поскольку Ерин, Степашин и Егоров уже дали понять, что готовы заслонить своими телами особу

главы государства, вся ярость общественного мнения, подогретая сценами непрерывных похорон в Буденновске, оказалась направленной против них. Теперь предстояло выяснить, кто из них конкретно отдал этот приказ.

Так как старшим номинально считался Егоров («руководитель чрезвычайного штаба»), то первым делом обратились именно к нему.

Миннац ответил, что, будучи человеком штатским, вообще не имеет права отдавать какие-либо приказы, кроме как работникам своего министерства, которые, понятно, в штурме не участвовали.

Точно так же и Степашин заявил, что ему никто в Буденновске не подчинялся, кроме секретной агентуры, которая никого штурмовать не могла.

И тогда все взоры направились на несчастного генерала армии Виктора Ерина. Растерявшийся министр внутренних дел, который не мог, как его хитрые коллеги, уверять общественность, что ему никто не подчиняется, в начале не нашел ничего лучшего, как подставить двух своих заместителей: Абрамова и Егорова (однофамильца миннаца).

Затем, видимо, сообразив, что заместители вряд ли могли бы отдать приказ о чем-либо через его голову, Ерин намекнул, что весь штурм был импровизацией командира «Альфы» генерала Гусева. Потом, несколько опомнившись, Ерин заявил, что вообще не было никакого штурма, а имело место «выдавливание чеченцев». И, наконец, министр отредактировал свой ответ следующим образом: «Штурма не было. Был не штурм, а было движение спецподразделений, ко-

торые освободили часть второстепенных зданий на территории больничного комплекса».

Затем все трое хлопотали, чтобы достать Басеву автобусы для возвращения в Чечню. Ичкерийский полковник потребовал, чтобы автобусы были непременно с мягкими сиденьями и с занавесками на окнах.

В ведомствах Егорова, Ерина и Степашина, разумеется, такой роскоши не нашлось. В конце концов автобусы одолжило какое-то коммерческое предприятие, пожелавшее остаться неизвестным. Впрочем, некоторые люди утверждали, что эти автобусы стояли на въезде в Буденновск еще с 14 июня. Их охраняли трое солдат в масках.

Но и это тоже не имеет большого значения.

Пощечина, полученная Москвой в Буденновске, была настолько звонкой и унижительной, что не оставила равнодушным никого, включая и Государственную Думу, дружно проголосовавшую за недоверие правительству и жаждущую крови «силовиков».

Снова поставленный перед выбором: стрелять из танков по парламенту или выгнать оскандалившихся в Буденновске министров, Президент решил выбрать последнее. Хотя ему этого очень не хотелось.

Нервозности в ситуацию добавил еще генерал Грачев. Страшно довольный тем, что остался в стороне, министр обороны в очередном интервью заметил, имея в виду действия «Альфы»: «Можно было сделать там все более грамотно, с наименьшими потерями и главное результативно: не дать бандитам уйти. Сделано бездарно, все бездарно!» Высказывание

Грачева пришлось как раз на тот день, когда «Альфа» хоронила своих погибших в Буденновске товарищей. Грачев всегда отличался повышенным чувством такта. Разъяренные «альфовцы» не преминули напомнить министру обороны, сколько он возится уже в Чечне, сколько людей там положил и чего добился. Ему ли говорить о чьей-то бездарности?

Под эти склоки Президент уволил в отставку Ерина, Степашина и Егорова.

Последний очень остро переживал начало переговоров с Чечней, рассматривая окончание войны как личное оскорбление. Он призывал продолжать войну до победного конца и в интервью одной из Кубанских газет даже выразил готовность поступить «контрактником» в вооруженные силы и сражаться с Дудаевым до последней капли крови. Разумеется, он ничем не рисковал, зная, что в «контрактники» не возьмут, а потому, как всегда, призывал сражаться до последней капли чужой крови.

Вскоре, однако, Ерин был назначен заместителем директора Внешней разведки, что было воспринято общественностью с хохотом. У нас всегда сначала хохочут, а потом плачут.

Затем всплыл и Егоров. Оказывается, Президент назначил бывшего миннаца Председателем совета по делам казачества при Президенте РФ, а чуть позже — своим помощником по делам национальностей и региональной политике. Так что ждите вторжения еще куда-нибудь.

Только Степашин пока еще не у дел. В резерве. Уж очень на него обиделся Ельцин за «дезу» о

готовности Дудаева сбежать в Турцию, полученную от ФСБ.

Все это говорит прежде всего о том, насколько узким становится круг людей, которым Президент, по известным только ему причинам, почему-то считает, что может доверять.

Этих людей, заброшенных демократической волной вместо помойки на высшие и важнейшие государственные должности, даже нельзя назвать «некомпетентными» или «непрофессиональными».

Это просто клоуны, ставящие одну за другой кровавые буффонады на теле нашей умирающей страны. Вглядитесь внимательнее в их лица и вы убедитесь в этом сами.

Вы убедитесь также и в том, как быстро все деградирует. Если в октябре 1993 года Президент еще достаточно ловко орудовал мечом и «заточками», то в декабре 1994 года он уже взялся за лом, который, к счастью, оказался для него слишком тяжелым.

Какой инструмент ему понадобится в следующий раз, чтобы окончательно разрушить страну?

*Санкт-Петербург,
август 1995 года.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	3
Глава 1. Пролог или тихое шипение бикфордова шнура.	5
Глава 2. Цитаты	86
Глава 3. Секунда для детонатора	123
Глава 4. Взрыв	190

ЛР № 040556 от 16.12.92 г.

Подписано в печать 04.10.95 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 63.

Отпечатано с готовых диапозитивов в тип. им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

3 9352 04344580 8

DK
511
C372
B86
1995

SUZZALLO MAIN
COLLECTION

Игорь БУНИЧ – отставной офицер флота – много лет проработал в архивах, анализируя исторические коллизии и составляя аналитические обзоры для руководства Военно – Морской Академии.

Свои аналитические способности он реализовал в первой своей книге «Золото партии», сразу же ставшей мировым бестселлером.

Настоящая книга продолжает серию захватывающих хроник Игоря БУНИЧА – «Кейс Президента», «Меч Президента» и в полной мере заслуживает названия «Лом Президента», ибо отражает деградацию руководства при решении узловых проблем от тоталитарного монстра – СССР до «правовой падчерицы» – России.

Исключительное право публикации данной книги принадлежит ЛНПП «ОБЛИК»
Выпуск произведения без разрешения Издательства считается противоправным и преследуется по закону.

1995 г.

© лнпп «облик»